This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

DC
146
R7A25

Digitized by Google

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII

EX LIBRIS

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Изданіе Историческаго Общества при Императорскомъ
С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Madame Roland

Lichnye

ЛИЧНЫЕ

Memoiry

МЕМУАРЫ

Г-жи Роланъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Н. Г. Вернадской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893.

Digitized by Google

Digitized by Google

Изданіе Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Дорогой Анны Серг. Милюковой
От Н. Бернадской

ЛИЧНЫЕ МЕМУАРЫ

Г-жи Роланъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Н. Г. Вернадской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893.

Digitized by Google

MILIUKOV LIBRARY

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Спб. 20 декабря 1893 г.

Предсѣдатель *Н. Карѣевъ*.

Digitized by Google

DC146
R7A25

Дорогой памяти

Александры Павловны

Ольденбургъ.

Посвящаетъ свой трудъ

переводчица.

M303210

Digitized by Google

Digitized by Google

Переводъ сдѣланъ по наиболѣе полному изданію Добана: «Mémoires de madame Roland. Seule édition entièrement conforme au manuscrit autographe, transmis en 1858 par un legs à la Bibliothèque Impériale, publiée avec des notes par C. A. Dauban. Ouvrage orné du portrait de madame Roland, gravé par Adrien Nargeot et enrichi du fac-similé de fragments du manuscrit autographe de madame Roland». Paris, Henri Plon, 1864.

Н. В.

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

Въ тюрьмѣ Св. Пелагіи 9 августа 1793 года.

Дочь художника, жена ученаго, ставшаго министромъ и оставшагося добродѣтельнымъ, нынѣ узница, обреченная, быть можетъ, на насильственную внезапную смерть, я знала счастіе и несчастіе, я видѣла вблизи славу и терпѣла несправедливость.

Родившись, хотя и въ низкой средѣ, но отъ честныхъ родителей, я провела юность на лонѣ искусствъ, питаемая прелестями занятій, не зная иного превосходства, какъ превосходство личныхъ достоинствъ, ни иного величія, какъ величіе добродѣтели.

Въ возрастѣ, когда избираютъ себѣ занятіе, я лишилась надежды на состояніе, которое могло дать мнѣ положеніе, соотвѣтствовавшее моему воспитанію. Союзъ съ человѣкомъ почтеннымъ, казалось, долженъ былъ вознаградить меня за превратности судьбы—онъ сдѣлался для меня лишь источникомъ новыхъ бѣдъ.

Сильная душа, мягкій характеръ, основательный умъ, наружность, все это выражавшая, привлекли ко мнѣ любовь тѣхъ, кто меня знаетъ. Положеніе, въ которомъ я очутилась, создало мнѣ враговъ—я лично ихъ не имѣю. Тѣ кто говорятъ больше всего зла про меня, никогда меня не видали.

Истинно, вещи рѣдко таковы, какими онѣ кажутся. Тѣ дни моей жизни, когда я больше всего вкушала счастія или испытывала горя могли бы часто показаться постороннимъ обратными тому, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Оно и понятно: счастіе зависитъ больше отъ привязанностей, чѣмъ отъ обстоятельствъ.

Я хочу воспользоваться досугами заключенія, чтобы воспроизвести всю свою личную жизнь, начиная съ дѣтства и кончая этою минутой. Вновь проходить всѣ шаги своей жизни значитъ жить во второй разъ, и что́ лучшаго дѣлать въ тюрьмѣ, какъ не перенестись

Digitized by Google

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

въ иной міръ счастливою мечтою или любопытными воспоминаніями?

Если опытъ дѣйствительно пріобрѣтается скорѣе отъ размышленій надъ тѣмъ, что видишь и что дѣлаешь, чѣмъ отъ самаго дѣла, то опытность моя можетъ значительно расшириться отъ предпринятаго мною труда.

Общественныя дѣла, мои личныя чувства давали въ теченіе двухъ мѣсяцевъ заключенія столь обильный матеріалъ для мыслей и описаній, что не являлось и потребности въ воспоминаніяхъ о давно прошедшихъ временахъ; первыя пять недѣль поэтому были посвящены на составленіе „историческихъ очерковъ", которые можетъ быть, не были лишены нѣкоторыхъ достоинствъ. Но ихъ уничтожили. Я почувствовала всю горечь этой утраты, которой я уже не исправлю, но вознегодовала-бы на себя, если-бы я отъ чего либо могла пасть духомъ. Среди всѣхъ испытанныхъ мною несчастій самое сильное чувство горя неизмѣнно сопровождалось желаніемъ противоставить свои силы постигшему меня злу и преодолѣть его, или дѣлая добро другимъ, или закаляя себя бѣдою. Такимъ образомъ несчастья могутъ преслѣдовать меня со всѣхъ сторонъ, но не подавить. Я могу быть гонима тиранами, но уничтожена ими—никогда, никогда!

Записки мои погибли; я буду писать свои воспоминанія и, благоразумно считаясь съ собственной слабостью въ минуту сильнаго огорченія, для того, чтобы лучше отвлечься, побесѣдую о себѣ. Съ одинаковою откровенностью я представлю здѣсь свои достоинства и свои недостатки. Человѣкъ, который не рѣшается открыто говорить о своихъ достоинствахъ, почти всегда трусъ, знающій и боющійся того худого, которое могутъ сказать о немъ, а тотъ, кто колеблется признать свои недостатки, не обладаетъ мужествомъ, необходимымъ для того, чтобы ихъ искупить и не пасть подъ ихъ бременемъ. Столь откровенная относительно себя, я не буду стѣсняться и въ отношеніи другихъ: отецъ, мать, друзья, мужъ,—я ихъ всѣхъ изображу такими, каковы они въ дѣйствительности, или какими я ихъ считала.

Пока я жила мирно и сосредоточенно, моя природная чувствительность настолько преобладала надъ всѣми другими моими свойствами, что она проявлялась одна или господствовала надъ всѣми. Первою потребностью моею было нравиться и дѣлать добро. Я нѣсколько походила на добраго de-Gourville, котораго, по словамъ г-жи Севиньэ, любовь къ ближнему прерывала на полу-словѣ; S-te Lette могъ бы сказать обо мнѣ, что обладая талантомъ тонкихъ эпиграммъ, я не позволяла имъ срываться съ своихъ устъ. Съ тѣхъ же поръ, какъ обстоятельства, политическія и другія бури, развили энергію моего характера, я прежде всего стала откровенной и не останавливаюсь

Digitized by Google

передъ тѣми мелкими обидами, какія случается наносить. Я болѣе не сочиняю эпиграммъ: онѣ предполагаютъ любовь колоть людей своей критикой, а я не охотница бить мухъ; но я люблю открыто воздавать всѣмъ должное, возстановляя истину и провозглашая ее въ лицо виновнымъ, какъ-бы она ни была ужасна, не удивляясь, не волнуясь и не сердясь, какое-бы впечатлѣніе это на нихъ ни производило.

Gatien Philipon, мой отецъ, былъ граверомъ по ремеслу. Онъ занимался также живописью и одно время, скорѣе изъ разсчета, чѣмъ по влеченію, думалъ спеціально предаться живописи по эмали; но ему пришлось бросить это дѣло, такъ какъ высокая температура, при которой обжигается эмаль, оказалась вредной для его зрѣнія и не пришлась ему по нраву. Онъ снова вернулся къ своему ремеслу, которое было скромно, но несмотря на трудолюбіе, несмотря на то, что времена благопріятствовали его искусству и онъ держалъ довольно значительное число подмастерьевъ, страсть къ наживѣ влекла его къ торговлѣ: онъ покупалъ или бралъ въ уплату у купцовъ, съ которыми велъ дѣла, драгоцѣнныя вещи и бриллiанты для перепродажи ихъ по случаю. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ замѣтила, что честолюбіе обыкновенно губитъ людей, къ какому-бы обществу они ни принадлежали; оно возвышаетъ нѣсколькихъ счастливцевъ надъ уровнемъ толпы, но за то создаетъ массу жертвъ. Въ примѣрѣ моего отца я не разъ еще найду подтвержденіе этой мысли. Ремесло его доставляло ему средства для обезпеченной жизни; онъ захотѣлъ обогатиться и кончилъ разореніемъ.

Здоровый и сильный, дѣятельный и тщеславный, онъ любилъ жену свою и любилъ роскошь; человѣкъ необразованный, онъ обладалъ той степенью вкуса и тѣмъ поверхностнымъ запасомъ знаній, которые даютъ занятія искусствомъ, какъ-бы ничтожны они ни были. Поэтому, несмотря на его преклоненіе передъ богатствомъ и тѣми занятіями, которыя его доставляютъ, онъ поддерживалъ съ купцами только дѣловыя сношенія, а знакомство водилъ лишь съ художниками, живописцами и скульпторами. Пока честолюбіе его знало мѣру и не встрѣчало неудачъ, онъ велъ очень умѣренную жизнь; нельзя сказать, чтобы онъ былъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, но въ немъ было много того что называютъ честью: онъ, правда, способенъ былъ запросить за вещь болѣе, чѣмъ она того стоила, но скорѣе бы лишилъ себя жизни, нежели бы не выплатилъ денегъ за ту, которую купилъ.

Маргарита Bimont, его жена, принесла ему въ приданое очень мало денегъ, но чудную душу и прелестную наружность. Старшая изъ 6 дѣтей, для которыхъ она была матерью, она вышла замужъ двадцати шести лѣтъ лишь для того, чтобъ уступить свое мѣсто сестрамъ. Чувствительное сердце, обаятельный умъ заставляли желать для нея

Digitized by Google

союза съ человѣкомъ тонкимъ и просвѣщеннымъ, но родители ея представили ей честнаго человѣка, способности котораго обезпечивали ему средства къ жизни, и разсудокъ побудилъ ее согласиться на этотъ бракъ. За неимѣніемъ счастья, на которое она не могла надѣяться, она чувствовала, что съумѣетъ водворить у себя миръ, способный замѣнить собой счастье. Благоразумно умѣть ограничивать свои потребности; радости случаются рѣже, нежели принято думать, но въ добродѣтельной жизни заключается неизмѣнный источникъ утѣшеній.

Я была ихъ вторымъ ребенкомъ; мой отецъ и мать имѣли всего семь человѣкъ дѣтей, но остальные умерли въ младенческомъ возрастѣ или при появленіи на свѣтъ, вслѣдствіе различныхъ случайностей, и мать моя любила иногда вспоминать, что только я одна никогда не причинила ей страданій, такъ какъ роды ея были также благополучны, какъ беременность. Казалось, будто здоровье ея укрѣпилось послѣ моего рожденія.

Одна тетка моего отца пріискала для меня въ окрестностяхъ Арпажона гдѣ она часто проводила лѣто, здоровую кормилицу, хорошаго поведенія; въ околоткѣ относились къ ней съ особеннымъ уваженіемъ, вслѣдствіе того, что мужъ ее мучилъ своей грубостью, не будучи въ состояніи этимъ измѣнить ея характеръ и поведеніе. Г-жа Besnard — такъ звали мою двоюродную бабушку и не имѣла дѣтей; ея мужъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ, оба относились ко мнѣ, какъ къ родной дочери. Они всегда продолжали заботиться обо мнѣ; они и сейчасъ еще живы и на склонѣ лѣтъ томятся подъ бременемъ горя; они вздыхаютъ о судьбѣ своей внучатной племянницы, предмета ихъ надеждъ и гордости. Почтенные старики мои, утѣшьтесь! Лишь немногимъ суждено пройти жизненный путь свой среди того мира и тишины, какіе васъ окружаютъ; а я стою на высотѣ несчастій, выпавшихъ на мою долю, и не перестану преклоняться передъ вашею добродѣтелью.

Мои добрые родные своимъ вниманіемъ поддерживали и поощряли неустанную заботливость моей кормилицы; она пріобрѣла любовь моего семейства своимъ усердіемъ и успѣхами въ моемъ воспитаніи. Она каждые два года неизмѣнно, въ теченіе всей своей жизни, пріѣзжала въ Парижъ для свиданія со мной; она поспѣшила ко мнѣ при извѣстіи о жестокой утратѣ, которую я понесла со смертью моей матери. Я до сихъ поръ помню, какъ она предстала передо мною; я лежала на постели, погруженная въ свое горе; ея присутствіе слишкомъ живо возстановило въ памяти недавнюю утрату, первое горе моей жизни, и со мной сдѣлались судороги; она испугалась и удалилась, и я больше не видѣла ее; вскорѣ послѣ этого она умерла. Я бывала у нея въ избѣ, въ которой она меня вскормила, я съ умиленіемъ слушала добродушныя сказки, которыя она любила сочинять, показывая мнѣ мои когда

Digitized by Google

то любимые уголки, вспоминая мои проказы, которыя смѣшили ее и теперь.

Мнѣ было два года, когда я вернулась въ родительскій домъ; мнѣ часто разсказывали объ удивленіи, проявленномъ мной при видѣ зажженныхъ вечеромъ на улицѣ фонарей, которые я называла красивыми бутылками; о моемъ нежеланіи употреблять то, что собственно называютъ горшкомъ, такъ какъ мѣстомъ для удовлетворенія извѣстной потребности для меня всегда служилъ одинъ уголокъ въ саду; и о насмѣшливомъ видѣ, съ какимъ я спрашивала, показывая на суповыя чашки и салатники, не сдѣланы ли и они для той же цѣли. Приходится умалчивать объ этихъ милыхъ и другихъ столь-же важныхъ вещахъ, занимающихъ лишь кормилицъ и передаваемыхъ лишь бабушкамъ и дѣдушкамъ: пусть не ждутъ отъ меня здѣсь описанія маленькой двухлѣтней чернушки съ темными волосами, красиво обрамлявшими личико, покрытое яркимъ румянцемъ и дышавшее счастьемъ и здоровьемъ своего возраста. Я знаю, что наступитъ болѣе подходящее время для описаніи моей наружности и не сдѣлаю неловкости предупредить его.

Мать моя силой своего ума и доброты скоро пріобрѣла на мою кроткую и нѣжную душу, вліяніе, которымъ она всегда пользовалась лишь для моего блага. Это вліяніе было такъ сильно, что при неизбѣжныхъ мелкихъ столкновеніяхъ между руководящимъ разумомъ и сопротивляющимся ребенкомъ, ей никогда не пришлось прибѣгать къ наказанію: ей достаточно было холоднымъ тономъ произнести—„mademoiselle“ или бросить на меня строгій взглядъ. Я до сихъ поръ помню впечатлѣніе, которое производилъ на меня этотъ взглядъ, обыкновенно столь ласковый. Я слышу, внутренно содрогаясь, исполненное холоднаго достоинства слово „mademoiselle“, вмѣсто нѣжнаго названія—моя дѣвочка, и милаго имени „Manon“. Да Manon, такъ звали меня; я огорчена за любителей романовъ: это имя неблагородно; оно не подходитъ къ героинямъ высокаго полета, но, что дѣлать,—это было мое имя, и я пишу повѣсть изъ дѣйствительной жизни. Впрочемъ самые взыскательные люди примирились-бы съ этимъ именемъ, еслибы слышали его въ устахъ моей матери и видѣли ту, которой оно принадлежало. Не было-ли всякое слово, произнесенное любящимъ голосомъ моей матери, преисполнено прелести, и когда эти трогательные звуки проникали въ мое сердце, не учили-ли они меня на нее походить?

Живая, хотя и не шумная и по природѣ сосредоточенная, я любила быть занятой и быстро схватывала всякую мысль. Этой способностью хорошо воспользовались: не помню чтобы меня когда-либо учили читать. Мнѣ разсказывали, что къ 4-мъ годамъ дѣло было сдѣ-

Digitized by Google

лано и что съ тѣхъ поръ заботы о моемъ первоначальномъ ученіи ограничивались снабженіемъ меня книгами. Каковы-бы ни были тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ давали или какими я могла завладѣть, онѣ овладѣли мной всецѣло и отвлечь меня отъ нихъ могли лишь букетами. Видъ цвѣтка невыразимо ласкаетъ мое воображеніе и нѣжитъ чувство; онъ пробуждаетъ во мнѣ страстную любовь къ жизни съ дѣтства. Уже подъ тихимъ кровомъ отцовскаго дома я была счастлива среди цвѣтовъ и книгъ: въ узкой тюремной оградѣ, среди оковъ, наложенныхъ возмутительной тираніей, я забываю людскую несправедливость, ихъ глупость и мои страданія, когда вижу вокругъ себя книги или цвѣты.

Обстоятельства были слишкомъ удобны, чтобы не воспользоваться ими для обученія меня Ветхому и Новому завѣту, большому и малому катехизисамъ. Я училась, чему хотѣли, и вытвердила бы Алькоранъ, если-бы меня выучили его читать. Мнѣ припоминается одинъ художникъ, по имени Guibal; онъ позже жилъ въ Штутгардтѣ, и я видѣла нѣсколько лѣтъ тому назадъ его хвалу Пуссену, увѣнчанную Руанской Академіей; онъ часто навѣщалъ моего отца: это былъ чудакъ, который разсказывалъ мнѣ занимательныя дѣтскія сказки, до сихъ поръ сохранившіяся въ моей памяти; но не менѣе забавляло его самого выслушивать мою ученую болтовню. Онъ и теперь передо мною, какъ живой, съ своимъ нѣсколько смѣшнымъ лицомъ; онъ сидитъ на креслѣ, ставитъ меня между колѣнями, на которыя я опираюсь локтями, и заставляетъ меня произносить символъ Св. Аѳанасія; онъ вознаграждаетъ мою любезность разсказомъ о нѣкоемъ Танжэ, у котораго носъ былъ до того длиненъ, что онъ принужденъ былъ его обвивать вокругъ руки своей, когда хотѣлъ двигаться. Я могла бы привести еще болѣе рѣзкія сопоставленія.

Семи лѣтъ меня начали посылать на воскресные классы (закона Божія) въ приходской церкви для приготовленія къ конфирмаціи. Судя по ходу событій у моихъ читателей легко явится вопросъ о томъ, что это такое было. Разскажу въ чемъ дѣло. Въ любомъ уголку церкви, въ часовнѣ или придѣлѣ ставилось на опредѣленномъ пространствѣ другъ противъ друга нѣсколько рядовъ стульевъ или скамей; въ серединѣ оставлялся довольно широкій проходъ и въ концѣ его на нѣкоторомъ возвышеніи помѣщалось кресло—курульное кресло молодого священника, который училъ отданныхъ на его попеченіе дѣтей. Въ этихъ классахъ дѣтей заставляли твердить на память относящіяся къ каждому дню страницы изъ евангелія—посланія, молитвы, и заданныя на недѣлю главы изъ катехизиса. Когда сборища эти бывали многочисленны, священнику во время урока помогалъ въ качествѣ репетитора молодой причетникъ; наиболѣе же существенными

Digitized by Google

вопросами занимался самъ учитель. Въ иныхъ приходахъ дѣти обоихъ половъ присутствовали совмѣстно на урокахъ Закона Божія, хотя они и были размѣщены на разныхъ скамьяхъ. Въ большинствѣ же приходовъ мальчики и дѣвочки обучались отдѣльно. Матери или кумушки—большія охотницы до поученій, въ какой-бы грубой формѣ они ни подносились, присутствовали при этихъ урокахъ, послѣдовательно приспособленныхъ къ различнымъ возрастамъ и устроенныхъ съ цѣлью приготовленія къ конфирмаціи или первому причастію. Ревностные приходскіе священники отъ времени до времени посѣщали свое юное стадо, наученное почтительно вставать съ мѣстъ при ихъ появленіи; они предлагали нѣсколько вопросовъ наиболѣе виднымъ ученицамъ съ цѣлью удостовѣриться въ ихъ познаніяхъ; матери послѣднихъ исполнялись гордости, и священникъ удалялся среди глубокихъ ихъ присѣданій. Г-нъ Garat, священникъ моего прихода Св. Варѳоломея, въ части города, которая тогда называлась въ Парижѣ—Cité, былъ добрякъ, пользовавшійся репутаціей очень ученаго человѣка, хотя онъ и не умѣлъ сказать двухъ словъ съ каѳедры, съ которой имѣлъ несчастную страсть говорить; такъ же точно теперь толкуютъ о чрезвычайныхъ способностяхъ другого Garat, министра, не справляющагося съ своимъ дѣломъ. Господинъ Garat, священникъ моего прихода, однажды присутствовалъ при моемъ урокѣ Закона Божія; и, желая испытать мои познанія и въ то-же время проявить свою собственную ученость, онъ предложилъ мнѣ вопросъ о количествѣ степеней ангеловъ небесной іерархіи. Взглянувъ на его побѣдоносное и лукавое выраженіе лица, я была убѣждена, что онъ разсчитывалъ меня смутить; съ улыбкой я ему отвѣтила, что хотя нѣкоторыя изъ нихъ и были указаны въ предисловіи къ литургіи, но я вычитала изъ другихъ книгъ, что ихъ всего было девять и заставила его выслушать перечисленіе ангеловъ, архангеловъ, престоловъ, властей и т. д. Никогда познанія неофитки еще не доставляли подобнаго удовольствія священнику; этого было достаточно, чтобы создать мнѣ репутацію среди святошей, и я дѣйствительно была маленькой избранницей, какъ то будетъ видно впослѣдствіи.

Многихъ, можетъ быть, удивитъ, что мать моя при своей заботливости о моемъ воспитаніи и здравомъ смыслѣ вздумала меня посылать на уроки закона Божія, но всякое обстоятельство вызвано извѣстными причинами. Ея молодой братъ былъ церковно-служителемъ въ нашей приходской церкви и ему порученъ было, выражаясь техническимъ языкомъ, „катехизисъ конфирмаціи“. Присутствіе племянницы на урокахъ его могло послужить прекраснымъ примѣромъ, способнымъ побудить и другихъ людей, не принадлежавшихъ къ такъ называемому простому народу, присылать на эти уроки своихъ дѣтей,—а это было

Digitized by Google

очень лестно для священника: притомъ же я обладала памятью, которая всюду должна была обезпечить мнѣ первое мѣсто, и всѣ остальныя условія лишь оттѣняли такого рода превосходство; поэтому подъ внѣшнимъ видомъ простоты у моихъ родителей въ сущности скрывались тщеславныя побужденія.

Такимъ образомъ въ дни раздачи наградъ,—событія, праздновавшагося съ большимъ блескомъ въ концѣ каждаго года, я получала первыя награды, хотя протекція и не играла ни малѣйшей роли въ этомъ отличіи; всѣ церковные сторожа и приходское духовенство находили, что мой молодой дядя очень счастливъ, такъ какъ благодаря этому обратилъ на себя большое вниманіе. Обратить же на него вниманіе значило почувствовать къ нему симпатію. Онъ былъ красивъ собой и очень добръ; необыкновенно привѣтливый характеръ, кроткій нравъ и самая искренняя веселость отличали его до послѣднихъ дней его жизни. Онъ умеръ каноникомъ въ Венсенѣ, въ то самое время, когда революція собиралась уничтожить всѣ капитулы. Я почувствовала, что теряю съ нимъ послѣдняго изъ родныхъ со стороны моей матери, и всегда съ умиленіемъ вспоминаю про него. Любовь моя къ ученію и мои способности подали ему мысль заняться со мной латинскимъ языкомъ; я была въ восхищеніи; для меня было праздникомъ найти новый предметъ ученія; ко мнѣ приходили на домъ учителя чистописанія, географіи, танцевъ и музыки; мой отецъ началъ заниматься со мной рисованіемъ. Но и этихъ уроковъ для меня было мало. Съ 5 часовъ утра на ногахъ, когда всѣ еще спали въ домѣ, я въ одной кофточкѣ и не обутая, тихонько бѣжала въ комнату моей матери, гдѣ въ углу стоялъ столъ, на которомъ я работала; и я списывала и учила свои уроки съ жаромъ, благодаря которому достигала быстрыхъ успѣховъ.

Мои учителя вслѣдствіе этого становились все ласковѣе со мною; они сидѣли за уроками долго, и относились къ нимъ съ интересомъ, который все сильнѣе увлекалъ меня за собой; всякій изъ нихъ, казалось, столько же польщенъ былъ учить меня, какъ я была благодарна имъ за ихъ уроки; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія они всѣ безъ исключенія заявляли о томъ, что я перестала нуждаться въ ихъ урокахъ и не соглашались долго принимать за нихъ деньги, хотя и изъявляли желаніе иногда приходить бесѣдовать со мной и навѣщать насъ въ качествѣ знакомыхъ.

Я всегда буду почитать память добраго M-r Marchand, который съ 5 лѣтъ началъ меня учить чистописанію и позже давалъ мнѣ уроки географіи и исторіи; это былъ человѣкъ съ яснымъ умомъ, терпѣливый и методичный, я называла его „Monsieur Doucet“ (сладенькимъ). Онъ впослѣдствіи женился на очень порядочной женщинѣ, состоявшей при домѣ „Nesle“; я бывала у него во время его по-

Digitized by Google

слѣдней болѣзни, вызванной несвоевременнымъ кровопусканіемъ; благодаря послѣднему припадокъ подагры, которой онъ страдалъ, палъ ему на грудь, что послужило причиной его смерти въ 50 лѣтъ отъ роду. Мнѣ самой тогда было 18 лѣтъ.

Я не забыла и музыканта Cajon, маленькаго живого и разговорчиваго человѣка, уроженца Макона, гдѣ онъ былъ пѣвчимъ, а позже послѣдовательно солдатомъ, дезертиромъ, капуциномъ, приказчикомъ. Смѣщенный съ послѣдней должности, онъ пріѣхалъ въ Парижъ съ женой и дѣтьми, безъ гроша денегъ, но обладая очень пріятнымъ голосомъ, вторымъ дискантомъ, чрезвычайно рѣдкимъ у мужчинъ, не подвергавшимся извѣстной операціи, и весьма удобнымъ для преподаванія уроковъ пѣнія молодымъ особамъ. Представленный, не знаю кѣмъ, моему отцу, онъ съ меня началъ свою преподавательскую дѣятельность и очень много со мной возился; онъ часто занималъ деньги у моихъ родителей и быстро растрачивалъ ихъ; онъ никогда не возвратилъ мнѣ одного сборника этюдовъ Бордіе, которымъ онъ довольно искусно воспользовался для составленія изданныхъ имъ подъ собственнымъ именемъ „элементовъ музыки"; онъ сдѣлался расточительнымъ, не разбогатѣвъ, и, проживъ 15 лѣтъ въ Парижѣ, гдѣ надѣлалъ долговъ, онъ уѣхалъ въ Россію, и здѣсь я потеряла его изъ виду. Я бы могла разсказать много смѣшныхъ анекдотовъ про Mazon, учителя танцевъ, добраго савойца, необыкновенно уродливой наружности; я какъ сейчасъ вижу опухлость, украшавшую его правую щеку, когда онъ наклонялся на лѣвый бокъ къ своей скрипкѣ. Я могла-бы вспомнить про бѣднаго Mignard, учителя гитары, испанца огромнаго роста, съ руками, какъ у Исава, который своею серьезностью, любезностью и хвастовствомъ не уступилъ-бы никому изъ своихъ соотечественниковъ. Недолго со мной занимался застѣнчивый Watrin, 50 лѣтъ котораго, парикъ, очки и воспаленное лицо принимали растерзанный видъ, когда онъ ставилъ пальцы своей ученицы на „Pardessus de viole" и показывалъ ей, какъ держать смычекъ. Но преподобный отецъ Collomb, Барнабитъ, бывшій прежде миссіонеромъ, въ 75 лѣтъ сдѣланный настоятелемъ своего монастыря и духовникъ моей матери, въ видѣ утѣшенія послѣ прекращенія уроковъ на „Pardessus", прислалъ для меня свой Basse de viole, съ тѣмъ, чтобы самому аккомпанировать мнѣ на немъ, когда онъ приходилъ къ намъ и просилъ меня играть на гитарѣ. Я привела его въ изумленіе, когда, схвативъ его „Basse", порядочно съиграла нѣсколько арій, которыя разучила тайкомъ отъ другихъ. Попадись мнѣ въ руки контрабасъ, я бы влѣзла на стулъ, чтобы справиться съ нимъ.

Но во избѣжаніе анахронизмовъ, замѣчу, что я забѣгаю впередъ, и напомню о томъ, что только-что описывала время, когда мнѣ было

Digitized by Google

7 лѣтъ; къ этому времени я теперь и возвращусь. Я до сихъ поръ не говорила о вліяніи моего отца на мое воспитаніе; это вліяніе было ничтожно, такъ какъ въ мое воспитаніе онъ вовсе не вмѣшивался; необходимо здѣсь кстати упомянуть о причинѣ вслѣдствіе коей онъ сталъ принимать въ моемъ воспитаніи еще меньшее участіе: я была очень упряма, т.-е. не легко согласилась на то, чего причины для меня были не ясны; а когда я лишь чувствовала надъ собой авторитетъ или думала видѣть проявленіе капризовъ, то не умѣла уступать. Моя мать, ловкая и осторожная, отлично понимала, что слѣдовало взывать къ моему разуму или обращаться къ моему чувству, чтобы руководить мной; потому-то я и повиновалась ей. Мой отецъ, довольно рѣзкій по характеру, приказывалъ тономъ повелителя, и я повиновалась ему неохотно или вовсе не повиновалась; когда же онъ пробовалъ меня наказывать, какъ деспотъ, его кроткая дѣвочка превращалась въ льва. Онъ раза два или три высѣкъ меня, я укусила его въ бедро, на которомъ онъ меня разложилъ и протестовала противъ его воли. Какъ-то разъ, когда я была нездорова, рѣшили дать мнѣ лекарство: мнѣ принесли невкусный напитокъ; я поднесла его къ своимъ губамъ, но оттолкнула его, почувствовавъ противный запахъ: мать моя принялась меня уговаривать и успѣла уже внушить мнѣ желаніе побѣдить мое чувство отвращенія; я искренно пыталась побороть себя, но всякій разъ, какъ противное питье приближалось къ носу, непобѣдимое чувство отвращенія заставляло отворачивать голову; моя мать устала, убѣждая меня, я плакала надъ ея и своимъ огорченіемъ, и дѣлалась все менѣе способной проглотить злосчастный напитокъ. Явился мой отецъ, разсердился и высѣкъ меня, приписавъ мое сопротивленіе упрямству; съ этой минуты желаніе быть послушной исчезло, и я рѣшительно объявила, что не приму лекарства. Посыпались громкія восклицанія, новыя угрозы, вторичное сѣченіе: я возмутилась и принялась отчаянно кричать, поднявъ глаза къ небу и проникнутая твердой рѣшимостью опрокинуть подносимый мнѣ напитокъ; мои движенія выдали мое намѣреніе; разсвирѣпѣвшій отецъ сталъ угрожать высѣчь меня въ третій разъ. Я чувствую еще теперь, въ то время какъ пишу эти строки, тотъ переворотъ, какой свершился внутри меня, и нахлынувшій подъемъ духа: мои слезы мгновенно изсякли, мои рыданія прекратились; внезапное спокойствіе сосредоточило всѣ мои чувства на одномъ рѣшеніи: я вскочила на свою постель, повернулась лицомъ къ стѣнѣ, приподняла рубашку и молча подставила себя подъ удары: я-бы не проронила вздоха, хотя-бы меня убили на мѣстѣ.

Моя мать, которую сцена эта довела до отчаянія, должна была призвать на помощь все свое благоразуміе, чтобы не усилить раз-

Digitized by Google

драженія своего мужа, котораго ей, наконецъ, удалось вывести изъ комнаты; она молча снова уложила меня въ кроватку; и послѣ двухчасового отдыха пришла умолять меня со слезами, чтобы я не огорчала ее долго и приняла лекарство: я пристально взглянула на нее, схватила стаканъ и залпомъ выпила его, но черезъ четверть часа у меня сдѣлались рвота и пароксизмъ лихорадки, которые пришлось лѣчить инымъ способомъ, а не сквернымъ лѣкарствомъ и розгами. Мнѣ тогда было немногимъ болѣе шести лѣтъ.

Всѣ подробности этой сцены такъ живо сохранились въ моей памяти, какъ будто она произошла только недавно; всѣ испытанныя тогда ощущенія отчетливо встаютъ передо мной, я чувствую знакомый приливъ напряженія, какой всегда возникалъ въ душѣ моей въ трудныя минуты жизни; и гордо взойти теперь на эшафотъ не потребуетъ отъ меня большаго мужества, чѣмъ потребовалось когда-то, чтобы вытерпѣть варварское обращеніе, которое могло убить меня, но не въ силахъ было побѣдить,

Съ этой минуты отецъ болѣе не поднималъ руки своей на меня, онъ даже не бралъ на себя дѣлать мнѣ выговоры, но часто ласкалъ, училъ рисовать, водилъ гулять и обращался со мной съ добротой, снискавшей ему мое уваженіе и послушаніе. Мои 7 лѣтъ отпраздновали, чтобы этимъ ознаменовать мое вступленіе въ сознательную жизнь,—въ возрастъ, который какъ-бы давалъ право ждать отъ меня поступковъ, проникнутыхъ велѣніями разума. Пріемъ этотъ былъ довольно искусенъ для оправданія той осторожности, съ какою приходилось воспитывать меня, поддерживая мою бодрость и не возбуждая тщеславія. Моя жизнь тихо протекала среди мирной семейной обстановки и усиленной умственной работы; моя мать постоянно сидѣла дома и мало кого принимала. Мы выходили изъ дому два раза въ недѣлю: разъ—чтобы навѣстить бабушку и дѣдушку моего отца и другой разъ—по воскресеньямъ въ церковь, для свиданія съ матерью моей мамы, всегда присутствовавшей на обѣднѣ, и для прогулки. Прямо со службы мы всегда прежде всего отправлялись къ бабушкѣ Bimont: это была красивая женщина высокаго роста, уже съ давнихъ поръ разбитая параличемъ, что оставило слѣды на ея умственныхъ способностяхъ; она постепенно впала въ дѣтство и проводила дни въ своемъ креслѣ предъ окномъ или у камина, смотря по времени года. Старая дѣвушка, находившаяся въ услуженіи семьи уже болѣе 40 лѣтъ, ухаживала за больной.

Какъ только я являлась, Марія приносила мнѣ завтракъ. Онъ былъ очень вкусенъ; но немедленно вслѣдъ за этимъ я начинала ужасно скучать; я искала книгъ; у нихъ въ домѣ былъ лишь псалтырь, и за неимѣніемъ другого чтенія, я разъ 20 подъ рядъ перечитывала стихи

Digitized by Google

и пѣла текстъ: когда я бывала весела, моя бабушка плакала; когда я ударялась или падала, она смѣялась; это меня раздражало; меня старались убѣдить въ томъ, что это было слѣдствіемъ ея болѣзни, тѣмъ не менѣе поступки ея отъ этого не казались менѣе непріятными; я бы могла примириться съ мыслью, что она надо мной смѣется, но слезы ея не лились иначе, какъ въ видѣ мучительнаго и вмѣстѣ безсмысленго припадка, который коробилъ меня и наполнялъ душу ужасомъ. Старая Марія вволю болтала съ моей матерью, считавшей священнымъ своимъ долгомъ проводить эти два часа у матери, снисходительно выслушивая болтовню Маріи. Для меня это послужило урокомъ терпѣнія, несомнѣнно очень тяжелымъ; но приходилось подчиняться, такъ какъ однажды, когда я, заплакавъ со скуки, стала упрашивать мать мою увезти меня домой, она осталась весь вечеръ. Она всегда пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы представить мнѣ посѣщенія свои въ видѣ суроваго и трогательнаго долга, который для меня было почетно дѣлить съ ней; не знаю, какъ она этого достигала, но сердце мое съ умиленіемъ воспринимало ея ученіе. Для меня было невыразимой радостью, когда аббатъ Bimont навѣщалъ свою мать; этотъ дорогой дяденька заставлялъ меня играть, прыгать и пѣть; но это рѣдко ему удавалось, такъ какъ онъ въ то время давалъ уроки пѣвчимъ и въ силу этого былъ прикованъ къ своему дому. Мнѣ по этому поводу вспоминается одинъ изъ его учениковъ, молодой человѣкъ счастливой наружности, о которомъ онъ всегда отзывался съ похвалой, потому что онъ менѣе всѣхъ доставлялъ ему непріятностей; этотъ молодой человѣкъ получилъ нѣсколько лѣтъ спустя, благодаря своимъ способностямъ, стипендію въ какой-то гимназіи и сдѣлался аббатомъ Ноэль. Онъ пріобрѣлъ себѣ въ началѣ извѣстность нѣсколькими маленькими работами, былъ призванъ министромъ Лё Брёнъ къ дипломатической карьерѣ, въ прошломъ году былъ посланъ въ Лондонъ, нынѣ находится въ Италіи.

Мои занятія прекрасно заполняли собой время и дни казались мнѣ короткими, такъ какъ я никогда не успѣвала сдѣлать всего того, чего бы хотѣлось. Рядомъ съ учебниками, которыми меня не забывали снабжать, я быстро истощила запасъ книгъ, хранившійся въ нашей маленькой домашней библіотекѣ. Я проглатывала все и затѣмъ, когда не имѣла подъ рукой новыхъ книгъ, принималась вновь перечитывать старыя. Я помню два фоліанта Житій Святыхъ, Библію такого же формата на старинномъ французскомъ языкѣ, старый переводъ Гражданскихъ войнъ Аппіана, какой-то „Théâtre de la Turquie“, написанный плохимъ языкомъ, которыхъ я перечитывала много разъ. Я такимъ образомъ набрела на „Roman comique“ Скарона и на нѣсколько сборниковъ мнимыхъ остротъ, которыхъ не захотѣла перечитывать вновь, на

Digitized by Google

мемуары храбраго de-Pontis, которые меня забавляли и мемуары M-lle de Montpensier, гордость которой мнѣ пришлась по вкусу и нѣсколько другихъ ветошей, форматъ которыхъ, содержаніе и пятна живо сохранились въ памяти. Страсть къ ученію такъ сильно мною владѣла, что, откопавъ однажды трактатъ о геральдическомъ искусствѣ, я засѣла за его изученіе; въ немъ были раскрашенныя таблицы, которыя занимали меня и мнѣ нравилось узнавать названіе этихъ маленькихъ изображеній; скоро я удивила отца своими замѣчаніями объ одной печати, составленной противъ правилъ искусства, я сдѣлалась его оракуломъ въ подобныхъ вопросахъ и никогда не вводила его въ заблужденіе. Маленькій трактатъ о контрактахъ попалъ мнѣ въ руки; я тоже попыталась его изучить, такъ какъ старалась запоминать все что ни читала, но онъ мнѣ показался скучнымъ и я бросила его, не дочитавъ до 4-й главы.

Библія меня привлекала и я часто къ ней возвращалась: въ нашихъ старинныхъ переводахъ она выражается также грубо, какъ доктора; меня поразило нѣсколько наивныхъ выраженій, никогда не изгладившихся изъ моей памяти. Это меня навело на путь познаній, обыкновенно скрываемыхъ отъ маленькихъ дѣвочекъ. Они представлялись мнѣ однако въ свѣтѣ, неимѣвшемъ въ себѣ ничего привлекательнаго, и у меня было слишкомъ много предметовъ для размышленія, чтобы останавливаться на вопросѣ совсѣмъ матеріальномъ и который не казался мнѣ пріятнымъ. Но я смѣялась, когда бабушка мнѣ разсказывала о малюткахъ, найденныхъ подъ листами капусты и говорила, что изъ Ave Maria своего вычитала, что они выходятъ изъ другаго мѣста, хотя и не задумывалась надъ тѣмъ, какъ они туда попали. Рыская по дому, я открыла источникъ чтенія, которымъ довольно долго пользовалась съ умѣренностью. Такъ называемая мастерская моего отца была расположена вблизи той комнаты, въ которой я проводила дни; это была хорошая комната, родъ салона, которую моя мать со своей обычной скромностью называла залой, чисто омеблированная, украшенная зеркалами и нѣсколькими картинами; въ ней я брала уроки. Въ углубленіи, образованномъ въ ней одной стороной камина, устроили уголокъ, который освѣтили маленькимъ окномъ. Тамъ стояла кровать, но въ столь тѣсномъ пространствѣ, что я взбиралась на нее съ подножья, одинъ стулъ, маленькій столъ и нѣсколько полокъ; это было моимъ убѣжищемъ. Въ противоположномъ концѣ большая комната, въ которую мой отецъ поставилъ свой станокъ, много предметовъ скульптуры и своего искусства, служила ему мастерской. Я въ нее прокрадывалась вечеромъ или днемъ, когда въ ней никого не было; я открыла въ ней потайное мѣстечко, въ которое одинъ изъ молодыхъ людей клалъ свои книги. Я брала по одной

Digitized by Google

книгѣ, и уходила съ ней въ мой маленькій кабинетъ, гдѣ прочитывала ее и всегда клала на мѣсто въ надлежащіе часы, никому не говоря объ этомъ ни слова. Это были по бо́льшей части хорошія произведенія; я однажды замѣтила, что мать моя сдѣлала тоже открытіе что и я; я увидѣла у нея книгу, которую сама раньше читала; тогда я перестала стѣсняться и, хотя и не солгала, но не упоминала о прошломъ и сдѣлала видъ будто слѣдовала по ея стопамъ. Молодой человѣкъ, его звали Courson, имя, къ которому онъ впослѣдствіи, когда втерся воспитателемъ пажей въ Версаль, прибавилъ частичку „де", не походилъ на своихъ товарищей: онъ былъ вѣжливъ, обладалъ благовоспитанностью и тактомъ и стремился къ образованію. Онъ также никогда не упоминалъ о временномъ исчезновеніи нѣкоторыхъ книгъ; казалось, будто между нами тремя состоялось безмолвное соглашеніе. Я такимъ образомъ прочла много путешествій, которыя страстно любила, между прочими раньше другихъ прочла путешествія Реньяра; нѣсколько драматическихъ произведеній второстепенныхъ авторовъ и Плутарха Дасьэ. Это послѣднее произведеніе мнѣ понравилось болѣе того, что я до тѣхъ поръ читала, даже больше чувствительныхъ повѣстей, какія однако меня чрезвычайно трогали, какъ напримѣръ исторія несчастныхъ супруговъ „Labédoyère", которую помню, хотя не перечитывала съ того времени. Но Плутархъ, казалось, былъ наиболѣе подходящей для меня пищей; я никогда не забуду великаго поста 1763 г. (мнѣ тогда было 9 лѣтъ), когда я понесла его съ собой въ церковь вмѣсто молитвенника. Съ этой минуты возникли впечатлѣнія и идеи, сдѣлавшія изъ меня республиканку, когда я объ этомъ и не помышляла.

Телемакъ и освобожденный Іерусалимъ немного смутили эти величественныя впечатлѣнія. Нѣжный Фенелонъ волновалъ мое сердце, а Тассъ зажегъ воображеніе. Иногда я по просьбѣ моей матери читала вслухъ, чего я не любила; это нарушало сосредоточенность настроенія, въ которомъ я находила наслажденіе и заставляло медленнѣе двигаться впередъ; и я бы скорѣе умерла, чѣмъ бы прочла такимъ образомъ эпизодъ острова Калипсо и много мѣстъ изъ Тасса. У меня дыханіе захватывало, я чувствовала, какъ внезапный огонь набѣгалъ на мое лицо, и мой измѣнившійся голосъ выдалъ бы мое волненіе Я была Эвхарисъ для Телемака и Герминія для Танкреда; но, хотя я и переносилась въ нихъ, я еще не думала о томъ, чтобы самой быть кѣмъ нибудь для кого бы то ни было, это не заставляло меня обращаться къ собственной личности, я ничего не искала вокругъ себя, я была ими и я видѣла лишь тѣ предметы, какіе существовали для нихъ, то былъ сонъ безъ пробужденія. Однако же помню какое меня охватило волненіе при видѣ одного молодого художника по имени, Tabo-

Digitized by Google

ral, который иногда навѣщалъ моего отца; ему вѣроятно было около 20 лѣтъ, голосъ его былъ кротокъ, лицо нѣжно и онъ также легко краснѣлъ, какъ дѣвушка. Когда я слышала голосъ его въ мастерской, я отправлялась туда за карандашемъ или какимъ-нибудь другимъ предметомъ; но, такъ какъ присутствіе его меня также сильно смущало, какъ и радовало, то я выходила оттуда еще быстрѣе и убѣгала въ свой маленькій кабинетъ, чтобы скрыть въ немъ трепетъ и біеніе своего сердца. Я теперь думаю, что при подобныхъ задаткахъ, бездѣліи и неподходящемъ товариществѣ, воображеніе и молодой человѣкъ могли меня повести далеко.

Произведенія, о которыхъ я только что говорила, смѣнились другими и впечатлѣнія смягчились, нѣсколько вещей Вольтера послужили для меня развлеченіемъ. Я какъ-то разъ читала Кандида, мать моя встала отъ стола, за которымъ играла въ пикетъ съ другой дамой и эта послѣдняя вызвала меня изъ угла комнаты, въ которомъ я сидѣла и попросила показать ей книгу, которую я держала въ рукахъ. Она обратилась къ матери моей, въ эту минуту возвращавшейся въ комнату, и выразила ей свое удивленіе по поводу моего чтенія; моя мать вмѣсто отвѣта категорически приказала мнѣ отнести книгу туда, откуда я ее взяла. Я съ непріязнью взглянула на эту маленькую дамочку съ угрюмымъ лицомъ, беременную на сносѣ, на то, какъ она, важничая, кривлялась, и съ той минуты никогда больше не дарила г-жу Charbonnè своей улыбкой. Но добрая мать моя ни въ чемъ не измѣнила своего необычнаго поведенія и позволяла мнѣ прочитывать все, что я ни находила, дѣлая видъ, будто ничего не видитъ, хотя отлично знала въ чемъ дѣло. Впрочемъ, никогда безнравственныя книги не попадались мнѣ въ руки; я и теперь лишь по заглавію знаю двѣ или три изъ нихъ, и развивавшаяся склонность къ чтенію не подвергла меня искушенію ихъ себѣ добыть.

Мой отецъ любилъ отъ времени до времени дарить мнѣ книги, потому что я ихъ предпочитала всему другому; но такъ какъ онъ имѣлъ притязаніе потворствовать моимъ серьознымъ наклонностямъ, то выборъ ихъ по своей несообразности былъ очень забавенъ: онъ мнѣ, напримѣръ, подарилъ трактатъ Фенелона о воспитаніи дѣвочекъ и сочиненіе Локка о воспитаніи дѣтей; такимъ образомъ воспитанницѣ давали то, что было предназначено для руководства воспитателей. Я впрочемъ думаю, что это вышло очень удачно и что случай мнѣ можетъ быть сослужилъ лучшую службу, нежели бы то сдѣлали обычныя соображенія. Во мнѣ было много зрѣлости; я любила размышлять; я серьозно работала надъ своимъ усовершенствованіемъ, т.-е. изучала свои душевныя движенія, стремилась познать себя; я начинала чувствовать, что передо мной лежитъ назначеніе, для исполненія

Digitized by Google

котораго я должна была подготовить себя. Религіозныя идеи начали бродить въ моей головѣ и въ скоромъ времени привели къ большому взрыву. Но прежде нежели разсказывать о нихъ нужно упомянуть о томъ, что сталось съ моею латынью. Первыя правила грамматики хорошо уложились въ моей головѣ; я спрягала, склоняла, хотя это и казалось мнѣ довольно скучнымъ; но надежда въ будущемъ умѣть читать на этомъ языкѣ прекрасныя произведенія, о которыхъ я слышала отъ другихъ или о которыхъ чтеніе мое давало мнѣ представленіе, поддерживало энергію въ борьбѣ съ сухостью и трудностями этого предмета чтенія. Но не такъ было съ моимъ „дядечкой", (такъ я называла своего дядю Бимонъ): молодой, добрый малый, лѣнивый и веселый, онъ никогда никого не затруднялъ собой, и не любилъ и себѣ создавать затрудненій; ремесло учителя пѣвчихъ дѣтей ему очень надоѣло, онъ предпочиталъ прогуляться со мной вмѣсто того, чтобы дать урокъ или заставлялъ меня смѣяться и прыгать вмѣсто того, чтобы твердить со мной латинскую грамматику; онъ очень неаккуратно приходилъ къ свой сестрѣ, не соблюдалъ ни часовъ, ни дней и тысяча обстоятельствъ служили поводомъ для отсрочки уроковъ. Между тѣмъ я хотѣла учиться и не любила бросать того, что разъ предпринимала. Было рѣшено, чтобы я ходила къ нему три раза въ недѣлю по утрамъ; но онъ не умѣлъ сдѣлать надъ собою усилія, чтобы сохранить свою свободу и посвятить мнѣ нѣсколько минутъ своего времени; я заставала его то занятаго приходскими дѣлами, то отвлекаемаго дѣтьми, то завтракающаго съ пріятелемъ: я теряла время; подоспѣли ненастные дни и латынь была оставлена. У меня отъ этой попытки остался только какой то инстинктъ или зародышъ пониманія, который позволялъ мнѣ не вполнѣ безсмысленно повторять или читать псалмы въ дни моего благочестія и большая легкость къ изученію языковъ, особенно итальянскаго, которому я выучилась нѣсколько лѣтъ спустя одна и безъ труда.

Отецъ мой не особенно принуждалъ меня рисовать, онъ скорѣе тѣшился моими способностями, нежели старался развить во мнѣ особенный талантъ; я даже поняла изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ словъ, выхваченныхъ изъ разговора его съ моей матерью, что она, какъ женщина осторожная, не желала, чтобы я далеко зашла на этомъ пути. „Я не хочу, чтобы она сдѣлалась художницей; для этого было бы необходимо посѣщеніе общихъ классовъ и образованіе связей, которыя для насъ не годятся". Начали меня учить гравировальному искусству. Мнѣ все было хорошо; я научилась владѣть рѣзцомъ и скоро преодолѣла первыя трудности. Въ дни именинъ кого-либо изъ моихъ бабушекъ или дѣдушекъ мы торжественно ходили ихъ поздравлять и я имъ всегда приносила въ подарокъ или хорошенькую головку, ко-

Digitized by Google

торую я старательно рисовала къ этому дню, или чистенькую, маленькую мѣдную пластиночку, на которой я гравировала букетъ или поздравленіе, аккуратно написанное въ стихахъ, сочиненныхъ для меня „M. Doucet“. Взамѣнъ я получала или альманахи, которые меня чрезвычайно занимали, или какіе-либо предметы для моего личнаго употребленія, большею частью что-нибудь изъ нарядовъ, которые любила. Моя мать находила въ нихъ удовольствіе ради меня; сама она одѣвалась просто и часто даже небрежно; но дочь ея была ея куклой, и я въ дѣтствѣ своемъ была одѣта нарядно, даже богато, какъ казалось, выше моего состоянія. Молодыя дѣвушки въ то время носили то, что называли „corps de robe“: это были платья, сшитыя по фасону придворныхъ нарядовъ, обтянутыя въ тальѣ, которую они хорошо обрисовывали, широкія внизу, съ длиннымъ шлейфомъ, волочащемся по землѣ и отдѣланномъ различными лоскутками, смотря по вкусу или модѣ. Платья мнѣ дѣлали изъ красивыхъ шелковыхъ матерій, мелкаго рисунка, скромнаго цвѣта, но по качеству и цѣнѣ такія же, какъ нарядныя платья моей матери. Туалетъ, конечно, мнѣ доставлялъ нѣкоторыя непріятности, такъ какъ мнѣ часто завивали волосы папильотками, горячими щипцами, всѣми смѣшными и варварскими снарядами, какіе употреблялись въ то время; голова моя была чрезвычайно чувствительна и дерганіе, которое приходилось выносить, было такъ болѣзненно, что нарядная прическа всегда заставляла меня проливать слезы, вызванныя болью, хотя онѣ и не сопровождались жалобами.

Мнѣ представляется, что я слышу, какъ меня спрашиваютъ— для чьихъ глазъ были предназначены эти наряды при той затворнической жизни, какую я вела? Тѣ, которые предложатъ этотъ вопросъ, должны помнить, что я два раза въ недѣлю выходила изъ дому; и, еслибъ имъ были извѣстны нравы тѣхъ, кого называли парижскими буржуа моего времени, они узнали бы, что тысячи изъ этихъ буржуа тратили довольно много на наряды исключительно для того, чтобы въ воскресенье явиться на нѣсколько часовъ въ Тюльери; для ихъ женъ къ этому присоединялись еще церковь и удовольствіе медленно пройтись по кварталу на глазахъ у сосѣдей. Прибавьте къ этому семейные визиты въ великіе дни большихъ праздниковъ и Новаго года, свадьбу, крестины—и вы убѣдитесь, что было достаточно случаевъ для проявленія тщеславія. Впрочемъ, легко замѣтить присутствіе мелкихъ контрастовъ въ моемъ воспитаніи. Маленькая особа, появлявшаяся по воскресеньямъ въ церкви и на прогулкѣ въ такомъ нарядѣ, что можно было предположить, будто она вышла изъ кареты, и наружности которой вполнѣ соотвѣтствовали манеры и разговоръ, исправно ходила въ будни на рынокъ со своей матерью въ дѣтскомъ холщевомъ платьицѣ; она

Digitized by Google

даже выходила изъ дома одна, чтобы на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ купить забытые кухаркой петрушку или салатъ. Нужно признаться, что мнѣ это не очень нравилось, но я этого не показывала и умѣла исполнять порученія, извлекая изъ нихъ удовольствіе. Я проявляла при этомъ такую вѣжливость, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ достоинствомъ, что зеленщицѣ или другимъ лицамъ подобнаго рода доставляло удовольствіе удовлетворять моимъ требованіямъ ранѣе всѣхъ, а прибывшіе до меня покупатели вполнѣ одобряли это; я всегда при этомъ получала мимоходомъ какой-нибудь комплиментъ, послѣ котораго становилась еще учтивѣе. Ребенокъ этотъ, читавшій серьозныя книги, умѣлъ отлично показывать круги небесной сферы, владѣлъ карандашемъ и рѣзцомъ и 8-ми лѣтъ оказался лучшей танцовщицей среди молодыхъ особъ, собравшихся на маленькомъ семейномъ праздникѣ (хотя она была младшей между ними); этотъ ребенокъ зачастую призывался на кухню, гдѣ онъ готовилъ яичницы, чистилъ зелень или снималъ пѣну съ супа. Эта смѣсь серьезныхъ занятій, пріятныхъ упражненій и опредѣленныхъ домашнихъ обязанностей, приправленныхъ мудростью моей матери, сдѣлала меня годной на все, должна была, казалось, предотвратить превратности моей судьбы и дала мнѣ силу ихъ перенести. Я всюду на мѣстѣ, я также скоро съумѣла бы себѣ состряпать супъ, какъ Филопеменъ рубилъ дрова; но никому при взглядѣ на меня не пришло бы въ голову, что это была работа, которую нужно было возложить на меня. Изъ того, что я до сихъ поръ разсказала, можно было убѣдиться, что мать моя не относилась небрежно къ тому, что называютъ религіей. Она была набожна, хотя и не была ханжой, она вѣрила или старалась вѣрить и сообразовала свое поведеніе съ правилами церкви, исполненная добросовѣстности и скромности человѣка, который, воспринявъ въ себя великіе принципы въ силу сердечной потребности, не желаетъ придираться къ мелочамъ. Благоговѣніе, съ которымъ мнѣ были даны первыя понятія о религіи, расположили меня къ внимательному ихъ принятію; они должны были произвести глубокое впечатлѣніе на живое воображеніе; и несмотря на смятеніе, въ какой меня иногда повергалъ зарождающійся разумъ, зароняя сомнѣніе относительно превращенія дьявола въ змія и заставляя меня находить Бога жестокимъ за то, что онъ это допустилъ, я кончала тѣмъ, что вѣрила и поклонялась Ему.

Я конфирмовалась въ сосредоточенномъ настроеніи человѣка, умѣющаго взвѣшивать значеніе своихъ поступковъ и вдумываться въ свои обязанности: шли разговоры о томъ, чтобы приготовить меня къ первому причастію; я чувствовала себя исполненной священнаго трепета. Я читала молитвенныя книги и ощущала потребность погру-

Digitized by Google

зиться въ размышленіе объ этихъ великихъ вопросахъ вѣчнаго счастья и несчастья; всѣ мои мысли незамѣтно направлялись къ этому предмету.

Одно обстоятельство, имѣвшее слишкомъ значительное вліяніе на мой умъ, чтобы я о немъ умолчала, примѣшалось къ моему безпокойству и заставило меня принять смѣлое рѣшеніе.

Меня немного смущаетъ то, что я должна здѣсь разсказать, потому что, съ одной стороны, я хочу, чтобы произведеніе мое было цѣломудреннымъ, такъ какъ сама я не перестала быть таковой, съ другой стороны то, что я должна сказать, не слишкомъ цѣломудренно.

Расположеніе комнатъ позволяло мнѣ свободно входить въ мастерскую моего отца, и хотя мои привычки и желаніе моей матери держали меня вдали отъ нея, мнѣ иногда приходилось входить туда; я ходила показывать свою работу отцу своему, возвращалась на мѣсто или брала образцы рисунковъ, которыми я пользовалась сообща съ его учениками, подавала точить свои рѣзцы—работа незначительная, но требующая нѣкоторой силы въ кисти руки и которую я находила непріятной, потому что она была грязной. Среди учениковъ отца, самый младшій, мальчикъ лѣтъ 15 или 16, тотъ изъ нихъ, который могъ съ наименьшимъ неудобствомъ отвлекаться отъ занятій, болѣе всѣхъ старался оказывать мнѣ маленькія услуги, которыя я вѣжливо принимала. Его родители не жили въ Парижѣ, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ его возрастомъ, были причиной тому, что мать моя была съ нимъ ласкова. Иногда, въ длинные зимніе, воскресные вечера, она приглашала его къ намъ, чтобы для него не было непріятно рано возвращаться домой и онъ не подвергся опасности посѣщать дурное общество. Слѣдствіемъ этого было то, что я считала его менѣе чужимъ, чѣмъ другихъ, и чувствовала съ нимъ непринужденность и близость, которыя вполнѣ приличны невинности и однако очень опасны для нея. Я такимъ образомъ не боялась входить въ мастерскую, когда мнѣ нужно было туда идти, даже тогда, когда онъ бывалъ тамъ одинъ, чего я не рѣшилась бы сдѣлать съ кѣмъ бы то ни было другимъ въ отсутствіи отца. Моя мать ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ, присматривала часто за своей кухаркой и не всегда замѣчала, когда я входила въ мастерскую. Однажды вечеромъ, когда я въ нее отправилась за какой то вещью и молодой человѣкъ, повидимому, работалъ одинъ при лампѣ, я подошла, чтобы получить то, что просила; онъ взялъ мою руку, какъ бы играя и, притянувъ ее подъ станокъ, близъ котораго находился, онъ дотронулся ею до чего то очень необыкновеннаго. Я вскрикнула, стараясь высвободить руку; онъ засмѣялся, не выпуская ея и тихо воскликнулъ: „Но замолчите же! Чего вы боитесь? Какое безразсудство! Развѣ вы меня не знаете? Я не дурной чело-

Digitized by Google

вѣкъ. Вы заставите прійти сюда вашу мать, которая выбранитъ меня за вашъ испугъ, между тѣмъ, какъ я васъ научилъ бы тому, что она сама прекрасно знаетъ". Взволнованная, но смущенная, я просила, чтобы онъ выпустилъ мою руку и хотѣла уйти; онъ позволилъ мнѣ отдернуть мою руку, но продолжалъ ее держать въ своей и, полуобернувшись на своемъ сидѣніи, показалъ мнѣ предметъ моего страха. Я отвернула голову: „Право, сударь, это возмутительно!" И я вырывалась, чтобы убѣжать.—„Ну, сударыня, успокойтесь. Мнѣ жаль, что я васъ огорчилъ, простите меня, не говорите ничего, я не хотѣлъ васъ разсердить. Неужели дурно показывать то, что изображаютъ ежедневно на рисункахъ? Но я васъ не держу, и простите меня".— „Ахъ, Боже мой, я ничего не скажу, отпустите меня". Онъ высвободилъ мою руку изъ своей, и я убѣжала. Я скрылась въ свою комнатку вся взволнованная. Я еле успѣла войти туда, какъ услышала голосъ матери, которая звала меня; я была встревожена, мнѣ нужно было подумать, но приходилось идти. Я, вся запыхавшись, прибѣжала въ комнату матери. „Что съ тобой, дитя мое? какъ ты блѣдна!"— „Не знаю...мнѣ нужно выпить стаканъ воды".—„Что ты чувствуешь?"— „Ничего, кромѣ маленькаго недомоганія". Мои ноги подкашивались подо мной; я выпила стаканъ воды и пришла въ себя, успокоила мать; спросила о порученіи, которое она хотѣла мнѣ дать, и овладѣла собой. Мнѣ стоило большого труда разобраться въ томъ впечатлѣніи, которое оставила во мнѣ эта сцена; всякій разъ, какъ я хотѣла объ этомъ думать, какое то гнетущее безпокойство дѣлало для меня тягостнымъ размышленіе объ этомъ предметѣ. Что онъ мнѣ, наконецъ, сдѣлалъ дурного? Ничего. Стоитъ ли говорить объ этомъ? Уже одно затрудненіе, чтобы знать, какъ за это взяться, меня бы отъ этого удержало. Должна ли я была сердиться на него? Это казалось сомнительнымъ. И потомъ сравненіе съ рисунками мнѣ представлялось невѣрнымъ, это меня удивляло; къ этому примѣшалось любопытство, и эти мелкія заботы разсѣивали мое дурное настроеніе. Я нѣсколько дней не входила въ мастерскую. Я правда видѣла молодого человѣка за столомъ, гдѣ онъ также, какъ двое другихъ, обѣдалъ у моего отца, но ни что въ моемъ поведеніи не могло бы усугубить патріархальной торжественности, всегда царившей тамъ. Молодой человѣкъ въ своемъ нетерпѣніи съумѣлъ меня подстеречь и застать одну на кухнѣ. „Вы сердитесь на меня?"—„Конечно".—„Но я ничего не сдѣлалъ дурного".— „Вы сдѣлали гадость".—„Вовсе нѣтъ: ваша мать играетъ же такъ съ вашимъ папой и не боится".—„Фу! это неправда, это слишкомъ скверно".—„Клянусь вамъ, что я въ этомъ увѣренъ, но они иначе за это берутся; я бы вамъ это разсказалъ, еслибы вы захотѣли".—„Я не хочу этого знать, оставьте меня въ по-

Digitized by Google

коѣ".—„Я вамъ этого не скажу; но вы не будете сердиться; вы не будете бояться входить въ мастерскую, гдѣ васъ ужъ больше не видно; вы туда придете еще, неправда-ли"?—„Да, да, прощайте"!—И я убѣжала.

Я часто вспоминала о той роли, которую приписали моей матери; въ матери моей было нѣчто столь величественное, что я въ своемъ воображеніи могла себѣ ее представить лишь поступающей такъ, какъ можно дѣлать на глазахъ у всѣхъ. Увѣренность утвержденія меня удивляла; это мнѣ напомнило про непонятныя для меня вещи, которыя мой отецъ иногда въ шутку говорилъ ей и очень смѣялся, причемъ она всегда съ недовольнымъ видомъ останавливала его, говоря „молчите же г-нъ Флипонъ". Мнѣ очень хотѣлось знать то, что тотъ мнѣ хотѣлъ разсказать; мнѣ бы хотѣлось услышать объ этомъ, но такъ, чтобы онъ не мнѣ объ этомъ сказалъ, и міръ начиналъ мнѣ казаться очень страннымъ. Я иногда ходила въ мастерскую, какъ обыкновенно, чтобы въ ней поговорить съ моимъ отцемъ, или чтобы взять въ ней то, что мнѣ было нужно, былъ ли онъ тамъ или нѣтъ. Мало-по-малу мой страхъ совсѣмъ разсѣялся. Молодой человѣкъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сказать мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ, какъ о смѣшномъ ребячествѣ, надъ которымъ ему удалось и меня заставить посмѣяться, и изъ этого воспослѣдовала лишь нѣсколько бо́льшая короткость, въ родѣ той, какая устанавливается между двумя людьми, которые другъ другу сказали какимъ бы то ни было способомъ то, о чемъ они не говорили никому другому. Разъ какъ-то, когда мой отецъ меня заставилъ поработать нѣсколько минутъ около себя и былъ внезапно вызванъ изъ комнаты, я собиралась выйти вслѣдъ за нимъ изъ мастерской, когда какая то музыка загремѣла на „Pont Neuf", близъ котораго былъ расположенъ домъ въ которомъ мы жили на „Quai de l'Horloge", во второмъ этажѣ. Я подняла голову и влѣзла на табуретку, потому что мой маленькій ростъ и высота окна не позволяли мнѣ хорошо видѣть иначе. „Влѣзьте на край станка, сказалъ молодой человѣкъ, помогая мнѣ это сдѣлать. Остальные ученики вышли, чтобы посмотрѣть на то, что происходило; онъ стоялъ позади меня и когда я собиралась слѣзть, онъ взялъ меня подъ мышки; схвативъ меня, прижалъ къ себѣ такимъ образомъ, что мои юбки приподнялись и что я почти въ тоже мгновеніе оказалась посаженной на его колѣни, такъ какъ онъ въ тоже время усѣлся на сидѣніе и я почувствовала позади себя тотъ необыкновенный предметъ. „Но, сударь, пустите же меня.—Какъ! Вы еще боитесь? Я вамъ не дѣлаю ничего дурного,—Но, я хочу уйти; мое платье....—Ну что-жъ ваше платье, я его поправлю". Онъ дерзкой рукой коснулся того, куда ничто не достигало и старался сдѣлать ее

Digitized by Google

ласковой. Я хотѣла вырваться; и, пытаясь оттолкнуть его руки, перемѣнить положеніе, я соскользнула и бросила взглядъ на его лицо; оно меня ужаснуло. Глаза казалось, выступали изъ головы; его ноздри были расширены; я чуть не лишилась чувствъ. Онъ замѣтилъ это ощущеніе, и такъ какъ его припадокъ, вѣроятно, окончился, онъ принялъ ласковый видъ и употребилъ всѣ старанія, чтобы успокоить меня, не желая выпустить меня раньше, чѣмъ это ему не удалось. Онъ наконецъ достигъ этого; но вмѣсто того чтобы этимъ посягательствомъ увеличить мое любопытство, онъ возбудилъ къ себѣ отвращеніе своей дерзостью. Я съ тѣхъ поръ относилась къ нему съ непріязнью; его присутствіе меня оскорбляло; я стала безпокойна и грустна; я считала себя обиженной; я хотѣла все разсказать своей матери; я была испугана и смущена. Она замѣтила мою грусть и при ея первомъ вопросѣ о причинѣ моей грусти, я ей разсказала все что произошло.

Волненіе моей матери и ея испуганный видъ поразили меня. Приведенная въ отчаяніе при мысли о томъ, какъ близка она была къ потери плодовъ всѣхъ своихъ заботъ, можетъ быть опасаясь, что я скрыла отъ нея что либо, она меня забрасывала тысячью запутанныхъ вопросовъ, чтобы не сказать мнѣ больше того, что я знала и чтобы удостовѣрится въ томъ, что я не знала ничего болѣе. Я не имѣла ничего сказать сверхъ того, что только что было прочитано. Она очень ловко воспользовалась отвращеніемъ, которое я испытала благодаря своей молодости и естественной стыдливости, чтобы усилить это отвращеніе и стыдливость до крайней степени; она такими страшными красками обрисовала мой проступокъ и то, что я могла умолчать о первомъ оскорбленіи молодого человѣка и счесть это пустой вещью, что я посмотрѣла на себя какъ на погибшую. Религія, добродѣтель, честь, доброе имя—она прибѣгла ко всему съ горячностью взволнованной души, съ нѣжностью материнскаго сердца, и такого сердце, какъ ея, чтобы создать изъ опасностей, которымъ я подвергалась, самое вѣрное предохранительное средство, которое только можно было мнѣ дать.

Я не знаю имѣла ли она намѣреніе довести вещи до крайности или моя чувствительность меня привела дальше, чѣмъ она могла предположить, но я искренно увѣрила себя, что я была величайшей преступницей въ мірѣ, и не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока мать моя не повела меня на исповѣдь, куда она меня, начиная съ 7-ми лѣтняго возраста, водила по два или три раза въ годъ. Мнѣ казалось ужаснымъ, что я должна была разсказать подобную вещь, но, такъ какъ это было средствомъ искупленія, приходилось имъ пользоваться и мужество, необходимое для того, чтобы на это рѣшиться, заставляло меня ощущать утѣшительную силу. Я такимъ образомъ

Digitized by Google

стала покаянницей, прежде чѣмъ сдѣлалась грѣшницей. Съ той минуты религіозныя мысли овладѣли мной; царство чувства, наступленіе котораго ускорилось благодаря ихъ содѣйствію, для меня, уже безъ того по природѣ преждевременно развившейся, открылось любовью къ Богу, которая божественнымъ опьяненіемъ украсила и оберегала первые года моего отрочества, а послѣдующіе предоставила философіи и должна была, повидимому, охранить меня навсегда отъ бурь страстей, среди которыхъ я съ мощью атлета едва спасаюсь въ зрѣломъ возрастѣ.

Набожность, въ которую я впала, меня необыкновенно измѣнила, я сдѣлалась глубоко смиренной и невыразимо застѣнчивой; я смотрѣла на мужчинъ съ какимъ то страхомъ, который усилился, когда нѣкоторые изъ нихъ мнѣ показались привлекательными. Я наблюдала за своими мыслями съ чрезвычайной строгостью; малѣйшій образъ, который могъ возникнуть въ моемъ умѣ, даже смутно, мнѣ представлялся преступленіемъ. Я въ себѣ выработала привычку такой сдержанности, что читая въ шестьнадцать лѣтъ естественную исторію Бюффона и не бывши уже набожной, я пропускала не читая то, что касалось происхожденія человѣка, и я скользила по относящимся къ этому предмету картинамъ съ быстротой и дрожью человѣка, увидавшаго пропасть. Я наконецъ вышла замужъ лишь 25 лѣтъ и съ такой душой, какъ то можно предполагать, пламенной чувственностью, большими познаніями относительно различныхъ предметовъ я такъ хорошо съумѣла уклониться отъ увеличенія тѣхъ познаній, которыя начались столь преждевременно, что событія брачной ночи мнѣ показались столь же неожиданными, какъ и непріятными.

Выслушавъ мое горестное признаніе, моя мать не преминула спросить меня—любила-ли я молодого человѣка и встрѣчалась-ли съ нимъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ съ другими. „Напротивъ, для меня теперь мука идти къ обѣду, такъ какъ я тамъ вижу его.— Ты, слѣдовательно, была бы очень довольна не встрѣчаться съ нимъ болѣе?—„Конечно.“ Съ того же дня моя мать подъ предлогомъ необходимости устроить новый порядокъ дня ради моихъ занятій и уроковъ одного изъ моихъ учителей, который она перенесла на другой часъ, установила, чтобы мы обѣдали вдвоемъ однѣ въ ея комнатѣ и велѣла по обыкновенію подавать обѣдъ моему отцу съ его учениками. Это было большимъ облегченіемъ для меня и заставило еще сильнѣе полюбить мою превосходную мать. Это распоряженіе было въ силѣ, пока я жила дома и до той поры, пока не кончилось обязательство, связывавшее моего отца съ его ученикомъ, котораго онъ не могъ отправить безъ огласки, между тѣмъ какъ послѣднюю было благоразумнѣе избѣжать.

Digitized by Google

Я съ тѣхъ поръ еще только разъ видѣла этого молодого человѣка по одному поводу, о которомъ сейчасъ разскажу, и я столько же боялась встрѣтиться съ нимъ, какъ ненавидѣла, когда произносили его имя. Семь или восемь лѣтъ спустя, онъ женился и получилъ довольно выгодное мѣсто. Онъ поручилъ попросить у моей матери позволенія представить ей свою жену. Она дала на то свое согласіе. Я присутствовала при визитѣ, который былъ коротокъ; онъ обратился ко мнѣ съ чѣмъ то въ родѣ комплимента въ почтительныхъ выраженіяхъ, которыя говорили объ его желаніи, чтобы о немъ не думали худо. Онъ, вѣроятно, еще живъ, отецъ семейства по всей вѣроятности, и это причина почему я его не называю по имени. Впечатлѣніе того, что произошло, сохранялось во мнѣ съ такой силой, что даже въ возрастѣ просвѣщенія и разума я вспоминала о немъ лишь съ болью; что я о немъ не проронила ни слова подругѣ, пользовавшейся моимъ полнымъ довѣріемъ и никогда о немъ не упоминала моему мужу, отъ котораго я скрывала весьма немногое, и что мнѣ пришлось сдѣлать даже въ настоящую минуту такое усиліе надъ собой, чтобы написать о немъ, какое пришлось сдѣлать Руссо, чтобы записать исторію его украденной ленты, съ которою моя исторія однако не можетъ сравниться.

Остановимся здѣсь на одно мгновеніе и пусть матери со страхомъ подумаютъ о крайней бдительности, которую они обязаны проявлять. Все злоумышляетъ противъ ввѣренныхъ имъ нѣжныхъ сокровищъ, и сохраненіе ихъ неприкосновенности возможно лишь при рѣдкой осторожности. Вѣтренность дѣтства или преждевременныя внушенія природы, невѣдѣніе или склонность, самая простота невинности подвергаютъ застѣнчивый полъ, начиная съ отрочества, легкомысленной страстности, порчи столь обычной, опаснымъ соблазнамъ и смѣлымъ посягательствамъ другого пола порывистаго и всегда грубаго, если только счастливое воспитаніе не выработало въ немъ строгихъ нравовъ и не внушило бо́льшей деликатности. Неизбѣжность опасностей можетъ быть поколеблена лишь съ помощью большого довѣрія молодой дѣвушки къ воспитательницѣ, которая должна ее охранять. Искусство возбудить это довѣріе чрезвычайно рѣдко, потому что оно трудно и можетъ быть потому, что не всѣ характеры подчиняются его вліянію. Но его основныя правила всегда сводятся къ примѣру, который внушаетъ уваженіе, потому что онъ подтверждаетъ принципы, къ искреннему и просвѣщенному желанію счастья личности, которую нужно образовать; наконецъ, къ той любви, исключающей капризы и раздраженіе, которую ничто неспособно замѣнить.

Моя жизнь болѣе уединенная, нежели раньше, вскорѣ показалась мнѣ еще слишкомъ свѣтской для приготовленія къ первому причастію. Это великое дѣло, вліяніе котораго на спасеніе души должно быть

Digitized by Google

столь значительно—поглощало собой всѣ мои помыслы. Я полюбила церковную службу, ея торжественность производила на меня впечатлѣніе, я съ жадностью читала толкованія церковныхъ службъ; я проникалась ихъ мистическимъ смысломъ; я ежедневно перелистывала свои фоліанты житій святыхъ, и вздыхала о тѣхъ временахъ, когда гоненіе язычниковъ доставляло вѣнецъ мученичества великодушнымъ христіанамъ. Я серьезно думала о перемѣнѣ своего образа жизни и послѣ глубокихъ размышленій приняла рѣшеніе. До тѣхъ поръ одна мысль о разлукѣ съ моею матерью заставляла меня проливать потоки слезъ и если кто въ шутку хотѣлъ омрачить мое лицо, чрезвычайно выразительное отъ крайней чувствительности—меня дразнили монастырями и полезностью для молодыхъ дѣвицъ проводить въ нихъ нѣкоторое время. Но чего только человѣкъ не долженъ принести въ жертву Господу? Я лелѣяла созданныя пылкимъ моимъ воображеніемъ величественныя и романтическія мысли о монастырѣ, объ его уединеніи и безмолвіи. Чѣмъ пребываніе въ немъ было торжественнѣе, тѣмъ болѣе оно подходило къ настроенію моей растроганной души. Какъ-то разъ вечеромъ, оставшись одна послѣ ужина съ матерью и отцомъ, я упала передъ ними на колѣни; слезы мои полились и не дали мнѣ говорить; удивленные, встревоженные они спросили меня о причинѣ такого страннаго порыва. „Я хочу васъ попросить,—сказала я, рыдая,—объ одной вещи, разрывающей мое сердце, но которую отъ меня требуетъ моя совѣсть: помѣстите меня въ монастырь“. Они подняли меня; добрая моя мать взволновалась, она бы трепетала отъ страха, еслибы не то, что не имѣла повода бояться чего-либо, такъ какъ за послѣднее время не оставляла меня ни на минуту одну. Меня спросили о причинѣ возникновенія этого намѣренія, замѣтивъ при этомъ, что до сихъ поръ не отказывали мнѣ въ благоразумныхъ моихъ требованіяхъ; я сказала, что оно вызвано желаніемъ приготовиться къ первому причастію среди подобающаго уединенія. Мой отецъ похвалилъ меня за рвеніе и прибавилъ, что желаетъ мнѣ прійти на помощь. Начали совѣщаться о выборѣ монастыря; моя семья не имѣла сношеній ни съ однимъ изъ нихъ: вспомнили, что мой учитель музыки какъ-то упоминалъ о монастырѣ, гдѣ онъ давалъ уроки молодымъ дѣвушкамъ и рѣшили навести справки. Въ результатѣ оказалось, что заведеніе это было вполнѣ прилично, порядки въ немъ не суровы, вслѣдствіе чего монахини были извѣстны тѣмъ, что не предавались крайностямъ и лицемѣрію, отличающимъ большинство изъ нихъ; къ тому же онѣ по профессіи своей были воспитательницами юношества, онѣ содержали школы для приходящихъ или дѣтей изъ простого народа, которыхъ онѣ обучали даромъ для исполненія обѣтовъ и ко-

Digitized by Google

торыя занимались въ залѣ, предназначенной для нихъ; онѣ имѣли еще отдѣльный пансіонъ для молодыхъ дѣвушекъ, ввѣренныхъ имъ для воспитанія. Мать моя предприняла всѣ необходимые шаги, свела меня къ бабушкамъ и дѣдушкамъ для объявленія имъ моего рѣшенія, которое было одобрено, и затѣмъ свела меня къ монахинямъ конгрегаціи на улицу „Neuve-Saint-Étienne", въ предмѣстіи „Saint-Marcel", очень недалеко отъ того мѣста, гдѣ я нынѣ заключена. Какъ крѣпко я сжимала въ своихъ объятіяхъ эту дорогую мать въ минуту первой разлуки съ нею! Я задыхалась, я была страшно взволнована! Но я повиновалась голосу свыше и прошла черезъ порогъ монастырской ограды со слезами, принося Богу величайшую жертву, какую только могла. Это было 7 мая 1765 г.; мнѣ тогда было 11 лѣтъ и 2 мѣсяца.

Какъ теперь вспомнить и описать изъ глубины тюрьмы, среди политическихъ переворотовъ, потрясающихъ мою родину и увлекающихъ за собой все, что мнѣ было дорого, то безмятежное, блаженное время? Какая свѣжесть кисти нужна для того, чтобы передать сладкія волненія молодого сердца, чувствительнаго и нѣжнаго, исполненнаго жажды счастья, начинающаго чувствовать природу и видящаго кругомъ себя одно Божество! Первая ночь въ монастырѣ была тревожна: я уже не находилась подъ родительскимъ кровомъ; я чувствовала себя далекой отъ доброй матери, которая навѣрно съ умиленіемъ думала обо мнѣ; слабый свѣтъ освѣщалъ комнату, въ которую меня положили съ четырьмя другими дѣтьми моего возраста: я тихонько встала и подошла къ окну; садъ, въ который оно выходило, былъ освѣщенъ лучами луны. Глубокая тишина царила кругомъ; я точно вслушивалась въ нее, проникнутая какимъ-то благоговѣніемъ; большія деревья бросали тамъ и сямъ свою гигантскую тѣнь, и обѣщали вѣрное убѣжище для тихихъ размышленій; я подняла глаза къ небу, оно было ясно и безмятежно; мнѣ представилось, что я ощутила присутствіе Божества, съ улыбкой принимавшаго мою жертву и ниспосылавшаго мнѣ уже награду въ утѣшительномъ мирѣ небеснаго жилища: сладкія слезы тихо текли по моему лицу; я повторила свой обѣтъ въ порывѣ священнаго восторга и заснула сномъ праведныхъ.

Я пріѣхала вечеромъ и еще не видала всѣхъ своихъ подругъ, ихъ было тридцать четыре; онѣ были соединены въ одинъ классъ въ возрастѣ отъ 6 до 17 или 18 лѣтъ, но ихъ разсаживали за двумя различными столами во время ѣды, и въ теченіе дня изъ нихъ составлялось для занятій какъ бы два отдѣленія. Серьезность, которою была проникнута моя маленькая особа, съ перваго взгляда заставила присоединить меня къ наиболѣе взрослымъ ученицамъ, меня посадили двѣнадцатой за ихъ столомъ и я была младшей среди нихъ. Вѣжли-

Digitized by Google

вость, къ которой меня пріучила моя мать, степенный видъ вошедшій у меня въ привычку, кроткій и правильный способъ выраженій, ни въ чемъ не походили на шумное легкомысліе этой рѣзвой молодежи. Дѣти обратились ко мнѣ съ нѣкоторымъ довѣріемъ, потому что я никогда не отталкивала ихъ отъ себя, взрослыя дѣвушки относились ко мнѣ съ нѣкоторымъ вниманіемъ, потому что сдержанность не заставляла меня быть не услужливой съ ними и вызвала похвалу учительницъ. При томъ воспитаніи, какое я получила, ничего не было удивительнаго въ томъ, что я оказалась болѣе образованной, нежели всѣ, даже старшія, мои подруги.

Монахини рѣшили, что, такъ какъ я жила у нихъ, онѣ могли себѣ приписать честь моего воспитанія, не утруждая себя заботами о дальнѣйшемъ его продолженіи. Я уже знала или мнѣ очень легко давалось то, чему онѣ учили; я сдѣлалась любимицей всѣхъ монахинь; онѣ наперерывъ, другъ передъ другомъ, ласкали меня и хвалили. Та, которой были поручены уроки чистописанія пансіонерокъ, была женщина семидесяти лѣтъ, постригшаяся въ монахини въ пятьдесятъ, подъ вліяніемъ горя или несчастій; она получила хорошее образованіе и обладала кромѣ этого преимущества всѣмъ, что только даютъ знаніе и умѣніе обращаться въ свѣтѣ. Она считала себя образованной; у нея сохранился прекрасный почеркъ, она дѣлала великолѣпныя вышивки, давала хорошіе уроки орѳографіи и имѣла нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи. Ея небольшой ростъ, даже возрастъ ея и нѣкоторая доля педантизма подавали маленькимъ шалуньямъ, которыхъ она хотѣла учить, поводъ не относиться къ „матери св. Софіи“ съ уваженіемъ, котораго она заслуживала; и если память мнѣ не измѣняетъ, то зависть милыхъ сестеръ, которыя не обладая ея талантами, рады были выдвинуть ея смѣшныя стороны, не мало этому способствовала. Эта добрая дѣвушка вскорѣ привязалась ко мнѣ за любовь мою къ ученію; послѣ общаго урока въ классѣ, она занималась со мной отдѣльно, заставляла меня учить грамматику, дѣлать выписки по исторіи, давала уроки географіи; она даже испросила позволеніе уводить меня къ себѣ въ келью, гдѣ я ей читала вслухъ. Изъ всѣхъ учителей со мной продолжалъ заниматься лишь учитель музыки, я ходила къ нему на уроки въ пріемную съ двумя подругами и подъ наблюденіемъ одной монахини; а для уроковъ рисованія мнѣ дали учительницу, имѣвшую доступъ внутри стѣнъ монастыря. Правильное распредѣленіе чрезвычайно наполненной жизни, протекавшей среди разнообразныхъ занятій, очень подошло къ моему дѣятельному характеру и природной склонности къ порядку и труду; я была изъ первыхъ во всемъ и имѣла еще свободное время, такъ какъ была прилежной и не теряла ни одной минуты.

Digitized by Google

Въ часы прогулокъ или рекреацій я не умѣла бѣгать и шутить съ толпой; я искала уединенія подъ какими-нибудь деревьями, гдѣ читала или предавалась своимъ мечтамъ. Какъ живо я ощущала красоту листвы, дуновеніе вѣтерка, благоуханіе цвѣтовъ! Я всюду видѣла перстъ Провидѣнія, ощущала присутствіе его благодѣтельныхъ заботъ, я любовалась его твореніями; проникнутая благодарностью, я ходила поклоняться ему въ церковь, гдѣ величественные звуки органа, сливавшіеся съ трогательными голосами молодыхъ монахинь, пѣвшихъ церковные гимны, переполняли мое сердце экстазомъ. Сверхъ обѣдни, куда каждое утро водили всѣхъ пансіонерокъ, въ послѣ полуденные часы буденъ было назначено по получасу, посвященному молитвенному созерцанію; сюда допускались лишь казавшіяся способными предаваться этому созерцанію или способныя сосредоточиться въ этотъ промежутокъ времени на духовномъ чтеніи. Мнѣ даже не пришлось испрашивать для себя этой милости, дарованіемъ которой меня поспѣшили вознаградить за рвеніе; но я горячо просила о допущеніи меня къ первому причастію въ день ближайшаго церковнаго празднества; это было Успеніе. Хотя оно было очень недалеко отъ дня моего поступленія въ монастырь, милость эта была мнѣ дарована съ единодушнаго согласія старшихъ сестеръ и духовника. Этотъ послѣдній былъ человѣкомъ здороваго смысла, монахъ ордена Св. Виктора, гдѣ онъ исполнялъ должность приходскаго священника; онъ принялъ на себя обязанность исповѣдника пансіонерокъ конгрегаціи и былъ очень для того подходящимъ, благодаря возрасту своему, переходившему за 50 лѣтъ, умѣренному характеру и здравому уму, смягчавшему строгость его нравовъ и обращенія. Когда меня ввѣрили его попеченію, мой приходской священникъ г. Garat потрудился лично явиться въ монастырь, чтобы сдать свою маленькую духовную дочь въ руки своего собрата; ихъ свиданіе произошло въ пріемной въ моемъ присутствіи, они говорили на латинскомъ языкѣ, который я не вполнѣ понимала, но я разобрала нѣсколько похвальныхъ для себя словъ. Такія слова никогда не ускользаютъ отъ дѣвушки, какъ бы она ни была молода и на какомъ бы языкѣ они ни произносились. Я много выиграла отъ перемѣны: Garat былъ лишь педантомъ, въ которомъ я чтила судью духовнаго; Викторіанецъ былъ человѣкомъ справедливымъ, просвѣщеннымъ, направлявшимъ мои благочестивыя стремленія на все, что есть возвышеннаго въ морали, и умѣвшимъ силой своей религіи развивать въ людяхъ начала добра, безъ примѣси смѣшного мистицизма. Я его любила, какъ отца, и въ теченіе трехъ лѣтъ, которые онъ еще жилъ послѣ моего выхода изъ монастыря, я приходила въ церковь Св. Виктора издалека наканунѣ большихъ праздниковъ, чтобы исповѣдываться у него.

Digitized by Google

Нужно сознаться, что католическая религія, мало подходящая для здраваго разсудка, просвѣщеннаго познаніями и подчиняющаго предметъ своей вѣры законамъ разума, способна плѣнять воображеніе, потрясая его великимъ и ужаснымъ и заполоняя чувство таинственными обрядами, то нѣжными, то меланхоличными Вѣчность, неизмѣнно стоящая передъ умами ея послѣдователей, призываетъ ихъ къ созерцанію. Она дѣлаетъ изъ нихъ строгихъ цѣнителей добра и зла, тогда какъ ежедневныя упражненія въ набожности, величественные обряды даютъ отдыхъ напряженію и поддерживаютъ его, представляя изъ себя удобныя подспорья для неуклоннаго слѣдованія къ намѣченной цѣли. Женщины отлично умѣютъ оживлять эти обряды, окружать эти церемоніи всѣмъ, что способно придать имъ прелесть или блескъ, и монахини особенно отличались въ этомъ искусствѣ. Одна послушница вскорѣ послѣ моего поступленія въ монастырь постриглась въ монахини. Цвѣты, блестящія люстры, шелковыя занавѣси, великолѣпные уборы украсили церковь и алтарь; сборище было многолюдное; оно исполняло внѣшній обрядъ съ тѣмъ праздничнымъ видомъ, который въ подобныхъ случаяхъ на свадьбѣ кого-нибудь изъ своихъ дѣтей, имѣетъ семья. Торжествующая и нарядная молодая жертва явилась къ рѣшеткѣ, въ великолѣпномъ платьѣ, которое она вскорѣ сбросила, чтобы вновь явиться окутанной бѣлой вуалью и увѣнчанной розами; я еще теперь ощущаю содроганіе, испытанное мной, когда она, слегка дрожащимъ голосомъ, мелодично спѣла обычный церковный гимнъ: Elegi etc. „здѣсь я избрала жилище свое и утверждаю его навсегда“. Я не забыла напѣва этого стиха, я пою его также вѣрно, какъ если бы слышала его вчера, и мнѣ хотѣлось бы имѣть возможность спѣть его въ Америкѣ! Великій Боже! Какое выраженіе я вложила бы теперь въ него! Но когда послѣ произнесенія обѣтовъ, преклоненную послушницу покрыли саваномъ, подъ которымъ она казалась погребенною, я содрогнулась отъ ужаса: это для меня было олицетвореніемъ полнаго разрыва со всѣми связями въ мірѣ, отреченіемъ отъ всего для нея дорогого; я уже не была сама собой, я стала ею; мнѣ показалось, что меня оторвали отъ моей матери и я проливала потоки слезъ. Человѣкъ, обладающій подобной чувствительностью, подъ вліяніемъ которой всѣ впечатлѣнія дѣлаются такими глубокими, и подобной отзывчивостью на, проходящія какъ тѣни мимо обыкновенныхъ людей, впечатлѣнія, не прозябаетъ; и дѣйствительно я рано начала вдумываться въ свою жизнь, и никогда она не была мнѣ въ тягость, даже среди наиболѣе тяжелыхъ испытаній; и не доживъ еще и до сорока лѣтъ, я поразительно много прожила, если жизнь измѣрять чувствомъ, отмѣчающимъ всѣ ея мгновенія:

Мнѣ бы пришлось описывать слишкомъ много подобныхъ сценъ,

Digitized by Google

еслибы я пожелала вспомнить всѣ тѣ, которыя въ моемъ сердцѣ запечатлѣли волненія моей умильной набожности. Обаяніе и привычка къ этимъ ощущеніямъ сдѣлались для меня такъ сильны, что они не въ состояніи были изгладиться. Философія разсѣяла иллюзіи праздной вѣры; но она не уничтожила вліянія извѣстныхъ предметовъ на мои чувства и ихъ связи съ идеями и настроеніями, которыя они нѣкогда вызывали. Я до сихъ поръ могу съ участіемъ присутствовать при богослуженіи, когда оно исполняется съ серьезною торжественностью; я забываю о шарлатанствѣ священниковъ, нелѣпости ихъ басней, или безсмысленности ихъ тайнъ; я вижу передъ собой лишь собраніе слабыхъ людей, взывающихъ о помощи къ высшему существу; мой умъ занятъ мыслью о страданіяхъ человѣчества, утѣшительной надеждой на могущественнаго воздаятеля; посторонніе образы разсѣеваются, страсти стихаютъ, чувство долга оживляется; если музыка участвуетъ въ обрядахъ, я переношусь въ иной міръ и выхожу просвѣтленной изъ мѣста, куда глупая толпа явилась, ни о чемъ не размышляя...

Религія, какъ и столько другихъ человѣческихъ учрежденій, не мѣняетъ личности человѣка; она приспособляется къ его природѣ, возвышается и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Толпа думаетъ мало, вѣритъ на-слово и дѣйствуетъ по инстинкту, такъ что между исповѣдуемыми принципами и обычнымъ поведеніемъ господствуетъ вѣчное противорѣчіе. Сильные характеры поступаютъ иначе: имъ нужна гармонія, ихъ поведеніе строго соотвѣтствуетъ ихъ вѣрѣ. Я въ дѣтствѣ по необходимости восприняла ту вѣру, которую мнѣ внушили; она оставалась моею до тѣхъ поръ, пока я не пріобрѣла достаточно знаній, чтобы обсудить ее; но и тогда всѣ поступки мои являлись строгимъ выводомъ изъ этой вѣры. Я удивлялась легкомыслію людей, исповѣдовавшихъ подобную же вѣру и дѣйствовавшихъ противоположнымъ образомъ, какъ возмущаюсь нынѣ низостью тѣхъ, кто желаетъ имѣть родину и во что-нибудь ставитъ свою жизнь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы подвергнуть ее опасности для служенія этой родинѣ.

Желая избѣгать повтореній относительно одного и того же предмета, я все же хочу отмѣтить одной чертой минуту моего перваго причастія: подготовленная всѣми обычными въ монастыряхъ способами, уединеніемъ, продолжительными молитвами, молчаніемъ, созерцаніемъ, я восприняла это первое причастіе, какъ торжественное обязательство и залогъ вѣчнаго блаженства. Мысль эта мною владѣла всецѣло; она до такой степени воспламенила мое воображеніе, растрогала мое сердце, что, обливаясь слезами, охваченная восторгомъ небесной любви, я не въ состояніи была дойти до алтаря безъ помощи монахини, которая, поддерживая меня подъ руки, помогла мнѣ при-

Digitized by Google

близиться къ Святому престолу. Я не стремилась къ этимъ проявленіямъ, они были лишь естественнымъ послѣдствіемъ чувства, котораго я не въ силахъ была сдержать, но они стяжали мнѣ почетъ, и встрѣчаемыя мной добрыя старушки всегда просили меня включить ихъ въ мои молитвы.

Мнѣ представляется будто я слышу, какъ читающіе эти строки спрашиваютъ, не обратилось ли наконецъ это нѣжное сердце и страстная чувствительность къ чему-либо болѣе реальному и не отдалась ли я, столь рано мечтавшая о счастіи, любви къ какому-нибудь человѣку? Не станемъ забѣгать впередъ, отвѣчу я имъ; остановитесь со мною на этомъ мирномъ времени святыхъ иллюзій, къ которому я и теперь еще люблю возвращаться мыслью. Думаете ли вы, что въ вѣкѣ, столь испорченномъ, при столь дурномъ общественномъ строѣ мыслимо наслаждаться счастіемъ природы и невинности? Люди пошлые находятъ здѣсь удовольствіе, но другіе, для которыхъ одно удовольствіе слишкомъ ничтожно, бываютъ обурѣваемы страстями, которыя обѣщаютъ имъ нѣчто большее; стѣсняемые обязанностями, странными или жестокими и все же ими уважаемыми, они знаютъ лишь славу ихъ исполненія, покупаемую дорогою цѣною. Отдохнемъ пока на нѣжной дружбѣ, окружившей меня своимъ обаяніемъ и доставившей столько счастливыхъ мгновеній.

Нѣсколько мѣсяцевъ прошло со времени моего поступленія въ монастырь. Я въ немъ жила среди занятій только-что описанныхъ мною. Меня всякую недѣлю навѣщали отецъ и мать, уводившіе меня по воскресеньямъ послѣ службы на прогулку въ „Jardin du Roi“, нынѣ „Jardin des Plantes“. Разставаніе не обходилось безъ слезъ, съ моей стороны, то были слезы нѣжности къ нимъ, а не сожалѣнія о моемъ положеніи, такъ какъ я съ удовольствіемъ возвращалась въ безмолвный монастырь, по которому я шла медленными шагами, наслаждаясь его одиночествомъ; я иногда останавливалась у памятника, на которомъ было вырѣзано похвальное слово какой-то святой дѣвицѣ: „она счастлива!“ шептала я про себя вздыхая; и грусть, не лишенная прелести, охватывала мою душу и заставляла меня искать на лонѣ Божества, въ надеждѣ быть когда-нибудь принятой на него, то полное счастье, въ которомъ я ощущала потребность.

Пріѣздъ новыхъ пансіонерокъ оживилъ всю маленькую ватагу; доложили о пріѣздѣ дѣвицъ изъ Амьена; любопытство молодыхъ дѣвушекъ-монастырокъ относительно обѣщанныхъ имъ подругъ сильнѣе нежели то возможно вообразить. Лѣтній день клонился къ вечеру; гуляли подъ липами... „Вотъ онѣ, вотъ онѣ!“ раздался вдругъ крикъ. Старшая учительница сдала въ руки дежурной двухъ новоприбывшихъ; толпа окружила ихъ, удалилась, вновь нахлынула, пришла

Digitized by Google

наконецъ въ порядокъ, и всѣ пансіонерки группами прогуливались по одной и той же аллеѣ, чтобы разсмотрѣть барышень Канэ. Это были двѣ сестры: старшей было около 18 лѣтъ: красивое сложеніе, непринужденныя манеры, свободная походка, нѣчто чувствительное, гордое и недовольное обращало на нее вниманіе; младшей было не болѣе 14 лѣтъ, бѣлая газовая вуаль прикрывала ея нѣжное лицо и плохо скрывала слезы, которыми оно было облито. Я глядѣла на нее съ участіемъ, я остановилась, чтобы ее лучше разсмотрѣть и затѣмъ присоединилась къ разговаривающимъ, чтобы попытаться отъ нихъ узнать то, что онѣ знали о ней.

Разсказывали, что она была любимицею своей матери, которую она, въ свою очередь, горячо любила и разлучиться съ которою ей было очень тяжело, и что съ нею помѣстили сестру, чтобы помочь ей перенести эту разлуку. Обѣихъ вечеромъ помѣстили за столъ, у котораго я сидѣла. Софья ѣла мало, ея безмолвное горе ничего въ себѣ не имѣло отталкивающаго ни для кого и всѣхъ способно было тронуть; ея сестра казалась гораздо менѣе занятой тѣмъ, чтобы ее утѣшить, чѣмъ недовольной раздѣлять ея участь. Она имѣла на то нѣкоторое право: 18-ти лѣтняя дѣвушка, отторванная отъ свѣта, въ который уже вступила, и вновь помѣщенная въ монастырь для того, чтобы сопровождать младшую сестру, могла себя считать принесенной въ жертву своею матерью, имѣвшей въ дѣйствительности въ виду усмирить необузданный нравъ, съ которымъ она не могла справиться. Не нужно было долго видѣть живую Генріетту, чтобы придти къ такому заключенію: откровенная до рѣзкости, нетерпѣливая до вспыльчивости, веселая до безумія, она отличалась остроуміемъ, но не благоразуміемъ своего возраста; неровная, острая, порой обаятельная, часто невыносимая, за ея вспышками слѣдовали самые трогательные порывы раскаянія; она обладала необыкновенно любящимъ сердцемъ, рядомъ съ самой взбалмошной фантазіей; приходилось ее любить и бранить въ одно и то-же время, и жить съ ней, любя ее страстно, все-таки было тяжело. Бѣдной Софьѣ приходилось иногда страдать отъ характера сестры, достаточно справедливой, чтобы оцѣнить ея достоинства, но раздраженной противъ нея подъ вліяніемъ ревности, вслѣдствіе чего сестра ея во взаимныхъ отношеніяхъ съ нею находила неисчерпаемые поводы для проявленія своей неровности, отъ которой она сама болѣе всѣхъ страдала. Софья отличалась спокойствіемъ не по лѣтамъ развитого ума; она не очень живо чувствовала, потому что голова ея была холодна, но она любила размышлять и разсуждать; спокойная и не предупредительная она никого не привлекала собой, но оказывала всѣмъ при случаѣ одолженія, и, хотя ни къ чему сама не шла на встрѣчу, но также и не отказывала ни въ чемъ.

Digitized by Google

Она любила работу и чтеніе. Ея грусть меня тронула, ея обращеніе мнѣ понравилось; я почувствовала, что встрѣтила въ ней товарища, и мы съ ней сдѣлались неразлучными. Я привязалась къ ней съ тѣмъ самозабвеніемъ, которое возникаетъ отъ потребности любви при встрѣчѣ съ предметомъ, достойнымъ этого чувства; занятія, чтеніе, прогулки, все у меня стало общимъ съ моей Софьей.

Она была набожна, немного менѣе нѣжна, но также искренна, какъ и я, и это сходство не мало способствовало тѣсному сближенію. Наша дружба росла, такъ сказать, подъ крыломъ Провидѣнія и среди общихъ порывовъ. Мы думали взаимно поддерживать другъ друга, и двигать по пути къ совершенству. Софья была немилосердно разсудочна. Она хотѣла все разобрать, все знать, все обсудить; я говорила гораздо меньше, чѣмъ она, и останавливалась лишь на выводахъ. Она любила бесѣдовать со мной, потому что я умѣла ее хорошо слушать, и когда я не раздѣляла ея мнѣнія, мои возраженія были такъ мягки, благодаря страху огорчить ее, что никакія разногласія никогда не приводили насъ къ ссорѣ. Ея общество было для меня необыкновенно дорого, такъ какъ мнѣ нужно было передавать кому-нибудь, кто ихъ понималъ, волновавшія меня чувства, которыя, казалось, дѣлались значительнѣе когда высказывались. Софья была старше меня на три года и немного менѣе скромна, она обладала нѣкотораго рода внѣшнимъ преимуществомъ, которому я не завидовала. Она умѣла мило болтать; я лишь умѣла отвѣчать: правда, что мнѣ необыкновенно любили предлагать вопросы, но это не всѣмъ легко давалось. Настоящія отношенія у меня были лишь съ моимъ дорогимъ другомъ; всѣ остальные видѣли меня лишь мелькомъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто былъ достаточно ловокъ, чтобы приподнять завѣсу, которою я, безъ преднамѣреннаго желанія прятаться, невольно прикрывалась.

Генріетта иногда, хотя и рѣдко, бывала съ нами; она заключила болѣе подходящую для себя дружбу съ дѣвицей de-Cornillon, дѣвушкой 18 лѣтъ, некрасивой какъ смертный грѣхъ, блиставшей умомъ и веселой насмѣшливостью, настоящимъ чертенкомъ, которымъ пугали дѣтей, но которая не въ состояніи была поднять наше благоразуміе на смѣхъ.

Не пройду молчаніемъ нѣжнаго участія, выказаннаго мнѣ съ первыхъ дней моего пріѣзда одной прекрасной дѣвушкой, вѣрная привязанность которой мнѣ во многихъ обстоятельствахъ принесла утѣшеніе. Анжелика Буфлэ родилась безъ состоянія, съ 17-лѣтняго возраста она связала себя обѣтами, еще и не зная себя. Она по природѣ своей была какъ потокъ; но подавленная энергія ея до крайности экзальтировала ея сердечную чувствительность и живость ея ума. Отсутствіе средствъ опредѣлило ей мѣсто среди послушницъ, съ

Digitized by Google

которыми общаго у ней была одна лишь черная работа. Есть сердца, не нуждающіяся въ образованіи; св. Агата (таково было ея имя въ монашествѣ), лишенная поддержки образованія, не только стояла выше подругъ своихъ, но и большинства монахинь. Ея достоинства были всѣмъ извѣстны, и хотя въ силу обычаевъ этихъ общинъ, гдѣ толпа всегда отличается неблагодарностью, дѣловитостью ея злоупотребляли, обременяя ее чрезмѣрной работой, она все же пользовалась тѣмъ уваженіемъ, какое себѣ снискиваютъ достоинства. Она тогда была приставлена къ услуженію пансіонерокъ, и исполняла эту работу одна, сверхъ прочихъ обязанностей, лежавшихъ на ней, и успѣвала со всѣмъ справляться старательно и весело.

Я не успѣла еще присмотрѣться къ ней, какъ она уже стала мнѣ оказывать предпочтеніе, ея предупредительная доброта обратила на себя мое вниманіе; за столомъ она безъ моего вѣдома предугадывала мои вкусы и старалась ихъ удовлетворить, въ спальнѣ она съ привѣтливымъ видомъ дѣлала мою постель и не пропускала случая, чтобы сказать мнѣ что-нибудь любезное. При встрѣчѣ со мной она нѣжно меня цѣловала, уводила иногда въ свою келью, гдѣ у нея былъ прелестный чижъ, ручной, ласковый, котораго она выучила говорить; она мнѣ тайкомъ дала второй ключъ отъ этой кельи, чтобы я могла входить въ нее въ ея отсутствіе; я въ ней читала книги ея маленькой библіотеки, стихи отца дю-Серсо и сочиненія мистическаго характера. Когда она бывала слишкомъ занята, чтобы провести въ ней нѣсколько минутъ со мной или напередъ знала, что ей это не удастся, я въ ней находила нѣжную записочку, на которую я всегда отвѣчала: она хранила эти отвѣты, какъ драгоцѣнности, и позже показывала мнѣ ихъ хорошо припрятанными въ своей молельнѣ.

Вскорѣ въ монастырѣ только и было рѣчи, что о привязанности Агаты къ маленькой Флипонъ; но казалось, что такъ и должно было быть: мои подруги повидимому никогда не обижались выказываемому ею мнѣ предпочтенію. Когда монахини съ ней заговаривали объ этомъ, она съ обычной прямотой своей ихъ спрашивала, не тоже ли бы самое онѣ дѣлали на ея мѣстѣ; и если какая-нибудь угрюмая 80-тилѣтняя старушка, въ родѣ матери Гертруды, ей говорила, что она меня слишкомъ любитъ, она возражала, что она такъ разсуждаетъ только потому, что сама не въ состояніи такъ сильно любить. „А вы сами,—прибавляла она,—не останавливаете ли ее всегда при встрѣчѣ“? И мать Гертруда удалялась ворча; но если часъ спустя она видѣла меня, то всегда давала мнѣ конфектъ.

Когда дѣвицы Канэ пріѣхали и я подружилась съ Софьей, Агата стала, казалось, немного ревновать; монахини находили удовольствіе въ томъ, чтобы нападать на нее по этому поводу; но ея великодуш-

Digitized by Google

ная нѣжность отъ этого не уменьшилась: она, казалось, была довольна тѣмъ, что я позволяла себя любить, и наслаждалась радостью, доставляемой мнѣ дружбой съ дѣвушкой, болѣе подходившей ко мнѣ по возрасту, въ обществѣ которой я находилась въ теченіе всего дня.

Агатѣ тогда было 24 года; она своимъ характеромъ и любовью внушила мнѣ самую искреннюю привязанность; я почитала за честь ей это постоянно выражать. Въ послѣдніе годы существованія монастырей я только ее одну ходила навѣщать въ ея монастырѣ. Она вышла нынѣ изъ этого убѣжища и когда годы и болѣзнь сдѣлали его необходимымъ для нея, она принуждена жить на назначенную ей скудную пенсію и прозябаетъ недалеко отъ мѣста нашего прежняго жилища и моего теперешняго заключенія, и среди невзгодъ стѣсненнаго своего положенія она горюетъ лишь о заточеніи своей дочки, какъ она всегда называетъ меня. Любящія сердца, вы когда-нибудь перестанете сожалѣть обо мнѣ, оцѣнивъ блага, дарованныя мнѣ Небомъ; мои гонители среди могущества своего не обладаютъ счастьемъ быть любимыми другой такой Агатой, которая лишь горячѣе бы ихъ любила въ случаѣ, еслибъ они впали въ несчастье!

Зима прошла; я нѣсколько рѣже въ теченіе ея видала мать мою; но мой отецъ не пропустилъ ни одного воскресенья, не навѣстивъ меня, и, если только погода этому не препятствовала, онъ водилъ меня гулять въ „Jardin du Roi"; мы, не обращая вниманія на холодъ, весело бѣгали по снѣгу. Очаровательныя прогулки, о которыхъ я вспоминала 20 лѣтъ спустя, читая эти стихи Томсона, которыхъ не могу произносить безъ умиленія:

Pleas'd was I, in my cheerful morn of life,
When nurs'd by careless solitude I liv'd,
And sung of nature with unceasing joy,
Pleas'd was I wandering through your rough domain,
Through the pure virgin snows, myself as pure, etc. [1]).

При поступленіи моемъ въ монастырь было рѣшено, что я останусь въ немъ только годъ; я сама этого пожелала; мнѣ пріятно было думать о предѣлѣ для жертвы, принесенной мною разлукой съ матерью; съ своей стороны монахини, допустивъ меня къ первому причастію на четвертомъ мѣсяцѣ моего у нихъ пребыванія, заботливо выговорили условіе, чтобы я благодаря этому не покинула ихъ раньше и закончила у нихъ свой годъ; по истеченіи этого года, поднялся вопросъ о моемъ уходѣ. Моя мать объявила мнѣ, что ба-

[1]) Любила я въ веселое утро моей жизни—когда жила я, воспитываемая беззаботнымъ одиночествомъ и пѣла о природѣ въ нескончаемой радости,—любила я бродить по дикимъ вашимъ владѣніямъ, по чистымъ, дѣвственнымъ снѣгамъ, сама чистая какъ они, и т. д.

Digitized by Google

бушка моя Флипонъ, чрезвычайно меня любившая, очень желала, чтобы я провела съ нею нѣкоторое время и что она дала свое согласіе на осуществленіе этого плана, который не могъ меня огорчить, такъ какъ мы тамъ должны были видѣться гораздо чаще, чѣмъ въ монастырѣ; планъ этотъ къ тому же былъ очень удобнымъ при существующихъ обстоятельствахъ. Мой отецъ вступилъ въ исполненіе своихъ коммунальныхъ обязанностей; ему такимъ образомъ часто приходилось отлучаться изъ дому: мнѣ сразу стало ясно, что время моей матери поэтому должно быть больше посвящено надзору за работами, порученными молодымъ людямъ, въ которыя она до сихъ поръ не вмѣшивалась, она утратила часть того свободнаго времени, которымъ хотѣла пользоваться всецѣло, чтобы заняться мной.

Предложенный ею планъ, дѣйствительно, представлялъ изъ себя незамѣтный переходъ отъ разлуки къ полному соединенію съ ней, и я согласилась съ нею тѣмъ охотнѣе, что очень была привязана къ своей бабушкѣ. Это была маленькая женщина, любезнаго и веселаго нрава; обаятельныя манеры ея, любезный разговоръ, привлекательный смѣхъ, лукавые взгляды показывали, что въ ней сохранилось еще желаніе нравиться или напомнить о томъ, что она когда то нравилась. Ей было 65 или 66 лѣтъ, она заботилась о своемъ туалетѣ, принаровленномъ, впрочемъ, къ ея возрасту, такъ какъ она считала, что умѣетъ вѣрно чувствовать и соблюдать приличія. Очень полное тѣлосложеніе, довольно легкая походка, гордая осанка, маленькая ручка, пальцами которой она граціозно перебирала, сентиментальный тонъ разговора, пересыпаннаго веселыми и приличными замѣчаніями, уничтожали въ ней всякіе слѣды старости. Она была любезна съ молодыми дѣвушками, въ обществѣ которыхъ любила находиться, и гордилась тѣмъ, что эти послѣднія искали въ ней.

Она овдовѣла черезъ годъ послѣ свадьбы, и мой отецъ, родившійся уже послѣ смерти своего отца, былъ ея единственнымъ ребенкомъ. Она впала въ бѣдность благодаря неудачамъ въ торговлѣ, которой она занималась, и была принуждена обратиться къ помощи дальнихъ богатыхъ родственниковъ, оказавшихъ ей предпочтеніе передъ другими въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей: она воспитала такимъ образомъ у г-жи де-Буаморель ея сына Робержа, о которомъ мнѣ придется говорить впослѣдствіи, и ея дочь, сдѣлавшуюся г-жею де-Фавіеръ. Маленькое наслѣдство, наконецъ, обезпечило ей независимость; она жила на островѣ Св. Людовика, гдѣ она вмѣстѣ съ сестрой, дѣвицей Ротиссэ, которую она называла Анжеликой, занимала приличную квартиру. Эта добрая дѣвушка, страдавшая одышкой, набожная и непорочная, какъ ангелъ, простодушная, какъ дитя, была покорнѣйшей слугой своей старшей сестры; заботы о маленькомъ хозяйствѣ лежали исключи-

Digitized by Google

тельно на ней; и лишь самая черная работа была возложена на приходившую два раза въ день прислугу; Анжелика справлялась со всѣмъ остальнымъ и съ благоговѣніемъ одѣвала свою сестру. Само собой вышло такъ, что она сдѣлалась моей няней, между тѣмъ какъ г-жа Флипонъ сдѣлалась моей наставницей. Я такимъ образомъ очутилась въ ихъ рукахъ послѣ того, какъ покинула домъ Господень, сопровождаемая сожалѣніемъ, нѣжной любовью, поцѣлуями всѣхъ монахинь, оплакиваемая моей Агатой и моей Софьей, горюя о разлукѣ съ ними и обѣщая себѣ смягчить горечь ея частыми посѣщеніями.

Это обязательство было слишкомъ для меня дорого, чтобы я не исполнила его въ точности. Мои прогулки часто направлялись въ сторону конгрегаціи; моя тетка Анжелика или мой отецъ всегда съ удовольствіемъ водили меня туда; вѣсть о моемъ приходѣ въ пріемную быстро разносилась по всему дому и мнѣ случалось перевидать въ ней человѣкъ двадцать за одинъ часъ. Но посѣщенія эти не могли замѣнить собою ежедневныхъ сношеній и дружескихъ изліяній; они сдѣлались болѣе рѣдкими и вмѣсто нихъ я прибѣгла къ перепискѣ, главнымъ образомъ съ Софьей. Переписка эта возбудила во мнѣ вкусъ къ писанію и, благодаря установившейся въ силу ея привычкѣ, стала причиной легкости, съ которой я владѣю перомъ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

28 августа.

Чувствую какъ слабѣетъ рѣшимость продолжать начатое мною дѣло; несчастья моей родины меня терзаютъ; потеря друзей ослабляетъ мужество; невольная грусть охватываетъ душу, помрачаетъ воображеніе мое и сушитъ мое сердце. Франція стала огромнымъ театромъ рѣзни, кровавой ареной, гдѣ раздираютъ другъ друга ея собственные дѣти.

Пользуясь внутренними междоусобіями, непріятель приближается со всѣхъ сторонъ; сѣверные города подчинились его власти, Фландрія и Эльзасъ въ скоромъ времени сдѣлаются его добычею; Испанцы разоряютъ Русильонъ; Савойцы отказываются отъ союза, ставшаго ужаснымъ благодаря анархіи; они возвращаются къ прежнему своему господину, солдаты котораго переходятъ нашу границу; возставшіе Вандейцы продолжаютъ опустошать значительную часть страны; безразсудно раздражаемые Ліонцы проявили сопротивленіе, Марсейль спѣшитъ къ нимъ на помощь, сосѣдніе департаменты приходятъ въ движеніе; и среди этого всеобщаго волненія, среди этихъ многочисленныхъ потрясеній, непрерывно продолжается одно лишь наступленіе

Digitized by Google

иностранныхъ державъ. Наше правительство представляетъ изъ себя родъ чудовища, порядки и дѣйствія котораго одинаково возмутительны; оно разрушаетъ все къ чему только прикасается и само себя пожираетъ: эта послѣдняя крайность является единственнымъ утѣшеніемъ для его многочисленныхъ жертвъ.

Войска, одинаково плохо продовольствуемыя и предводимыя, сражаются и бѣгутъ какъ отчаянныя; искусные полководцы обвиняются въ измѣнѣ, потому что представители, ничего не смыслящіе въ войнѣ, находятъ плохимъ то, чего не понимаютъ и считаютъ аристократами всѣхъ людей болѣе просвѣщенныхъ, чѣмъ они сами. Законодательный корпусъ, безсильный съ первыхъ минутъ своего существованія, вначалѣ служилъ мѣстомъ оживленныхъ преній, пока въ нѣдрахъ его сохранилось достаточно образованности, чтобы сознавать опасности и мужества, чтобы ихъ предсказывать; люди честные и благородные, которые желали блага своей родинѣ и имѣли смѣлость его добиваться, самымъ возмутительнымъ образомъ и вполнѣ непослѣдовательно, были нагло обвинены въ измѣнѣ, и невѣжество и страхъ принесли ихъ, наконецъ, въ жертву интригѣ и разбоямъ. Въ собраніи, украшеніемъ коего они были, послѣ ихъ изгнанія, осталась лишь необузданная и испорченная толпа, которая своими безуміями и преступленіями себѣ самой вырыла могилу, но вмѣстѣ съ тѣмъ довершила и общественное разрушеніе. Нація трусливая и плохо образованная, потому что эгоизмъ лѣнивъ и потому что лѣнь и не хочетъ ничего видѣть, согласилась принять негодную конституцію, которую они обязаны были отвергнуть съ негодованіемъ, будь она даже лучше, потому что нельзя, не унизивши себя, принимать что-либо отъ злодѣевъ; она имѣетъ притязаніе обезпечивать безопасность, свободу, которыя она безнаказанно позволила попрать въ лицѣ своихъ представителей! Она можетъ лишь мѣнять своихъ притѣснителей; она уже находится подъ желѣзнымъ игомъ и всякая перемѣна ей кажется благомъ, но не способная сама произвести ее, она ждетъ этой перемѣны отъ перваго, кто захочетъ властвовать надъ нею. О Брутъ, чья смѣлая рука напрасно освободила испорченныхъ римлянъ, мы заблуждались, какъ и ты! Тѣ чистые люди, всей силой страстной души своей мечтавшіе о свободѣ, которыхъ философія подготовила къ ней среди безмятежныхъ занятій и строгаго уединенія, подобно тебѣ льстили себя надеждой, что ниспроверженіе тиранніи положитъ основаніе царству справедливости и мира: оно лишь явилось призывнымъ знакомъ для разнузданія низкихъ страстей и самыхъ отвратительныхъ пороковъ. Ты послѣ проскрипціи тріумвировъ говорилъ, что сильнѣе чувствуешь позоръ того, что послужило причиной смерти Цицерона, чѣмъ даже скорбь по поводу самой смерти его;

Digitized by Google

ты осуждалъ своихъ римскихъ друзей за то, что они по собственной винѣ, болѣе чѣмъ по винѣ тиранновъ сдѣлались рабами и за то, что они имѣли низость видѣть и терпѣть вещи, самый разсказъ о которыхъ долженъ былъ для нихъ быть невыносимымъ и ужаснымъ. Такъ и я возмущалась изъ глубины своей тюрьмы; но часъ возмущенія прошелъ, такъ какъ очевидно, что ничего нельзя болѣе ждать хорошаго, ни удивляться чему бы то ни было дурному. Опишетъ ли когда-нибудь исторія ужасъ этихъ страшныхъ дней, и ужасныхъ людей, наполнившихъ ихъ своими преступленіями? Они превзошли жестокость Марія, кровавые походы Суллы; этотъ послѣдній, окруживъ и перерѣзавъ 6 тысячъ человѣкъ, сдавшихся ему близъ Сената, который онъ успокоилъ и заставилъ совѣщаться подъ звуки ихъ скорбныхъ криковъ, поступилъ какъ тиранъ, злоупотреблявшій своей захваченной властью. Но съ чѣмъ возможно сравнить власть лицемѣровъ, всегда облеченныхъ въ маску справедливости, всегда говорящихъ языкомъ закона и создавшихъ ради удовлетворенія своей мести трибуналъ, посылающій на эшафотъ, оскорбительно попирая всякіе судебные порядки, всѣхъ людей, добродѣтель которыхъ ихъ оскорбляетъ, таланты которыхъ возбуждаютъ ихъ подозрѣніе или богатства которыхъ подстрекаютъ ихъ алчность? Какой Вавилонъ когда-либо представлялъ зрѣлище, подобное этому Парижу, оскверненному кровью и развратомъ, управляемому властями, сдѣлавшими себѣ профессію изъ того, чтобы разносить ложь, продавать клевету и превозносить похвалами убійство. Какой народъ когда-либо былъ развращенъ нравственно и въ своихъ инстинктахъ до такой степени, чтобы въ немъ выработалась потребность въ зрѣлищѣ казней, чтобы онъ содрогался отъ бѣшенства, когда казни эти откладывались и былъ-бы всегда готовъ проявлять свое звѣрство надъ всякимъ, кто бы стремился смягчить или успокоить его въ этомъ? Сентябрьскіе дни были дѣломъ лишь немногихъ опьяненныхъ тигровъ. Апатія всѣхъ парижанъ и ихъ безмолвное согласіе признать свое рабство ознаменовали собой торжество злодѣевъ 31 мая и 2 іюня: съ той поры паденіе ужасно; то, что еще несправедливо называютъ конвентомъ, наполнено одними разбойниками, одѣтыми и ругающимися, какъ портовые рабочіе, проповѣдующими убійство и подающими примѣръ грабежамъ. Многочисленная толпа окружила зданіе суда и ярость ея разражается надъ судьями, не произносящими достаточно быстро обвинительныхъ приговоровъ надъ невинными людьми. Тюрьмы переполнены должностными лицами, генералами, государственными чиновниками и людьми, которые своими достоинствами дѣлали честь человѣчеству; доносы считаются доказательствомъ гражданскаго чувства, и обязанность обыскивать порядочныхъ или богатыхъ людей и подвергать ихъ тюремному заключенію

Digitized by Google

является единственнымъ занятіемъ невѣжественныхъ и низкихъ администраторовъ. Орлеанскія жертвы пали. Шарлотта Кордэ не пробудила ни малѣйшаго волненія въ городѣ, который не заслуживалъ того, чтобы она освободила его отъ изверга.

Бриссо [1]), Женсонэ, толпа другихъ депутатовъ находятся подъ обвинительнымъ декретомъ; доказательствъ не имѣется, но ярость растетъ; и за отсутствіемъ основаній для ихъ осужденія, исполняютъ желаніе самодержца, который требуетъ ихъ казни, словно дикій звѣрь, подстерегающій свою жертву. Кюстина нѣтъ [2]); Робеспьеръ торжествуетъ, Эберъ намѣчаетъ жертвы, Шабо считаетъ ихъ; трибуналъ торопится; народъ собирается ускорить казни и организовать ихъ повсемѣстно. Между тѣмъ голодъ даетъ о себѣ знать; смертоносные законы подавляютъ промышленность, задерживаютъ движеніе, уничтожаютъ торговлю, расточаютъ финансы; всюду царитъ разореніе; безстѣнчивые люди составляютъ себѣ состоянія, пользуясь этимъ полнымъ разстройствомъ государственной казны, назначаютъ цѣну за всѣ свои поступки и опредѣляютъ таксу на смерть или жизнь своихъ согражданъ.

Диллонъ и Кастелланъ выходятъ, первый изъ Madelonettes, второй изъ „Sainte Pélagie", уплативъ по 30 тысячъ ливровъ Шабо; Силльери поручилъ выторговать себѣ свободу, такъ какъ онъ достаточно богатъ, чтобы пріобрѣсти ее, и 200 бутылокъ его чудеснаго шампанскаго являются придаткомъ торга съ непотребными женщинами Комитета [3]). Жена Ролана, о которой, благодаря попеченію и заботамъ

---

[1]) Женщины, которыя устроили клубъ въ церкви Св. Евстафія, голосили однажды, требуя голову Бриссо и кричали, что не потерпятъ, чтобы судьи дѣйствовали въ его процессѣ съ той медленностью, какую они обнаружили въ процессѣ Кюстина. Двѣ тысячи душъ, окружившія палату въ день суда надъ этимъ генераломъ, трепетали, боясь, чтобы онъ не избѣгъ казни и говорили во всеуслышаніе: если его оправдаютъ, придется съ нимъ покончить, какъ съ Монмораномъ и за одно съ нимъ и со всѣми другими злодѣями, находящимися въ тюрьмахъ.

[2]) Его состояніе конфисковано. Его невѣстку, молодую и прелестную женщину, беременную, дѣлившую свои дни между свекромъ, призваннымъ къ трибуналу, и мужемъ, заключеннымъ въ „Force", сажаютъ въ тюрьму немедленно послѣ казни перваго. У нея дѣляются преждевременные роды; но какое до этого дѣло этимъ тиграмъ? Прокуроръ получилъ отъ нея 200 тысячъ ливровъ для спасенія невинности: онъ ихъ возвращаетъ, но велитъ арестовать ту, которая могла бы донести объ его гнусности.

[3]) Деньги и вино были даны и получены; Силльери купилъ себѣ ими лишь право видѣться и бесѣдовать съ кѣмъ пожелаетъ: но онъ съ этимъ смягченіемъ остался заключеннымъ въ Люксембургѣ. Три или четыре падшихъ женщины, принадлежавшія развращеннымъ негодяямъ Комитетовъ Общественнаго спасенія и Общественной безопасности, образуютъ изъ себя торговое общество, въ которомъ опредѣляютъ денежную плату за спасеніе каждаго выдающагося лица.

Digitized by Google

Père Duchêne'а отъ времени до времени напоминаютъ разъяренному народу, выжидаетъ крайняго съ его стороны насилія въ той самой тюрьмѣ, изъ которой женщина, живущая на содержаніи, спокойно выходитъ, заплативъ за свою безопасность и безнаказанность своего соучастника, поддѣлывателя ассигнацій. Генріо, командующій національной гвардіей, прежде лакей, служитель у таможенной заставы, позже одинъ изъ убійцъ въ „St. Firmin", взламываетъ печати, опорожняетъ погреба, похищаетъ движимость и остается тѣмъже наглецомъ. На него возложена была обязанность стеречь депутатовъ, заключенныхъ въ Люксембургѣ; онъ осмѣливается явиться къ нимъ, ихъ оскорбить, силой отнять у нихъ перья, книги, бумагу и присоединить угрозу къ оскорбленіямъ. Подчиненность властей химера, о которой не позволено напоминать подъ страхомъ подвергнуться обвиненію въ недостаткѣ гражданскаго чувства и навлечь на себя подозрѣніе въ противуреволюціонныхъ замыслахъ. Покинули-ли, наконецъ, бѣжавшіе депутаты эту негостепріимную сторону, пожирающую порядочныхъ людей и упитывающуюся ихъ кровью? О друзья мои, да поможетъ вамъ милосердное небо достигнуть береговъ Сѣверной Америки, единственнаго убѣжища свободы! Съ вами мои пожеланія, и я лелѣю нѣкоторую надежду, что вы въ настоящую минуту плывете по направленію къ тѣмъ странамъ. Но увы! Для меня все кончено: я не увижу васъ болѣе, и вашъ отъѣздъ, горячо желанный ради вашего спасенія, я оплакиваю, какъ нашу послѣднюю разлуку; а ты, глубоко почитаемый супругъ, ты ожесточаешься и дряхлѣешь, впавъ въ преждевременную старость, съ трудомъ укрываясь отъ преслѣдованій убійцъ, — суждено-ли мнѣ еще увидать тебя и доставить нѣкоторое утѣшеніе твоей удрученной горечью душѣ? Сколько дней осталось мнѣ быть свидѣтелемъ разоренія моей отчизны и униженія моихъ согражданъ?.. Окруженная этими грустными картинами, я не могла подавить свою печаль; рѣдкія слезы полились изъ отяжелѣвшихъ глазъ, и я пріостановила свое легкое перо, повѣствовавшее о моихъ молодыхъ годахъ.

Я хочу попытаться вновь возстановить ихъ въ памяти своей и прослѣдить ихъ шагъ за шагомъ; мой искренній разсказъ, можетъ быть, усладитъ когда-нибудь минуты какой-нибудь несчастной заключенной, и она, жалѣя обо мнѣ, позабудетъ о своей судьбѣ. Можетъ быть философы, стремящіеся изобразить человѣческое сердце въ повѣствованіи романа или дѣйствіи драмы, найдутъ матеріалъ для изученія его въ моемъ повѣствованіи.

Недостатокъ пропитанія черезъ немного, можетъ быть, дней, ожесточая усталый народъ, возбудитъ въ немъ волненія, которыя вожди его постараются сдѣлать гибельными. 10 августа должно было быть

Digitized by Google

посвящено поминовенію сентябрьскихъ идъ; третьяго дня произносились во всеуслышаніе угрозы возобновить ихъ въ случаѣ, если Кюстинъ не будетъ приговоренъ къ смерти. „Cordeliers“ уже доказываютъ необходимость избавляться отъ подозрительныхъ людей; предписаны наказанія для тѣхъ, кто дурно отзывался объ этихъ знаменитыхъ дняхъ: не есть-ли это подготовленіе къ оправданію ихъ въ случаѣ возобновленія? Люди, появляющіеся передъ революціоннымъ трибуналомъ, не обвиняемые, которыхъ онъ долженъ судить; они жертвы, которыхъ онъ обязанъ лишить жизни. Заключенные по всякимъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ преступленій, не находятся подъ покровительствомъ закона; но предоставленные на волю подозрѣній и клеветы, они не могутъ себя чувствовать огражденными отъ слѣпой ярости. Оставимъ это несчастное время, напоминающее собой царствованіе Тиверія, всплывите вновь передо мной, безмятежныя мгновенія моего милаго отрочества.

Мнѣ исполнилось 12 лѣтъ, и третій годъ моего третьяго пятилѣтія протекалъ на глазахъ моей бабушки. Миръ, царившій въ ея домѣ, и набожность моей тети Анжелики прекрасно гармонировали съ нѣжнымъ и сосредоточеннымъ настроеніемъ, навѣяннымъ монастыремъ. Всякое утро моя тетя водила меня въ церковь для слушанія мессы; тамъ вскорѣ на меня обратилъ вниманіе одинъ изъ тѣхъ барышниковъ совѣсти, которые вмѣняютъ себѣ въ заслугу передъ Богомъ то, что они заселяютъ монастыри. Господинъ аббатъ Жери съ кривой шеей, потупленнымъ взглядомъ подошелъ къ той, которую онъ принялъ за мою гувернантку, чтобы поздравить ее съ поучительнымъ вліяніемъ, производимымъ примѣромъ ея питомицы, и выразить желаніе, чтобы она поручила ему наставить ее на путь Господень. Онъ съ сожалѣніемъ узналъ о томъ, что обрядъ причастія былъ совершенъ и что я уже избрала себѣ духовника: тогда онъ подошелъ узнать отъ меня, не приняла ли я какого-нибудь рѣшенія относительно будущаго своего назначенія и отреченія отъ свѣта: я ему отвѣтила, что я еще слишкомъ молода, чтобъ узнать свое назначеніе. Господинъ Жери вздохнулъ, наговорилъ мнѣ любезностей и не упускалъ случаевъ, чтобъ встрѣчаться съ нами и кланяться съ почтеніемъ. Набожность моего молодого сердца не увлекала меня до пристрастія къ іезуитскому притворству; она была слишкомъ искренна, чтобъ сочувствовать смѣшнымъ проявленіямъ ханжества и кривая шея господина Жери вовсе не нравилась мнѣ. Я, однако, лелѣяла тайную мечту посвятить себя монашеской жизни; св. Францискъ Сальскій, одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ святыхъ рая, покорилъ меня; и на монахинь ордена „Посѣщенія Богородицей св. Елисаветы“, учредителемъ коего онъ состоялъ, я уже смотрѣла, какъ на пріемныхъ своихъ сестеръ. Но я хо-

Digitized by Google

рошо понимала, что такъ какъ я была единственной дочерью у своихъ родителей, то не могла получить ихъ разрѣшенія для произнесенія обѣта до своего совершеннолѣтія; я не хотѣла ихъ огорчать преждевременно: къ тому-же, если бы случилось, что продолжительное испытаніе поколебало бы мое призваніе, это значило бы давать оружіе въ руки свѣтскимъ людямъ: я потому рѣшила скрыть свое рѣшеніе и молча стремиться къ своей цѣли. Я пользовалась маленькой библіотекой своей бабушки; „Филоѳея" св. Франциска Сальскаго и „Руководство" св Августина сдѣлались источниками моихъ любимыхъ размышленій: какое ученіе любви и какая очаровательная пища для невинной и страстной души, исполненной небесныхъ иллюзій! Полемическія произведенія Боссюэ доставили мнѣ новую пищу: какъ они ни превозносили дѣло, являвшееся предметомъ ихъ защиты, они знакомили съ нѣкоторыми возраженіями противъ него и направили меня на путь обсужденія моей вѣры. Это было первымъ шагомъ; большое разстояніе еще отдѣляло его отъ скептицизма, къ которому я должна была прійти нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ того, какъ послѣдовательно прошла черезъ янсенизмъ, картезіанство, стоицизмъ и деизмъ. Какой долгій путь, чтобы кончить патріотизмомъ, благодаря которому я попала въ тюрьму.

Рядомъ со всѣмъ этимъ старыя книги съ путешествіями, много миѳологіи плѣнили мое воображеніе, и письма г-жи де-Севиньэ образовали мой вкусъ; ея привлекательная непринужденность, ея грація, ея веселость, ея нѣжность, сблизили меня съ нею; я знала ея общество, я освоилась съ ея средой, какъ-будто я жила съ ней. Моя бабушка мало кого принимала и рѣдко выѣзжала изъ дому; но она своимъ пріятнымъ настроеніемъ оживляла разговоръ, когда я около нея работала надъ мелкими рукодѣльями, которымъ она любила меня учить или заставляла дѣлать. Г-жа Бенаръ, та двоюродная бабушка, которая ухаживала за мной, когда я была у кормилицы, каждый день приходила къ своей сестрѣ часа на два по послѣ обѣдамъ. Суровый характеръ ее отличался пристрастіемъ къ торжественнымъ формамъ и церемонному тону, надъ которыми г-жа Флипонъ посмѣивалась иногда, но достаточно осторожно, чтобы не обидить сестру, отплачивавшую ей впрочемъ той же монетой— какой-нибудь горькой истиной, высказанной съ нѣкоторой рѣзкостью, которая прощалась ей за доброе сердце.

Мою бабушку, придававшую большое значеніе внѣшней привлекательности и всему тому, что краситъ жизнь людей въ обществѣ, безконечно трогала предупредительность, съ которой я относилась къ ней; отношеніе мое вытекало изъ кротости моего характера и желанія нравиться всѣмъ, съ кѣмъ общаюсь и особенно ей, которая при-

Digitized by Google

влекла меня своимъ милымъ обращеніемъ; она мнѣ иногда говорила пріятныя вещи, на которыя я отвѣчала не дурно, она съ гордостью тогда поднимала голову, и бросала самодовольный взоръ на г-жу Бенаръ, которая, пожимая плечами, пользовалась минутой, когда я немного отходила въ сторону, чтобы громко шепнуть ей, такъ что я прекрасно слышала ее: „вы право невыносимы; вы испортите ее, какъ жаль!“ Моя бабушка только больше пріосанивалась съ видомъ превосходства и успокаивала свою сестру на счетъ своего умѣнія вести дѣло; добрая Анжелика со своимъ блѣднымъ лицомъ, своимъ выдающимся подбородкомъ, очками на носу, вязаньемъ въ рукѣ, спокойно имъ говорила, что это не опасно, что никто не можетъ этого сдѣлать и что я достаточно благоразумна, чтобы сама себя воспитывать. Эта г-жа Бенаръ, столь суровая и которая боялась, чтобы похвалы меня не испортили, очень безпокоилась о томъ, что я спала на жесткой постели; и если случалось, что у меня хоть немного разболѣлся палецъ, она по два раза въ день приходила навѣдываться объ его состояніи: какое искреннее безпокойство! Какой усердной заботливостью она меня окружала тогда, и какъ эта заботливость была трогательна при ея внѣшней строгости!

По истинѣ, мнѣ кажется, будто небо нарочно окружило меня столькими добрыми душами, чтобы мою собственную душу сдѣлать сколь возможно любящей. Какъ то разъ моей бабушкѣ пришла на мысль отправиться съ визитомъ къ г-жѣ де-Буаморель, ради ли удовольствія повидать ее или ради того, чтобы показать ей свою внучку: соотвѣтственныя приготовленія, большой туалетъ съ утра и мы отправляемся съ тетей Анжеликой съ тѣмъ, чтобы къ 12 часамъ явиться на улицу „St.-Louis au Marais“. При входѣ въ отель всѣ люди, начиная со швейцара, кланяются г жѣ Флипонъ дружелюбно и съ почтительнымъ видомъ: они спѣшатъ превзойти другъ друга въ любезности къ ней. Она всѣмъ отвѣчаетъ ласковымъ тономъ, съ достоинствомъ: пока все шло хорошо. Но видятъ ея внучку, она не можетъ устоять противъ мелочнаго удовольствія сдѣлать ее предметомъ ихъ вниманія; люди позволяютъ себѣ говорить ей комплименты. Я начинала ощущать какое-то неуловимое и тягостное чувство, сквозь которое я все же отдавала себѣ отчетъ лишь въ томъ, что люди могутъ смотрѣть на меня, но не смѣютъ мнѣ говорить комплиментовъ. Мы идемъ дальше; высокій лакей докладываетъ о насъ, и мы входимъ въ гостиную, гдѣ г-жа де-Буаморель со своей собачкой, сидя на томъ, что тогда называли не оттоманкой, а канапэ, серьезно вышивала по канвѣ. Г-жа де-Буаморель была однихъ лѣтъ съ моей бабушкой и такого же роста и дороднаго тѣлосложенія, какъ она; но въ ея костюмѣ не столько проглядывалъ вкусъ, какъ притязаніе выставить на показъ

Digitized by Google

свое богатство и подчеркнуть свою знатность; и ея лицо вовсе не выражало желанія нравиться; въ немъ ясно проявлялось стремленіе быть предметомъ почтенія и увѣренность, что она этого заслуживаетъ. Богатое кружево, смятое, сложенное въ маленькій чепчикъ съ концами вродѣ заячьихъ ушей, было положено на макушкѣ головы и не скрывало волосъ, можетъ быть фальшивыхъ, но убранныхъ съ той притворной скромностью, которою приходилось облекаться въ 60 слишкомъ лѣтъ, и двойной слой румянъ придавалъ чрезвычайно незначительнымъ глазамъ выраженіе гораздо большей жесткости, чѣмъ это было необходимо, чтобы заставить меня потупить глаза.

„А, здравствуйте, „mademoiselle" Ротиссэ! воскликнула громкимъ и холоднымъ голосомъ г-жа де-Буаморель, приподнимаясь съ мѣста при нашемъ приближеніи". (Mademoiselle? какъ! моя бабушка здѣсь mademoiselle?) „Я, право, очень рада видѣть васъ! Это прелестное дитя, ваша внучка? Она будетъ очень хорошенькой! Подойдите сюда, сердце мое, сядьте около меня. Она застѣнчива: сколько лѣтъ вашей внучкѣ, mademoiselle Ротиссэ? Она немного смугла, но кожа ея чудесна; она скоро посвѣтлѣетъ. Она уже хорошо сложена! У васъ навѣрно счастливая рука, мой дружокъ: брали ли вы себѣ когда-нибудь билеты въ лоттереѣ?—Никогда, „madame"; я не люблю азартныхъ игръ.—Еще бы, въ ваши годы всегда думаешь, что играешь на вѣрняка. Какой звукъ голоса! Онъ нѣженъ и полонъ. Но какъ она серьезна! Не ханжа ли вы немного?—Я знаю свои обязанности, стараюсь исполнять ихъ.—Прекрасно. Вамъ хочется сдѣлаться монахиней, не правда ли?—Я еще не знаю своего назначенія, и не стремлюсь его предрѣшить.—Какъ наставительно! Читаетъ ли ваша внучка, mademoiselle Ротиссэ?—Чтеніе лучшее ея удовольствіе; она проводитъ за нимъ часть дня. — О! это видно; но берегитесь, чтобы изъ нея не вышло ученой, это было бы очень жаль".

Эти дамы завели рѣчь о семьѣ и обществѣ хозяйки дома; моя бабушка разспрашивала о томъ, какъ поживаютъ дядя и двоюродный братъ, невѣстка и подруга, и аббатъ Ланглуа и маркиза де-Леви, и совѣтникъ Бріонъ, и приходскій священникъ Паранъ. Толковали объ ихъ здоровьи, связяхъ и недостаткахъ, такъ, напр., о госпожѣ Рудэ, которая, несмотря на свои годы, еще любила блеснуть своей красивой грудью и всегда декольтировала ее, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда садилась въ карету или выходила изъ нея: она тогда прикрывала ее большимъ платкомъ, который съ этой цѣлью носила въ карманѣ, потому что грудь, какъ она говорила, не сдѣлана для того, чтобы показывать ее лакеямъ. Въ теченіе этого разговора г-жа де-Буаморель, то дѣлала нѣсколько стежковъ по канвѣ, то ласкала свою собаку и всего чаще взглядывала на меня. Я стара-

Digitized by Google

лать избѣгать ея взглядовъ, очень мнѣ не нравившихся, я направляла свой взоръ на комнату, убранство коей мнѣ казалось болѣе привлекательнымъ, чѣмъ дама, жившая въ ней, кровь моя обращалась скорѣе обыкновеннаго, я чувствовала, что щеки мои раскраснѣлись, что сердце мое билось и сжималось; я еще не спрашивала себя почему моя бабушка не сидитъ на диванѣ и г-жа де-Буаморель находится въ роли мадемуазель Ротиссэ; но внутри меня было чувство, которое приводитъ къ такому размышленію, и когда визитъ окончился, я ощутила нѣчто похожее на облегченіе отъ физической боли. „Смотрите же не забудьте взять для меня лотерейный билетъ, пусть ваша внучка сама выберетъ номеръ, слышите, mademoiselle Ротиссэ? Мнѣ хочется получить первинку ея руки. Поцѣлуйте же меня, и вы моя душечка, не потупляйте такъ своихъ глазъ; на нихъ очень пріятно глядѣть и духовники не запрещаютъ открывать ихъ. Ахъ, mademoiselle Ротиссэ, будутъ васъ преслѣдовать поклонники, помяните мое слово, и съ раннихъ поръ. До свиданія, mesdames“, и г-жа де-Буаморель дернула за звонокъ и велѣла Лафлёру черезъ два дня отправиться къ mademoiselle Ротиссэ, чтобы взять у нея лотерейный билетъ, заставила замолчать свою маленькую собачку, и уже вновь усѣлась на свой диванъ, прежде чѣмъ мы успѣли дойти до передней.

Мы молча возвращались домой, куда я торопилась къ своимъ книгамъ, чтобы забыть о г-жѣ де-Буаморель, комплименты которой для меня были также противны, какъ и комплименты ея прислуги. Моя бабушка, только наполовину довольная, нѣсколько разъ принималась разсказывать о ней и ея странностяхъ, объ ея эгоизмѣ, заставлявшемъ ее увѣрять, что дѣти должны быть на второмъ планѣ, когда бабушка моя позволяла себѣ напоминать ей объ интересахъ ея семьи, чтобы остановить ея крупныя траты; объ ея свободномъ обращеніи, очень, впрочемъ, обычномъ среди женщинъ хорошаго общества, благодаря которому она во время своего туалета принимала своего исповѣдника и другихъ, и въ ихъ присутствіи одѣвала рубашку и пр. Этотъ тонъ, эти нравы мнѣ казались странными. Я съ любопытствомъ обо всемъ этомъ распрашивала свою бабушку, но хранила про себя впечатлѣнія, производимыя этимъ на меня; и мнѣ казалось, что я не должна была себѣ позволить всего высказывать ей.

Черезъ двѣ недѣли послѣ нашего визита къ намъ явился г нъ де-Буаморель сынъ, котораго мы не застали у его матери, когда были у нея; это былъ человѣкъ лѣтъ 37 или 38, съ серьезнымъ, кроткимъ лицомъ, съ скромными и благородными манерами; взглядъ его широко раскрытыхъ, немножко слишкомъ большихъ, глазъ блестѣлъ; чувствовалось, что онъ изъ уваженія сдерживалъ свой мужественный, громкій голосъ, въ которомъ звучали задушевныя ноты и ласковая,

Digitized by Google

исходящая изъ сердца, любезность. Онъ привѣтствовалъ мою бабушку, называя ее своимъ добрымъ другомъ, поклонился мнѣ съ тѣмъ почтеніемъ, которое благовоспитанные люди вмѣняютъ себѣ въ долгъ выказывать молодымъ дѣвушкамъ; разговоръ сдѣлался свободнымъ, хотя и держался въ границахъ благопристойности; онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы любезно напоминать моей бабушкѣ о своей благодарности за ея попеченія о немъ; и я поняла, что онъ ей хотѣлъ выразить окольнымъ, но деликатнымъ образомъ, что Провидѣніе вознаграждало ее за ея великодушныя заботы о чужихъ дѣтяхъ, подготовляя ей удовлетвореніе въ лицѣ единственнаго ребенка, который ей былъ данъ. Я нашла, что г-нъ де-Буаморель гораздо любезнѣе своей матери, и была очень рада тому, что онъ счелъ нужнымъ навѣщать насъ, что случалось разъ въ каждые два или три мѣсяца. Онъ женился, будучи еще очень молодымъ, на прелестной женщинѣ; онъ имѣлъ отъ нея сына, воспитаніемъ котораго онъ много занимался и самъ хотѣлъ руководить имъ; онъ его велъ на основаніи философскихъ взглядовъ, чему не мало препятствовали предразсудки его матери и большая набожность жены: его обвиняли въ чудачествѣ; онъ послѣ одного страшнаго воспаленія страдалъ нервными припадками, и старыя графини, чиновные аристократы и маленькіе аббаты, принадлежавшіе къ кругу его семьи или обществу его матери, приписывали страданію головного мозга, какъ слѣдствіе его болѣзни, исповѣдуемые имъ взгляды и режимъ, которые онъ хотѣлъ проводить въ воспитаніи своего сына. Всѣ эти обстоятельства, когда я узнала о нихъ, очень меня заинтересовали; я находила, что этотъ странный человѣкъ разсуждалъ очень дѣльно; я начинала подозрѣвать, что существуетъ логика свѣтская и кабинетная, такъ сказать принципіальная и практическая мораль; что изъ столкновенія ихъ въ результатѣ получалось много странностей, изъ которыхъ я начинала угадывать нѣкоторыя; что, наконецъ, могутъ считать сумасшедшимъ того, кто не былъ сумасшедшимъ въ обычномъ смыслѣ этого слова; и матеріалъ для размышленія незамѣтно накоплялся въ моей мечтательной головѣ.

Моя бабушка иногда сравнивала чувства и поведеніе г-на де-Буамореля съ поведеніемъ и чувствами его сестры г-жи де-Фавіеръ, которой она имѣла основаніе быть недовольной. Брату г-жи де-Фавіеръ пришлось напоминать ей о томъ, что mademoiselle Ротиссэ была ихъ родственницей (обстоятельство, которое мать ихъ, говорила я про себя, дѣлаетъ видъ, что не признаетъ или не желаетъ признавать), и бабушка моя къ великому моему удовольствію не имѣла ни малѣйшаго желанія меня ей представить; мое удовольствіе она поняла такъ прекрасно, что никогда больше не поднимался также вопросъ о повтореніи нашего визита къ г-жѣ де-Буаморель.

Digitized by Google

Мой отецъ оставилъ свою должность; годъ, который я должна была провести у своей бабушки, истекъ; я возвращалась къ своей чудной матери. Я не безъ нѣкотораго сожалѣнія покидала прекрасный кварталъ острова St. Louis, его привлекательныя набережныя, этотъ спокойный берегъ, вдоль котораго я въ лѣтніе вечера прогуливалась съ тетей Анжеликой, любуясь красивымъ теченіемъ рѣки и полями обрисовывавшимися вдали; эти набережныя, по которымъ полная святого рвенія я шла въ церковь, чтобы у алтаря излить свое умиленіе, не встрѣчая на безлюдномъ пути ни одного предмета, который бы разсѣялъ сладкую сосредоточенность моихъ мыслей. Веселость моей бабушки придавала прелесть ея квартирѣ, въ которой я провела столько веселыхъ и безмятежныхъ дней. Я со слезами разсталась съ ней, несмотря на мою привязанность къ моей матери, достоинства которой, гораздо болѣе солидныя, были болѣе внушительны въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ; до этой минуты я не проводила съ ними никакихъ сравненій, которыя могли умалить привлекательность, какъ я смутно чувствовала теперь. Дитя Сены, я всегда селилась на ея берегахъ. Мѣсто, гдѣ находилась квартира моего отца, не было полно мирнаго уединенія, отличавшаго жилище моей бабушки. Панорама „Pont Neuf“ каждую минуту мѣняла сцены и я дѣйствительно въ прямомъ и переносномъ смыслѣ снова вступала въ свѣтъ, вернувшись къ матери. Между тѣмъ масса воздуха, громадныя пространства все еще носились въ моемъ необузданномъ и романтическомъ воображеніи. Сколько разъ я изъ своего окна, выходившаго на сѣверъ, съ волненіемъ созерцала обширныя пустыни неба, его великолѣпный лазурный сводъ, чудно обрисованный отъ голубоватаго восхода, далеко за „Pont au Change“, до заката, ярко позолоченнаго зарею за деревьями бульвара и домами Chaillot. Я въ концѣ каждаго хорошаго дня всегда проводила такимъ образомъ нѣсколько минутъ, и часто сладкія слезы безмолвно лились изъ моихъ восхищенныхъ глазъ, между тѣмъ, какъ мое сердце, переполненное невыразимымъ чувствомъ, счастливое своимъ бытіемъ и благодарное за то, что существуетъ, повергало передъ Верховнымъ Существомъ свою чистую и достойную Его хвалу. Я не знаю—придаетъ ли чувствительность сердца болѣе яркую окраску всѣмъ предметамъ, или не развивается ли эта чувствительность подъ могущественнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ, повидимому незначительныхъ обстоятельствъ, или не являются ли то и другое взаимно причиной и слѣдствіемъ; но когда я вспоминаю свою жизнь, мнѣ трудно рѣшить, приписать ли обстоятельствамъ или своему характеру разнообразіе и полноту любви, такъ хорошо отмѣчавшія всѣ минуты моей жизни и оставившія столь живое воспоминаніе о всѣхъ мѣстахъ, гдѣ я только бывала.

Digitized by Google

Кажу все время продолжалъ давать мнѣ уроки музыки; онъ любилъ меня заставлять разсуждать объ ея теоріи или вѣрнѣе о механизмѣ ея, такъ какъ, будучи немного композиторомъ, онъ вовсе не былъ математикомъ и еще менѣе былъ свѣдущъ въ метафизикѣ; но онъ нѣсколько вмѣнялъ себѣ въ честь передать мнѣ всѣ свои познанія. Онъ почти также сильно огорчался моею холодностью къ пѣнію, какъ удивлялся способности слѣдить за ходомъ разсужденія. Пойте съ большей душой!—повторялъ онъ мнѣ постоянно;—вы поете аріи, какъ монашенки „Magnificat". Бѣдный человѣкъ не могъ понять того, что у меня было слишкомъ много души, чтобы излить ее въ пѣснѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ также трудно было спѣть съ выраженіемъ нѣжный романсъ, какъ было прежде трудно прочесть кому-нибудь вслухъ эпизодъ изъ Эвхарисъ или Герминіи. Всегда внезапно мысленно воплощенная въ лицѣ, которое должно было говорить, я не умѣла подражать, я ощущала описываемое чувство, у меня дыханіе захватывало, голосъ обрывался; въ результатѣ получались затрудненія, которыя я могла побороть лишь съ трудомъ посредствомъ серьезнаго и банальнаго пѣнія, такъ какъ я не стала бы проявлять свою страстность. Миніаръ, еще въ то время пока я была у своей бабушки, очень цѣнившей его испанскую любезность, началъ мнѣ давать уроки на гитарѣ, онъ продолжалъ свои уроки и по возвращеніи моемъ къ отцу. Черезъ немного мѣсяцевъ я уже научилась исполнять обыкновенные аккомпанименты: Миніара забавляло усовершенствовать мою игру и я дѣйствительно превзошла его въ своемъ искусствѣ. Это свело несчастнаго съ ума, какъ то увидятъ впослѣдствіи, когда настанетъ время объ этомъ разсказать. Для усовершенствованія меня въ танцахъ ко мнѣ снова пригласили Мозона, также какъ г-на Дусэ — для ариѳметики, географіи, чистописанія и исторіи. Мой отецъ меня опять заставилъ работать рѣзцомъ; онъ меня ограничилъ въ маленькомъ жанрѣ, и думалъ возбудить мой интересъ къ нему тѣмъ, что обусловилъ его небольшимъ заработкомъ и такъ какъ онъ въ скоромъ времени меня настолько подвинулъ, что я могла быть полезной, онъ мнѣ поручалъ дѣлать маленькія работы и дѣлился со мной вырученными за нихъ деньгами, подсчитывая послѣднія въ концѣ каждой недѣли по книгѣ, которую онъ совѣтовалъ мнѣ вести. Это мнѣ надоѣло; мнѣ казалось, что ничто не могло быть нелѣпѣе гравированія краевъ ящика для часовъ или футляра; я предпочитала прочесть хорошую книгу, вмѣсто того, чтобы купить себѣ ленту; я не скрывала своего отвращенія; меня не принуждали; я отложила въ сторону свои рѣзцы и ваяла и никогда съ тѣхъ поръ до нихъ не дотрогивалась. Я каждое утро съ матерью своей ходила на мессу, послѣ которой иногда дѣлались покупки; по прошествіи этого времени, уроковъ съ моими учителями

Digitized by Google

и отдыха, я удалялась въ свой кабинетъ для того, чтобы читать, писать и размышлять. Длинные вечера меня снова пріучили заниматься рукодѣліемъ, между тѣмъ какъ мать моя была такъ добра, что читала мнѣ вслухъ нѣсколько часовъ подъ рядъ. Я очень любила это чтеніе; но такъ какъ я при этомъ не могла настолько совершенно усваивать вещи, какъ мнѣ этого хотѣлось, оно подало мнѣ мысль дѣлать выписки. Я такимъ образомъ начинала свои утреннія занятія съ того, что набрасывала на бумагу то, что произвело наибольшее впечатлѣніе наканунѣ, затѣмъ я снова заглядывала въ книгу, чтобы получить связное представленіе или чтобы списать какое-нибудь мѣсто, которое мнѣ хотѣлось имѣть у себя цѣликомъ. Эта склонность обратилась въ привычку, потребность и страсть. Такъ какъ у моего отца была лишь маленькая библіотека, которую я уже раньше исчерпала, то я читала книги, которыя брала на прочтеніе или на которыя подписывалась въ библіотекѣ; я не могла вынести мысли о томъ, чтобы ихъ возвратить прежде, чѣмъ бы я себѣ не усвоила изъ нихъ то, что считала въ нихъ лучшимъ. Я такимъ образомъ основательно изучила Плюша, Роллена, Кревьэ, отца Орлеанскаго, Сенъ-Реаля, аббата Верто и Мезерэ, столь мало походящаго на послѣдняго; Мезерэ самый сухой писатель, но историкъ моей страны, которую я хотѣла знать. Моей бабушки Бимонъ уже не было на свѣтѣ; мой дядечка, получивши въ Сенъ-Бартелеми болѣе выгодное мѣсто, чѣмъ учителя пѣвчихъ, поселился у старшаго викарія—аббата Ле-Жэ, домъ котораго былъ поставленъ на довольно широкую ногу и у котораго мы послѣ службы вмѣстѣ съ нимъ проводили воскресные и праздничные вечера.

Аббатъ Ле-Жэ былъ добрый старикъ, тяжелый и неповоротливый по складу ума и тѣла, отвратительный проповѣдникъ, безжалостный духовникъ, казуистъ, не знаю что еще! Но онъ отлично умѣлъ устраивать собственныя дѣла; онъ съумѣлъ вывести въ люди и пристроить въ Парижѣ въ качествѣ нотаріусовъ своихъ двухъ братьевъ, занимавшихъ видное положеніе въ своей должности, тогда прибыльной и уважаемой. Самъ онъ для завѣдыванія своимъ хозяйствомъ пригласилъ одну свою родственницу дѣвицу де-Анашъ, нескладную, сухую и желтую, съ жесткимъ голосомъ, чрезвычайно гордившуюся своимъ дворянскимъ происхожденіемъ и надоѣдавшую всѣмъ своими хозяйственными талантами и пергаментами. Но, словомъ, это была женщина, а это всегда оживляетъ домъ священника; къ тому же она умѣла содержать столъ своего кузена, большого любителя по этой части, въ изобиліи и чистотѣ. Аббату Ле-Жэ было пріятно имѣть такого любезнаго нахлѣбника, какъ аббатъ Бимонъ; за столомъ было веселѣе, его кузина была болѣе въ духѣ, и его партія въ трикъ-тракъ обезпечена. Моя мать и его кузина сдѣлались партнершами;

Digitized by Google

что касается до меня, повидимому заброшенной, я легко примирялась съ занятіемъ этихъ четырехъ лицъ, такъ какъ аббатъ Ле-Жэ принималъ своихъ гостей въ большой библіотетѣ, которой я могла пользоваться какъ хотѣла. Изъ этого источника я черпала пока онъ былъ живъ; это продолжалось не полные три года; одинъ изъ его братьевъ разорился; это свело его съ ума, онъ томился въ теченіе 6 недѣль, бросился изъ окна и умеръ отъ послѣдствій своего паденія. Моя мать пріютила у себя дѣвицу де-Анашъ, тягавшуюся въ то время изъ за наслѣдства своего дяди капитана; она провела у насъ полтора года. Я, въ промежутокъ этого времени, была ея секретаремъ; я писала ея дѣловыя письма, списывала для нея ея дорогую родословную, составляла прошенія, которыя она подавала старшему предсѣдателю и прокурору Парижскаго парламента, назначенныхъ распорядителями пенсій, основанныхъ нѣкіимъ г-мъ де Сенъ-Вальэ, для бѣдныхъ дѣвицъ-дворянокъ, и я иногда сопровождала ее, когда она въ качествѣ просительницы бывала у разныхъ лицъ. Я прекрасно замѣтила, что, несмотря на ея невѣжество, чопорныя манеры, неизящную рѣчь, старомодный нарядъ, и всѣ странности, ей оказывали почтеніе за ея происхожденіе; серьезно выслушивали имена ея предковъ, которые всѣ у нея всегда были на языкѣ, и хлопотали объ удовлетвореніи ея просьбъ. Я сравнивала приличный пріемъ, оказываемый ей съ пріемомъ г-жи де Буаморель, оставившій на мнѣ глубокій слѣдъ; я не могла скрыть отъ себя, что я была лучше дѣвицы де-Анашъ, не обладавшей, несмотря на свои сорокъ лѣтъ и родословную, способностью написать письмо, которое бы не грѣшило противъ здраваго смысла и было прилично написано, я нашла, что свѣтъ очень несправедливъ и общественныя учрежденія очень нелѣпы.

Но посмотримъ на то, что́ сталось съ моими монастырскими друзьями. Моя Агата мнѣ отъ времени до времени писала нѣжныя письма, по тону своему напоминающія тѣхъ воркующихъ голубковъ, которые могутъ себѣ позволить одно лишь чувство дружбы, хотя страстная душа ея умѣла придать тону этому болѣе горячій оттѣнокъ всякій разъ, какъ только могла, она вмѣстѣ съ ними присылала мнѣ маленькіе ларчики, хорошенькія подушечки для булавокъ и конфекты. Я навѣщала ее отъ времени до времени; я даже какъ то разъ, когда въ честь настоятельницы устроили празднество, вошла въ монастырь; привиллегію эту для меня выхлопотали, испросивъ на то безъ моего вѣдома разрѣшеніе архіерея, преподнесенное мнѣ затѣмъ въ видѣ особенной милости, значеніе которой я вполнѣ оцѣнила. Всюду царило оживленіе, молодыя дѣвушки были очень нарядны, гостиная разукрашена цвѣтами, трапезная уставлена лакомствами; нужно сознаться, что на этихъ празднествахъ бѣдныхъ затворницъ, въ которыхъ

Digitized by Google

можно было замѣтить ребячество, царило также и нѣчто привлекательное, простодушное, граціозное, являющееся отличительной чертой одной лишь женской кротости, живости ихъ воображенія и невинности ихъ развлеченій, когда онѣ веселятся между собой вдали отъ пола, присутствіе коего ихъ всегда дѣлаетъ серьезнѣе, если только не приводитъ въ иступленіе. Маленькая, очень посредственная драма, но которую оживили голоса молодыхъ дѣвушекъ, исполнявшихъ хоромъ нѣсколько куплетовъ, составляла первую часть программы; за ней слѣдовали веселые танцы; остроты порой удачныя, шаловливый смѣхъ, тѣмъ болѣе оживленный, что онъ представлялъ рѣзкій контрастъ съ обычной серьезностью — все это для милыхъ сестеръ и ихъ воспитанницъ явилось олицетвореніемъ сатурналіи. Монастырскій врачъ пришелъ въ лазаретъ навѣстить нѣсколькихъ больныхъ; надо же было ему дать посмотрѣть на празднество. Его привели подъ навѣсъ, разукрашенный зелеными вѣнками, гдѣ устроили нѣчто въ родѣ ярмарки; тамъ молодыя постриженныя монахини продавали романсы; другія угощали сладкими пирожками; одна изъ нихъ разъигрывала лотерею, другая ворожила; маленькія дѣти разносили корзины съ фруктами, а въ другомъ углу затѣвался концертъ. При появленіи докторскаго парика, послушницы спустили свои вуали, старшія пансіонерки оглянулись, не разстроились ли ихъ прически; младшія — приняли сосредоточенный видъ; даже я съ меньшей небрежностью стала держать свою гитару. Она висѣла передо мной на лентѣ, перевязанной черезъ плечо; меня просили спѣть и вдохновленная обстоятельствами я сочинила 2 посредственныхъ куплета, которые произвели большой эффектъ потому, что были сказаны кстати. Кажу остался бы доволенъ моимъ исполненіемъ, такъ какъ, благодаря тому, что я высказывала лишь такія чувства, которымъ могла свободно предаться, ничто не стѣсняло ихъ выраженія. Потребовали, чтобы я повторила ихъ при докторѣ; но это ужъ было не то; голосъ былъ менѣе твердъ, выраженіе какъ бы подавлено; одна старая монашенка замѣтила мнѣ это съ лукавымъ видомъ, прибавивъ, что это лишь дѣлало мое лицо болѣе трогательнымъ. Докторъ ушелъ; всѣ обрадовались его уходу, хотя никто бы не желалъ, чтобы онъ не приходилъ вовсе.

Софья уже вернулась къ своей семьѣ въ Амьенъ. Мы передъ ея отъѣздомъ упросили нашихъ матерей познакомиться другъ съ другомъ; онѣ, такъ сказать, освятили нашу дружбу, взаимно поздравляя себя съ выборомъ своихъ дочерей, и улыбнулись, слушая обѣщанія не забывать другъ друга, которыми мы обмѣнялись въ ихъ присутствіи. Это оказалось ближе къ истинѣ, чѣмъ онѣ то тогда предполагали, несмотря на произошедшія измѣненія, о которыхъ узнаютъ далѣе. Я стала очень аккуратно переписываться съ своимъ другомъ; я ей

Digitized by Google

писала каждую недѣлю, чаще по два раза, нежели по разу. Что же вы говорили?—спросятъ меня. Все то, что видѣла, думала, чувствовала, замѣчала, и я по истинѣ многое имѣла сказать. Эти сообщенія въ самихъ себѣ носили источникъ совершенствованія; я научалась больше думать, высказывая свои мысли; я училась съ большимъ жаромъ, потому что мнѣ доставляло удовольствіе дѣлиться тѣмъ, что я пріобрѣтала, и я внимательнѣе наблюдала, потому что мнѣ нравилось описывать. Софья мнѣ писала меньше; многочисленная семья, открытый домъ, много общественныхъ обязанностей, та поглощенная мелочами и наполненная безсмысленными визитами, провинціальная жизнь, часть которой аккуратно посвящалась игрѣ во имя любви къ ближнему, не оставляли у нея досуга, ни чтобы передавать мнѣ, ни самой воспринимать столько вещей. Она, можетъ быть, благодаря этому, особенно дорожила тѣми, которыя узнавала отъ меня и этимъ меня тѣмъ болѣе заинтересовывала сообщать ихъ ей. Смерть аббата Ле-Жэ лишила меня библіотеки, гдѣ я имѣла историковъ, миѳологовъ, отцевъ церкви и литераторовъ, Котру и Руллье, называвшихъ Горація Коклеса великодушнымъ косоглазымъ; Мэмбура, столь же хорошаго вкуса, Берювьэ написавшаго Исторію народа Господня такимъ слогомъ, какимъ Битобэ написалъ поэму о Іосифѣ; рыцаря де Фолара, совсѣмъ иного склада; его подробныя описанія войны мнѣ казались болѣе дѣльными, чѣмъ размышленія іезуитовъ; аббата Баніэ для меня гораздо болѣе занимательнаго, чѣмъ аббатъ Флери, Кондильака и отца Андрэ, метафизика которыхъ примѣненная къ искусству краснорѣчія, къ прекрасному во всѣхъ его проявленіяхъ, необыкновенно мнѣ понравилась; нѣсколько стихотвореній Вольтера и „Опыты морали“ Николя, Житія отцевъ пустынниковъ и біографію Декарта, составленную Андрэ Бальэ, всеобщую исторію Боссюэ; письма Св. Іеронима и романъ Донъ Кихота; тысячу другихъ столь же разнообразныхъ вещей. Пришлось по неволѣ обратиться къ книгопродавцамъ. Мой отецъ не былъ въ состояніи выбирать и потому спрашивалъ то, что я ему указывала; мой выборъ падалъ на тѣ произведенія, о которыхъ я себѣ составила нѣкоторое понятіе на основаніи ссылокъ или инымъ путемъ изъ прочитанныхъ уже книгъ. Я такимъ образомъ отмѣтила себѣ переводы древнихъ историковъ, Діодора Сицилійскаго и другихъ; мнѣ хотѣлось перечесть исторію своей страны, написанную не Мезерэ, а другимъ писателемъ; я выбрала аббата Велли и его продолжателей, — гораздо менѣе интересныхъ, чѣмъ онъ, хотя они, принимая во вниманіе эпохи, о которыхъ писали, должны, были бы быть еще интереснѣе, если бы обладали равнымъ съ нимъ талантомъ. Паскаля, Монтескье, Локка, Бурламаки, нашихъ главныхъ драматурговъ. Я не имѣла иного плана ни цѣли, кромѣ знанія и образованія; мнѣ нужно было упражнять

Digitized by Google

дѣятельность своего ума, цитать свои серьезныя вкусы; я чувствовала потребность въ счастіи, я могла осуществить его лишь при посредствѣ бо̀льшаго развитія своихъ способностей; оно для меня заключалось въ прилежаніи. Не знаю что бы изъ меня вышло, еслибы я попала въ руки какого-нибудь искуснаго воспитателя; весьма вѣроятно, что, сосредоточившись на одномъ и главномъ предметѣ, я бы могла достигнуть бо̀льшаго совершенства въ какой-нибудь спеціальной отрасли знанія или развить въ себѣ большой талантъ. Сдѣлало бы это меня лучше или полезнѣе? Это вопросъ, который я предоставляю другимъ рѣшить; но это навѣрно не сдѣлало бы меня счастливѣе; для меня ничто не можетъ сравниться съ полнотой жизни, мира, удовлетворенія этихъ годовъ невинности и занятій. Они, впрочемъ, протекли не безъ волненій: бываетъ ли жизнь человѣка на землѣ когда-нибудь свободной отъ нихъ?

Я обыкновенно читала нѣсколько книгъ одновременно; надъ нѣкоторыми изъ нихъ я работала, другія читала для отдыха; длинныя историческія произведенія мы читали, какъ я уже о томъ упоминала, вслухъ по вечерамъ, ставшимъ единственнымъ временемъ, когда я бывала со своею матерью; я весь день проводила одна въ своемъ кабинетѣ, гдѣ дѣлала выписки, забавлялась или думала. Въ праздничные дни въ хорошее время года мы отправлялись на общественныя гулянья; мой отецъ меня старательно водилъ на всѣ выставки картинъ и различныхъ предметовъ искусства, весьма обычныхъ въ Парижѣ въ вѣкъ роскоши и благосостоянія этого рода. Онъ очень наслаждался въ такихъ случаяхъ, такъ какъ мило проявлялъ свое превосходство, обращая мое вниманіе на то, что зналъ лучше меня и радовался вкусу, который находилъ во мнѣ, какъ собственному своему созданію. Это было точкой соприкосновенія между нами; мы дѣйствительно чувствовали связь между собой въ такихъ случаяхъ. Никакая представительность не оставляло его равнодушнымъ, и было очевидно, что онъ любилъ показываться въ обществѣ, ведя подъ руку нарядную дѣвушку, цвѣтущимъ видомъ своимъ иногда вызывавшую комплименты, доносившіеся до его ушей. Если кто нибудь заговаривалъ съ нимъ, недоумѣвая относительно званія той, которая его сопровождала, онъ говорилъ: это моя дочь, съ скромно-торжествующимъ видомъ, который, я лучше всѣхъ замѣчала и который меня очень трогалъ, не возбуждая моего тщеславія, такъ какъ я въ этомъ видѣла лишь доказательство его нѣжности. Когда я говорила, онъ видимо наблюдалъ за тѣмъ, какое впечатлѣніе производилъ на постороннихъ звукъ моего голоса, здравый смыслъ, который я способна была проявить, и выражалъ имъ своими взглядами: не имѣю ли я основаніе гордиться? Я чувствовала все это; это иногда усиливало мою застѣнчивость, но не было не-

Digitized by Google

пріятно: мнѣ казалось, что я своею скромностью должна была искупить тщеславіе своего отца. Этотъ свѣтъ, это искусство, воображеніе, пробуждаемое имъ, желаніе нравиться столь естественное и столь сильное у женщинъ, моя набожность, мои занятія, разумъ и вѣра, какъ все это укладывалось вмѣстѣ? Въ этомъ именно крылась причина той тревоги, о которой я только что говорила. Ростъ и послѣдствія ея заслуживаютъ болѣе подробнаго изложенія, хотя это и довольно трудно исполнить.

У бо́льшей части людей, естественно созданныхъ для чувства болѣе, чѣмъ для мысли, страсти наносятъ первые удары вѣрѣ, если послѣдняя была заложена воспитаніемъ. Ахъ! онѣ же зарождаютъ противорѣчія между исповѣдуемыми принципами; желаніями, которыхъ эти принципы не въ состояніи подавить и учрежденіями строя, плохо разсчитаннаго на то, чтобы ихъ примирить между собой. Но въ молодой размышляющей головѣ, живущей вдали отъ искушеній общества, разумъ первый начинаетъ тревожиться и изслѣдуетъ даже раньше, чѣмъ для него бываетъ выгодно сомнѣваться. Если даже причина моей тревоги не имѣла личнаго характера, она все же находилась въ тѣсной зависимости отъ моей чувствительности; я думала сердцемъ, и мой умъ, сохраняя свою независимость, никогда не былъ равнодушнымъ.

Первое, что мнѣ внушило отвращеніе къ религіи, которую я исповѣдовала съ искренностью основательнаго и послѣдовательнаго ума, было осужденіе всѣхъ, кто ее отвергалъ или не зналъ. Когда я, ознакомившись съ исторіей, хорошенько вглядѣлась въ обширность міра, въ непрерывный рядъ вѣковъ, въ развитіе государствъ, въ общественныя добродѣтели, въ заблужденія столькихъ народовъ, — я нашла пошлой, смѣшной и жестокой мысль о Создателѣ, осудившемъ на вѣчныя муки безчисленныхъ людей, слабыхъ созданій его рукъ, брошенныхъ на землю среди столькихъ опасностей и во мракѣ невѣдѣнія, уже доставившаго имъ столько страданій. Я ошибалась относительно этого догмата, это очевидно, не ошибаюсь ли и относительно какого-либо другого догмата? Станемъ изслѣдовать. Съ той минуты, какъ какой-либо католикъ сдѣлалъ подобное разсужденіе, церковь можетъ его считать какъ бы потеряннымъ для себя. Я вполнѣ понимаю почему священники требуютъ слѣпого подчиненія и такъ страстно проповѣдуютъ ту религіозную вѣру, которая воспринимаетъ безъ изслѣдованія и обожаетъ безропотно; это основаніе ихъ владычества, оно разрушится, какъ только начнутъ разсуждать. Послѣ жестокости осужденія меня сильнѣе всего поразила нелѣпость непогрѣшимости, и я не замедлила отвергнуть какъ то, такъ и другую. Что же остается истиннаго? Вотъ что сдѣлалось предметомъ изслѣдованія, надъ которымъ я работала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ энергіей и иногда

Digitized by Google

душевной тоской, трудно подлежащей описанію. Критическія сочиненія, философы, моралисты, метафизики—стали моимъ любимымъ чтеніемъ, я разыскивала слѣды, которые бы могли мнѣ дать о нихъ указанія; сравненія между ними, ихъ анализъ преимущественно занимали меня. Я потеряла Викторинца, своего духовника, онъ умеръ, этотъ добрый г. Лаллеманъ, о честности и умѣ котораго мнѣ пріятно еще и здѣсь засвидѣтельствовать. Вслѣдствіе необходимости избрать ему преемника, мой выборъ палъ на аббата Морель, причисленнаго къ нашему приходу и съ которымъ я встрѣчалась у своего дяди. Это былъ маленькій человѣкъ, не глупый, державшійся очень строгихъ принциповъ: эта причина была для меня рѣшающей. Когда вѣра моя поколебалась, онъ первый объ этомъ узналъ, такъ какъ я всегда умѣла говорить одну только правду. Онъ поспѣшилъ прислать мнѣ для прочтенія апологетовъ и защитниковъ христіанской религіи, я такимъ образомъ очутилась въ обществѣ аббата Гоша, аббата Бержіэ, Аббади, Голлана, Кларка и т. д.—я ихъ серьезно изучила; я иногда писала замѣчанія, и оставляла ихъ въ книгѣ, возвращая послѣднюю аббату Морелю, который съ удивленіемъ спрашивалъ меня, сама ли я ихъ написала и задумала. Самое комичное было то, что черезъ эти произведенія я узнала о существованіи тѣхъ, которыя они имѣли притязаніе опровергнуть, и что въ нихъ я вычитала ихъ заглавіе съ тѣмъ, чтобы ихъ достать. Такимъ образомъ, Трактатъ о терпимости, Философскій словарь, Энциклопедическіе вопросы, Здравый смыслъ маркиза д'Аржанъ, Еврейскія письма, Турецкій шпіонъ, Нравы, Духъ, Дидеро, д'Аламберъ, Рейналь, Система природы, попеременно прошли черезъ мои руки.

Мое развитіе не ограничивалось однимъ умственнымъ ростомъ, физическій организмъ съ своей стороны тоже развивался во всѣхъ направленіяхъ. Мнѣ было 14 лѣтъ, когда въ одинъ прекрасный день —1-го мая, онъ внезапно расцвѣлъ безо всякихъ усилій, какъ роза, яркая и свѣжая, распускается подъ могущественными лучами весенняго солнца. Хотя моя мать никогда мнѣ опредѣленно не говорила о томъ, что меня ожидало, но она при случаѣ, достаточно много, по этому поводу высказывалась въ моемъ присутствіи и особенно бабушку мою чрезвычайно занимало дѣлать мнѣ нѣкоторыя предсказанія, такъ что событіе это меня не удивило.

Я замѣтила его съ нѣкоторою радостью, какъ посвященіе въ классъ взрослыхъ людей, и я объявила о немъ доброй моей матери, которая нѣжно поцѣловала меня, обрадованная тѣмъ, что я такъ блистательно миновала время, безпокоившее ее за мое здоровье. До того времени я иногда самымъ страннымъ образомъ пробуждалась отъ глубокаго сна. Воображеніе тутъ было не при чемъ; слишкомъ

Digitized by Google

много серьезныхъ предметовъ поглощали его собой, и моя боязливая совѣсть слишкомъ заботливо оберегала его отъ увлеченія другими вещами для того, чтобы я могла представить себѣ то, чего не позволяла себѣ пытаться понять. Но въ теплѣ постели моими чувствами овладѣвало странное волненіе, производившее само собой, благодаря великолѣпному тѣлосложенію, очищеніе, которое для меня было также неизвѣстно, какъ и его причина. Первое чувство воспослѣдовавшее изъ этого, было, не знаю почему, нѣчто вродѣ страха: я замѣтила въ своей Филоѳеѣ, что намъ не дозволено извлекать никакихъ удовольствій изъ тѣлъ нашихъ, когда мы не находимся въ законномъ бракѣ. Я вспомнила объ этомъ наставленіи: то, что я испытала могло назваться удовольствіемъ, я, слѣдовательно, была виновата и въ томъ направленіи, какое могло мнѣ причинить больше всего стыда и горя, такъ какъ оно больше всего не нравилось Непорочному агнцу. Большая тревога въ моемъ бѣдномъ сердцѣ, молитвы и умерщвленія плоти: какъ избѣгнуть подобной вещи? такъ какъ я, вѣдь, не предвидѣла ее; но въ то мгновеніе, какъ я испытывала ее, я не постаралась ее подавить. Я стала необыкновенно строго наблюдать за собой. Я замѣтила, что иныя положенія меня болѣе подвергаютъ опасности нежели другія; я старательно ихъ избѣгала. Безпокойство было такъ сильно, что мнѣ впослѣдствіи удавалось просыпаться до катастрофы. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда я не смогла предотвратить ея, я вскакивала съ постели, съ босыми ногами на натертомъ полу, несмотря на зимній холодъ и со скрещенными руками я просила Господа спасти меня отъ сѣтей діавола; я тотчасъ же налагала на себя какое-нибудь лишеніе; и мнѣ случалось буквально осуществлять то, что Царь-пророкъ сообщилъ намъ можетъ быть лишь въ видѣ риторики въ восточномъ вкусѣ — посыпать хлѣбъ свой пепломъ, орошая его своими слезами. Я не разъ завтракала, посыпая свою тартинку золой вмѣсто соли, изъ духа покаянія. Эти завтраки также мало отразились на моемъ здоровьи, какъ и ночныя происшествія, для искупленія коихъ я подвергала себѣ этому безразсудному режиму. Я наконецъ поняла, что это могли быть испытанія, ниспосланныя небомъ для того, чтобы поддерживать въ насъ скромное недовѣріе къ своимъ силамъ; я вспомнила о жалобахъ и молитвахъ св. Павла объ избавленіи его отъ какого-то демона и его назойливыхъ вожделѣніяхъ; я себѣ вообразила, что ради этого св. Бернардъ иногда бросался въ снѣгъ, св. Іеронимъ облекалъ свое тѣло власяницей, и что потому такъ усердно рекомендовался постъ тѣмъ, кто желалъ достигнуть совершенства. Какъ я бывала смиренна и ревностна, когда это со мной случалось! Какъ мой голосъ, мой застѣнчивый видъ, этотъ румянецъ еще болѣе яркій, эти влажные и блестящіе

Digitized by Google

глаза придавали еще больше выраженія лицу, дышавшему чистосердечіемъ и чувствительностью! Какая смѣсь невинности, преждевременно созрѣвшихъ чувствъ, здраваго смысла и простоты! — Поистинѣ я почти счастлива своимъ пребываніемъ въ тюрьмѣ, ради воспоминаній объ этихъ подробностяхъ, о которыхъ я еще никогда не доставляла себѣ удовольствія подумать и которыя меня въ самомъ дѣлѣ забавляютъ.

Я уже вижу, какъ любопытные безпокоятся о томъ, что я могла по этому поводу сказать на исповѣди; но имъ навѣрно легче представить себѣ мое положеніе, чѣмъ мнѣ было выпутаться изъ него. Какъ самое строгое разслѣдованіе ни успокоивало мою совѣсть, доказывая ей непроизвольность того, что свершилось, я постоянно вспоминала про принципъ Филоѳеи, про доводъ въ пользу его, и если это, наконецъ, было испытаніемъ, слѣдовало ли мнѣ о немъ говорить духовному отцу? Какъ за это взяться? Какимъ именемъ назвать? Что описать? Что я могла сказать?—Отецъ мой! я сознаю себя виновной...—Ну что-жъ?—что послѣ того сказать?—Сердце мое билось, лицо пылало, я обливалась потомъ; я сознаю себя виновной въ томъ, что испытывала побужденія, противныя христіанской чистотѣ. Ахъ, какая прекрасная фраза! Я этому выраженію также обрадовалась, какъ Сантейлъ подысканной имъ риѳмѣ и Архимедъ—разрѣшенной имъ задачѣ. Но еслибъ онъ сталъ мнѣ предлагать еще какіе-нибудь вопросы? Но онъ самъ долженъ знать, а это все, что я могу сказать. Я въ этотъ день дрожала еще сильнѣе, опускаясь на колѣни передъ святымъ престоломъ, и, спустивъ вуаль до самаго подбородка, я поспѣшила облегчить свое сердце отъ наиболѣе тяжелой вины.—Способствовали ли вы этому?—Не знаю; но не произвольно.—Не читали ли скверныхъ книгъ?—Никогда.—Не предавались ли вы скверным мыслямъ?—О, нѣтъ, онѣ пугаютъ меня. А... дальше!...—Не знаю; не долженъ ли былъ добрый аббатъ Морель тогда подавить въ себѣ какую-нибудь скверную мысль, но онъ съ мудрой скромностью больше ничего не прибавилъ; я рѣшила, что его—„а, дальше“ означало переходъ къ очереднымъ дѣламъ и что я слѣдовательно не была столь виноватой, какъ я того боялась; онъ тѣмъ не менѣе въ заключительныхъ словахъ поученія посовѣтовалъ мнѣ очень наблюдать за собой, помнить, что ангельская чистота была наиболѣе пріятной Господу добродѣтелью и другія общія мѣста, о которыхъ я каждый день читала; я убѣдилась, что была права, рѣшивъ, что это было испытаніе и, давъ такое толкованіе апостолу Павлу и другимъ, моя совѣсть освободилась отъ очень тягостнаго укора и я продолжала слѣдить за собой, но уже не волновалась. Трудно описать какъ велика польза, которую на всю жизнь приноситъ привычка къ подобному воздержа-

Digitized by Google

нію, какъ бы она не была пріобрѣтена; она надо мной возымѣла такую власть, что я изъ нравственныхъ побужденій и деликатности сохранила строгость внушенную мнѣ моею набожностью. Привычка обуздывать свое воображеніе научила меня владѣть имъ; я получила какое-то отвращеніе ко всякому грубому или одинокому удовольствію, и среди опасныхъ положеній я оставалась воздержанной отъ сладострастія въ то время, какъ соблазнъ могъ меня увлечь до забвенія обстоятельствъ и принциповъ. Для меня удовольствіе также какъ и счастье заключается лишь въ соединеніи того, что способно плѣнять сердце также какъ и чувственность, и не оставляетъ послѣ себя сожалѣній и при подобномъ образѣ дѣйствій, трудно забыться и невозможно опошлиться; но это не предохраняетъ отъ того, что можно назвать страстью и даже можетъ быть оставляетъ больше матеріала чтобы питать ее. Я могла бы тутъ въ качествѣ геометра присовокупить, C. C. Q. F. D. [1]). Терпѣніе, мы еще успѣемъ придти къ доказательству.

Къ новымъ ощущеніямъ здороваго организма незамѣтно присоединились всѣ оттѣнки желанія нравиться: я любила казаться хорошенькой, мнѣ нравилось, когда мнѣ это говорили, и я съ самодовольствомъ занималась тѣмъ, что могло мнѣ доставить это развлеченіе. Теперь, можетъ быть, будетъ своевременно начертить мой портретъ: безразлично сдѣлать ли это теперь или въ другомъ мѣстѣ. Въ 14 лѣтъ во мнѣ было, какъ и теперь, около 5-ти футовъ росту, который достигъ полнаго своего развитія; красивыя ноги, изящнаго сложенія, очень высокіе бока; грудь широкая и роскошно развившаяся, покатыя плечи; увѣренная и граціозная осанка, быстрая и легкая походка; все это замѣчалось на первый взглядъ. Мое лицо ничего не имѣло въ себѣ такого, что бы бросалось въ глаза, исключая большой свѣжести, чрезвычайной кротости и выразительности; еслибы разбирать каждую черту въ отдѣльности, можно было бы себѣ задать вопросъ—въ чемъ же заключается красота? Всѣ черты неправильны и всѣ нравятся. Ротъ немного великъ; видишь тысячи ртовъ, которые красивѣе его, но ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ болѣе нѣжной и обаятельной улыбкой. Глаза, напротивъ того, не очень велики, зрачекъ ихъ сѣро-караго цвѣта, но они на выкатѣ, взглядъ открытый, искренній, живой и кроткій, они увѣнчаны бровями такого же каштановаго цвѣта, какъ и волосы, и прекрасно обрисованы; они измѣнчивы въ своемъ выраженіи, какъ любящая душа, чувства которой они передаютъ; серьезные и гордые, они иногда удивляютъ, но ласкаютъ еще гораздо болѣе и всегда оживляютъ. Носъ нѣсколько огорчалъ меня, я находила, что кончикъ его немного

---

[1]) C'est Ce Qu'il Fallait Démontrer, что и требовалось доказать.

Digitized by Google

толстъ; онъ однако не портилъ общаго впечатлѣнія, особенно въ профиль. Лобъ широкій, гладкій, открытый въ тѣ годы, онъ покоился надъ чрезвычайно глубокими глазными впадинами, посреди его въ видѣ Y при малѣйшемъ волненіи обозначались жилки, онъ былъ далекъ отъ той незначительности, какою онъ отличается въ столькихъ лицахъ. Что касается до подбородка, довольно выдающагося, въ немъ обозначались тѣ черты, которыя физіономисты считаютъ признаками сладострастія. Если ихъ сопоставить со всѣмъ тѣмъ, что является моими отличительными свойствами, то я сомнѣваюсь, чтобы когда-либо кто-нибудь былъ болѣе созданъ для нея и меньше ею насладился. Цвѣтъ лица скорѣе яркій, чѣмъ очень бѣлый, блестящія краски, которыя часто еще оживлялись подъ вліяніемъ внезапнаго прилива горячей крови, возбуждаемой самыми чувствительными нервами; нѣжная кожа, округленныя руки, рука пріятная, хотя и не маленькая, такъ какъ длинные и тонкіе пальцы ея показывали ловкость и сохраняли грацію; хорошіе ровные зубы; полнота, являвшаяся признакомъ превосходнаго здоровья; таковы сокровища, дарованныя мнѣ природой. Я многія изъ нихъ утратила, въ особенности изъ тѣхъ, которыя относятся къ полнотѣ и свѣжести; тѣ, которыя у меня остались, скрываютъ еще безъ того, чтобы я пускала въ ходъ какое-нибудь искусство отъ 5 до 6 изъ моихъ годовъ; и мнѣ приходится говорить о томъ, сколько мнѣ лѣтъ даже людямъ, видящимъ меня ежедневно для того, чтобы они мнѣ повѣрили, что мнѣ болѣе 32 или 33 лѣтъ. Лишь со времени моихъ утратъ я поняла все то, что имѣла; я не знала его цѣны, когда имъ обладала, и можетъ быть это невѣдѣніе повышало его значеніе; я не жалѣю теперь о немъ, такъ какъ не злоупотребляла имъ; но если бы возможно было согласовать долгъ съ моимъ влеченіемъ, чтобы сдѣлать менѣе безполезнымъ то, что у меня осталось, я бы не была этимъ недовольна. Мой портретъ былъ написанъ нѣсколько разъ красками и гравированъ; ни одно изъ этихъ подражаній не даетъ понятія о моей наружности [1]); трудно уловить сходство съ ней, такъ какъ во мнѣ больше души, чѣмъ внѣшней красоты, больше выраженія, чѣмъ правильности чертъ. Обыкновенный художникъ не въ состояніи передать меня; очень даже вѣроятно, что онъ не видитъ меня. Мое лицо оживляется соразмѣрно съ интересомъ, который мнѣ внушаютъ люди, точно также, какъ мой умъ развивается соотвѣтственно съ умомъ, который они пускаютъ въ ходъ со мною. Я себя чувствую такой глупой со столькими людьми, что, замѣтивъ свою находчивость съ остроумными людьми, я долго въ своемъ добродушіи приписывала ее ихъ искусству. Я обыкновенно

---

[1]) Камея Лавглуа наименѣе плохое изъ нихъ.

Digitized by Google

нравлюсь, потому что боюсь обидѣть кого бы то ни было; но не всѣмъ дано находить меня хорошенькой и чувствовать мое значеніе. Иной старикъ, влюбленный въ самого себя, любящій хвастаться крохами своего давно добытаго знанія, могъ бы меня видѣть 10 лѣтъ, не подозрѣвая что бы я знала что-нибудь иное, чѣмъ дѣлать сложеніе или шить рубашку. Камиллъ (Дэмуленъ) былъ правъ, когда удивлялся, что въ мои годы и при столь незначительной красотѣ, я имѣла то, что онъ называетъ поклонниками; я никогда не говорила съ нимъ, но можно было бы биться объ закладъ, что съ такимъ человѣкомъ, какъ онъ, я была бы холодной и молчаливой, если не отталкивающей. Онъ не попалъ въ цѣль, надѣливъ меня дворомъ; я также ненавижу волокитъ, какъ презираю рабовъ и великолѣпно умѣю выпроваживать любителей строить комплименты. Я прежде всего чувствую потребность въ уваженіи и доброжелательствѣ; могутъ затѣмъ восхищаться силой, если пожелаютъ; но нужно, чтобы меня отличали и любили; это неизмѣнно случается, если меня видятъ часто и обладаютъ здравымъ смысломъ и сердцемъ.

Это желаніе нравиться, волнующее юную грудь, заставляющее испытывать сладкій трепетъ, когда замѣчаешь, что являешься предметомъ восхищенныхъ взглядовъ, въ оригинальномъ сочетаніи съ застѣнчивостью, свойственной стыдливости и строгостью моихъ принциповъ, придавали мнѣ также, какъ и туалету моему, совершенно особенную прелесть. Ничто не могло быть приличнѣе моего платья и скромнѣе моего обращенія; я любила, чтобы они были просты; я стремилась въ нихъ лишь къ граціи, а находили ихъ прелестными. Со всѣмъ тѣмъ это отреченіе отъ свѣта, это презрѣніе къ его пышности и его дѣламъ постоянно проповѣдуемое христіанской моралью, плохо примирялись съ природными влеченіями; противорѣчіе между ними сперва мучило меня; но критика неизбѣжно распространилась на правила поведенія также, какъ и на тайны—предметы вѣры; я съ одинаковымъ вниманіемъ пыталась разрѣшить то, что я должна была дѣлать, и изслѣдовать то, во что я могла вѣрить. Изученіе философіи, какъ науки о нравахъ и основаніи счастья, сдѣлалось моимъ единственнымъ занятіемъ; я сосредоточила на ней свое чтеніе и свои наблюденія.

Со мной въ метафизикѣ, относительно философскихъ системъ происходило то же, что я испытывала читая поэмы; мнѣ казалось, что я преображалась въ лица драмы, имѣвшія наибольшее сходство со мной, или въ тѣ изъ нихъ, которыхъ я больше уважала; я воспринимала взгляды, поражавшіе меня своей новизной или блескомъ; они были моими до новаго или болѣе глубокаго изслѣдованія. Такъ, въ сочиненіяхъ полемическаго характера я стала на сторону авторовъ

Digitized by Google

Поръ-Роьяля; ихъ логика и строгость подошли къ моему складу, между тѣмъ, какъ я чувствовала естественное отвращеніе къ іезуитскимъ уверткамъ и слащавости. Когда я читала о древнихъ сектахъ философовъ, я отдавала пальму первенства стоикамъ; я, подобно имъ, пыталась настаивать что страданіе не зло; и такъ какъ это безуміе не могло долго длиться, я упорствовала въ томъ, чтобы по крайней мѣрѣ не позволять себѣ быть побѣждаемой имъ; мои небольшія испытанія убѣдили меня въ томъ, что я могла переносить величайшія страданія, не испуская криковъ. Первая ночь супружеской жизни разбила мои претензіи, которыя я сохраняла до той поры; правда, что тутъ подѣйствовала неожиданность, и что неопытный стоикъ долженъ быть сильнѣе въ отношеніи къ предусматриваемому злу, чѣмъ по отношенію къ тому, которое поражаетъ врасплохъ, когда онъ ждетъ совсѣмъ противоположнаго.

Въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, читая Декарта и Мальбранша, я дошла до того, что смотрѣла на свою кошку, когда она мяукала, какъ на заведенную машину; но отдѣляя, такимъ образомъ, чувство отъ его проявленія, мнѣ казалось, что я разсѣкала міръ на части и перестала въ немъ находить прелесть; для меня было гораздо пріятнѣе всему приписывать душу, и я бы скорѣе приняла душу Спинозы, чѣмъ обошлась бы совсѣмъ безъ души. Гельвецій меня заставилъ страдать; онъ уничтожалъ самыя очаровательныя иллюзіи; онъ всюду выставлялъ отталкивающій для меня эгоизмъ; но сколько проницательности! Какое чудесное изложеніе! Я убѣдила себя, что Гельвецій изображалъ людей такими, какими они стали подъ вліяніемъ общественной порчи; я рѣшила, что слѣдовало изучить этого автора, чтобы посѣщать такъ называемый свѣтъ и не быть обманутой имъ; но я и не думала принимать его принципы для сужденія о человѣкѣ, какъ таковомъ, и для оцѣнки самой себя; я бы считала себя униженной; я чувствовала себя способной къ великодушію, которое онъ не признавалъ. Съ какимъ восхищеніемъ я противуполагала тому, что онъ говорилъ, великія событія исторіи и добродѣтели героевъ, прославленныхъ ею! Читая разсказъ о какомъ-нибудь прекрасномъ поступкѣ, я всегда себѣ говорила: „Вотъ какъ бы и я поступила!“ Я страстно увлекалась республиками, такъ какъ въ нихъ чаще всего я встрѣчала добродѣтели, возбуждавшія мой восторгъ, и людей достойныхъ моего уваженія; я пришла къ убѣжденію, что строй ихъ былъ единственнымъ подходящимъ къ тѣмъ и другимъ; я себя не считала ниже первыхъ, я съ негодованіемъ отвергала мысль о союзѣ съ человѣкомъ, который бы не стоилъ вторыхъ, и, вздыхая, спрашивала себя, почему я не родилась среди нихъ?

Мы предприняли путешествіе въ Версаль, моя мать, дядечка,

Digitized by Google

дѣвица де-Анашъ и я; это путешествіе не имѣло иной цѣли, какъ показать мнѣ дворъ, его мѣстопребываніе и развлечь этимъ зрѣлищемъ. Мы остановились во дворцѣ. Г-жа Ле-Гранъ, придворная дама при супругѣ дофина, знакомая съ аббатомъ Бимономъ черезъ своего сына, его прежняго товарища, о которомъ мнѣ еще придется говорить, уступила намъ свою квартиру, такъ какъ не была въ то время дежурной. Квартира была подъ самой крышей, въ одномъ корридорѣ съ архіепископомъ Парижскимъ и въ столь близкомъ сосѣдствѣ отъ него, что этотъ духовный сановникъ долженъ былъ наблюдать за собой, чтобы мы не слышали, какъ онъ говорилъ; ту-же предосторожность приходилось соблюдать и намъ. Двѣ комнаты, довольно скудно обмеблированныхъ, подъ потолкомъ одной изъ коихъ былъ пристроенъ уголъ, гдѣ спалъ лакей, съ отвратительнымъ входомъ вслѣдствіе мрака въ корридорѣ и запаха отъ отхожихъ мѣстъ, таково было жилище, которымъ гордился герцогъ и пэръ Франціи, ради того, чтобы быть болѣе подъ рукой для ежедневныхъ раболѣпствованій по утрамъ при вставаніи ихъ Величествъ: и это однако былъ ригористъ Бомонъ!.. Въ теченіе 8 дней мы были зрителями большихъ и малыхъ обѣдовъ всей королевской семьи въ сборѣ или въ одиночку, мессъ, прогулокъ, игръ, представленій. Знакомые г-жи Ле-Гранъ облегчили намъ туда доступъ; дѣвица де-Анашъ гордо проникала всюду, готовая пустить свое имя въ лицо всякому, кто бы ей оказалъ сопротивленіе, и увѣренная, что на ея комичномъ лицѣ были написаны 660 лѣтъ ея доказаннаго дворянства. Она узнала двухъ или трехъ человѣкъ изъ гвардіи короля, родословную которыхъ она очень подробно изложила намъ; она оказалась родственницей того изъ нихъ, который носилъ самое старинное имя, хотя и игралъ тѣмъ не менѣе очень незначительную роль при дворѣ. Красивое лицо педантика, какимъ былъ аббатъ Бимонъ, и глупая спѣсь уродливой де-Анашъ не слишкомъ были неумѣстны въ этихъ мѣстахъ; но не нарумяненное лицо моей почтенной матери и скромность моего туалета выдавали въ насъ буржуа; если раздавались какіе-нибудь комплименты моимъ глазамъ или молодости, они почти отзывались покровительствомъ, и доставляли мнѣ почти такое же непріятное чувство, какъ комплименты г-жи де Буаморель. Философія, фантазія, чувство и расчетливость были одинаковы развиты во мнѣ. Впечатлѣніе большаго великолѣпія не оставляло меня равнодушной; но я возмущалась тѣмъ, что оно имѣло цѣлью возвысить нѣсколько личностей и безъ того уже слишкомъ могущественныхъ и очень самихъ по себѣ незначительныхъ; я предпочитала видѣть статуи садовъ, нежели обитателей дворцовъ; и когда мать моя меня спросила, довольна ли я своей поѣздкой: „Да, отвѣтила я, лишь бы она скорѣе кончилась; еще нѣсколько, дней и я

Digitized by Google

такъ сильно возненавижу людей, которыхъ вижу, что не буду знать, какъ совладать со своею ненавистью".—Что же они тебѣ дѣлаютъ дурного, спросила моя мать? — „Они заставляютъ меня чувствовать несправедливость и ежеминутно созерцать глупость". Я вздыхала, думая объ Аѳинахъ, гдѣ бы я также восхищалась предметами искусствъ, но не была бы оскорбляема зрѣлищемъ деспотизма; я мысленно прогуливалась по Греціи, я присутствовала на Олимпійскихъ играхъ и возмущалась тѣмъ, что была француженкой. Находясь такимъ образомъ подъ обаяніемъ всего того, что представляло моему воображенію прекрасное время республикъ, я скользила мимо бурь, которыми онѣ были потрясаемы; я забывала о смерти Сократа, объ изгнаніи Аристида, объ осужденіи Фокіона. Я не знала, что небо предназначало мнѣ быть свидѣтельницей заблужденій подобныхъ тѣмъ, жертвами которыхъ они пали, и раздѣлить славу подвергнуться такимъ же преслѣдованіямъ, послѣ того, что я исповѣдывала ихъ принципы. Призываю небо въ свидѣтели, что личныя страданія мои не исторгли у меня ни одного сожалѣнія, ни вздоха: меня сокрушаютъ лишь несчастія моей родины. Во время раздоровъ между дворомъ и парламентовъ въ 1771 г., мой характеръ и убѣжденія заставили меня стать на сторону послѣднихъ; я доставала себѣ всѣ ихъ протесты (remontrances) и мнѣ особенно нравились тѣ изъ нихъ, въ которыхъ была выражена наиболѣе рѣзкая правда и которые написаны были самымъ смѣлымъ языкомъ. Сфера моихъ идей расширялась все болѣе, мое собственное счастье и обязанности, съ исполненіемъ которыхъ это счастье могло быть связано, очень рано начали занимать меня; потребность въ знаніи заставила меня затѣмъ съ жадностью изучать исторію и бросить взглядъ на все, что меня окружало; отношенія рода человѣческаго къ Божеству, столь различно понимаемому, обставленному мелочами, изуродованному, возбудили мое вниманіе; наконецъ интересы людей, соединенныхъ въ общества, и общественная организація, поглотили его всецѣло.

Среди сомнѣній, неизвѣстности и размышленій объ этихъ великихъ вопросахъ, я скоро пришла къ убѣжденію, что единство личнаго *я*, если можно такъ выразиться, то есть возможно полная гармонія между убѣжденіями и поведеніемъ, необходимо для личнаго удовлетворенія. Необходимо слѣдовательно хорошенько изслѣдовать то, что справедливо, и разъ это справедливое сознано, строго осуществлять его въ жизни. Человѣкъ обязанъ соблюдать извѣстнаго рода справедливость по отношенію къ самому себѣ, хотя бы онъ жилъ одинъ на свѣтѣ; необходимо упорядочивать собственныя привязанности, привычки, чтобы не быть рабомъ ни одной изъ нихъ. Человѣческая личность хороша сама по себѣ, когда всѣ части ея содѣйствуютъ ея сохраненію, поддержанію

Digitized by Google

или усовершенствованію: это одинаково справедливо какъ относительно нравственной, такъ и физической ея природы. Исправность организма, равновѣсіе настроеній образуютъ собой здоровье; здоровая пища, умѣренное движеніе поддерживаютъ его. Соразмѣрность желаній, гармонія страстей опредѣляютъ нравственный характеръ, который лишь силой своей мудрости способенъ обезпечить себѣ превосходство и долговѣчность. Эти основные принципы основываются на интересахъ самой личности; и въ этомъ отношеніи правильно будетъ сказать, что добродѣтель — ничто иное, какъ вѣрность мысли, осуществленная въ нравахъ. Но добродѣтель въ собственномъ смыслѣ, начинается лишь въ отношеніяхъ человѣка къ его ближнимъ; человѣкъ мудръ для себя и добродѣтеленъ съ другими. Въ обществѣ все становится относительнымъ; тамъ уже не существуетъ независимаго счастья, приходится жертвовать частью того, чѣмъ можно было бы обладать, чтобы не подвергнуться риску потерять его совсѣмъ и обезпечить себѣ сохраненіе доброй его части внѣ всякой опасности. Здѣсь самый разсчетъ говоритъ въ пользу разума; какъ бы ни была тяжела жизнь порядочныхъ людей, она менѣе тяжела, чѣмъ жизнь дурныхъ. Дѣйствуя противъ интересовъ большинства, рѣдко наслаждаешься спокойствіемъ; при такомъ поведеніи невозможно скрыть отъ себя, что васъ окружаютъ враги, или люди готовые сдѣлаться таковыми; и подобное положеніе всегда тяжело, какъ бы оно ни было лестно по внѣшности своей. Къ этимъ соображеніямъ прибавьте высокій инстинктъ, который испорченность можетъ сбить съ пути, но никакая ложная философія не способна убить, и который побуждаетъ насъ любить мудрость и великодушіе и восхищаться ими въ поступкахъ также, какъ симметріей и величіемъ въ природѣ и искусствахъ [1],—и въ этомъ кроется источникъ людскихъ добродѣтелей, вполнѣ независимыхъ отъ всякихъ религіозныхъ системъ, нелѣпыхъ мечтаній метафизики и обмановъ священниковъ. Какъ только эти истины для меня вполнѣ выяснились, я съ радостью вздохнула; онѣ обезпечивали мнѣ пристань на время бурь, и я съ меньшей душевной тоской могла теперь изслѣдовать заблужденія, вкравшіяся въ вѣру народовъ и общественныя учрежденія. Прекрасная идея о Богѣ Создателѣ, Провидѣніе котораго печется о мірѣ, о духовности души, ея безсмертіи, этой утѣшительной на-

[1]) Я пишу это 4-го сентября, въ 11 часовъ вечера, подъ звуки смѣха, раздающагося въ сосѣдней комнатѣ. Актрисъ Théatre-Français, арестованныхъ наканунѣ и заключенныхъ въ S-te Pélagie, сегодня отвозили къ нимъ на домъ для снятія печатей и вновь водворили въ тюрьму, гдѣ полицейскій чиновникъ ужинаетъ и веселится вмѣстѣ съ ними. Ужинъ веселъ и шуменъ; раздаются игривыя словечки и пѣнятся иностранныя вина. Мѣсто, предметы, люди, образуютъ контрастъ съ моимъ занятіемъ, который мнѣ кажется пикантнымъ.

Digitized by Google

деждѣ гонимой добродѣтели, неужели все это лишь привлекательные и блестящіе призраки воображенія?!.. Какимъ мракомъ окутаны эти трудные вопросы! Какое великое множество возраженій, когда желаешь обсудить ихъ съ математической точностью!—Нѣтъ, человѣческому уму не дано увидѣть ихъ при яркомъ свѣтѣ совершенной очевидности; но какое дѣло чувствительной душѣ до того, что она не можетъ доказать ихъ? не достаточно ли для нее ихъ чувствовать?..

Въ тиши кабинета и въ пылу сухого спора я соглашаюсь съ атеистомъ или матеріалистомъ въ томъ, что нѣкоторые вопросы неразрѣшимы; но среди полей и созерцанія природы, мое взволнованное сердце возносится къ животворящему принципу, одухотворяющему ихъ, къ разуму, руководящему ими, къ благости, благодаря которой я чувствую въ нихъ столько прелестей; когда обширныя моря лежатъ между мной и тѣмъ, что я люблю, когда всѣ общественныя бѣдствія одновременно рушатся на насъ, какъ бы карая за то, что мы желали величайшаго общественнаго счастья, я вижу за предѣлами жизни награду за наши жертвы и счастье вновь соединиться. Какъ? какимъ образомъ? я этого не знаю; я только чувствую, что такъ должно быть.

Атеистъ въ моихъ глазахъ—не извращенный умъ; я также хорошо могу жить съ нимъ, какъ и съ ханжой, и даже лучше, такъ какъ атеистъ больше разсуждаетъ; но ему недостаетъ одного чувства, и моя душа не вполнѣ сливается съ его душой; самое очаровательное зрѣлище оставляетъ его холоднымъ, и онъ ищетъ силлогизмовъ, въ то время, какъ я возношу хвалу.

Меня не сразу охватило подобное твердое и мирное расположеніе духа, въ которомъ, наслаждаясь раскрывшимися передо мной истинами, довѣрчиво отдавшись счастливымъ чувствамъ, я примирялась съ незнаніемъ того, чего не могу знать, не заботясь никогда о томъ, что думаютъ другіе. Я въ немногихъ словахъ намѣчаю результатъ нѣсколькихъ лѣтъ размышленій и занятій, въ теченіе коихъ я по временамъ раздѣляла требовательность деистовъ, суровость атеистовъ, безразличіе скептиковъ; но всегда дѣлала это искренно, потому что для меня не было надобности смѣнять религію ради разнузданія нравовъ: мои правила относительно этого предмета были твердо установлены внѣ зависимости отъ всевозможныхъ предразсудковъ. Я тревожилась сомнѣніями, но не мучилась страхомъ, я исполняла обряды установленнаго культа, потому что это являлось моей обязанностью благодаря моему возрасту, моему полу, моему положенію. Неспособная обманывать, я говорила аббату Морелю: „Я прихожу на исповѣдь, чтобы подавать этимъ примѣръ моимъ близкимъ и не тревожить мою мать; но я право не знаю, въ чемъ могу себя обвинить; мое настроеніе столь безмятежно и мои вкусы столь скромны, что моя совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня, хотя за-

Digitized by Google

слуга моя и не велика въ томъ, что я поступаю хорошо. Меня впрочемъ иногда слишкомъ занимаетъ желаніе нравиться, и я предаюсь вспышкамъ слишкомъ горячаго раздраженія противъ моей прислуги или всякой другой, когда что-нибудь не ладится. Я также, можетъ быть, недостаточно снисходительна въ своихъ сужденіяхъ и слишкомъ легко поддаюсь чувствамъ антипатіи къ людямъ, которые мнѣ кажутся глупыми или скучными, хотя и не показываю этого; я хочу сдерживаться въ этомъ отношеніи. Я наконецъ слишкомъ разсѣянно и холодно исполняю религіозные обряды: я согласна съ тѣмъ, что слѣдуетъ относиться со вниманіемъ ко всему, что считаешь полезнымъ дѣлать, по какой-бы то ни было причинѣ". Добрый аббатъ Морель, истощивъ свою библіотеку и риторику, чтобы спасти мою вѣру, благоразумно примирился съ моею умѣренностью; онъ убѣждалъ меня остерегаться внушеній гордости, изо всѣхъ силъ старался изобразить сладости религіи, мудро отпускалъ мнѣ мои грѣхи и былъ доволенъ тѣмъ, что я по 2 или 3 раза въ годъ причащалась, изъ философской терпимости, такъ какъ это уже не было дѣломъ вѣры. Когда я отправлялась вкушать божественную пищу, я размышляла надъ словами Цицерона, что послѣ всѣхъ безумствъ людей по отношенію къ Божеству имъ только оставалось превратить его въ пищу, чтобы съѣсть его. Моя мать со всякимъ днемъ становилась набожнѣе, а это еще болѣе лишало меня возможности уклоняться отъ обыкновенныхъ обрядовъ: меня ничто такъ не пугало, какъ опасеніе огорчить ее. Аббатъ Ле-Гранъ, другъ аббата Бимонъ, иногда навѣщалъ ее; это былъ человѣкъ большого ума, въ которомъ одно одѣяніе—и то достаточно стѣснявшее его—изобличало его духовное званіе. Семья его сдѣлала изъ него священника, потому что нужно же было изъ трехъ братьевъ хоть одного опредѣлить въ духовное званіе; онъ былъ духовникомъ князя де-Ламбаль, получилъ послѣ смерти послѣдняго пенсію отъ Пентьевра и основался въ одномъ приходѣ, чтобы имѣть гдѣ-нибудь пристанище; мѣсто онъ выбралъ поближе отъ своего друга для того, чтобы имѣть удовольствіе его видѣть. Онъ страдалъ слабостью зрѣнія и ослѣпъ въ очень молодыхъ годахъ; это обстоятельство усилило его склонность къ размышленію и сдѣлало его чрезвычайно мечтательнымъ. Онъ любилъ разговаривать со мной и часто приносилъ мнѣ книги; это большей частью были философскія сочиненія, принципы которыхъ онъ обсуждалъ очень свободно. Моя мать никогда не спорила; я не смѣла доводить вещи до крайности; но она все же не препятствовала мнѣ читать и не порицала подобнаго выбора книгъ. Одинъ женевецъ, часовщикъ, находившійся въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ моимъ отцомъ, добрякъ, всегда хранившій какую-нибудь книжку среди своихъ ин-

Digitized by Google

струментовъ и имѣвшій довольно хорошую библіотеку, которую онъ зналъ такъ, какъ не знаютъ своихъ библіотекъ многіе вельможи, предложилъ мнѣ пользоваться этимъ маленькимъ сокровищемъ въ моемъ вкусѣ, и я воспользовалась его любезностью. Этотъ добрый г-нъ Морэ отличался здравымъ умомъ и разсуждалъ не только о своемъ искусствѣ, но и о морали и политикѣ; онъ затруднялся въ выраженіяхъ и говорилъ такъ медленно, что я еле сдерживала свое нетерпѣніе; но за то онъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, отличался той основательностью ума, которая заставляетъ прощать недостатокъ привлекательности. Это онъ далъ мнѣ Бюфона и много другихъ произведеній; я упоминаю объ Бюфонѣ, чтобы напомнить то, что я говорила выше объ осторожности, съ какой его читала; философія, развивъ силу моей души и придавъ смѣлость уму, ничуть не уменьшила деликатности чувствъ и щепетильности моего воображенія, съ которымъ мнѣ столько приходилось бороться. Я занималась сперва нѣкоторое время физикой, затѣмъ математикой; Ноллэ, Реомюръ, Боннэ, которые мечтаютъ въ то время, какъ другіе описываютъ, заинтересовали меня въ свою очередь, также, какъ Мопертюи, который постоянно жалуется, даже въ то время, какъ описываетъ удовольствія улитокъ: наконецъ Риваръ внушилъ мнѣ желаніе сдѣлаться геометромъ. Геренъ, мраморщикъ и землемѣръ, человѣкъ мудрый и кроткій въ своемъ простосердечіи, явившись однажды къ моему отцу, чтобы побесѣдовать съ нимъ, засталъ меня до такой степени поглощенной in quarto Ривара, что я не замѣтила его прихода. Онъ вступилъ со мной въ разговоръ, и сказалъ мнѣ, что „основныя начала“ Клеро были бы гораздо полезнѣе для полученія понятій, которыя я желала имѣть. Онъ принесъ мнѣ на слѣдующій день экземпляръ, которымъ располагалъ. Въ немъ я дѣйствительно нашла простое изложеніе основныхъ принциповъ, и разсчитавъ, что сочиненіе это было для меня полезно и что мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ неудобно было лишать собственника пользованія имъ на то продолжительное время которое мнѣ-бы хотѣлось его продержать у себя, я просто-на-просто рѣшила списать его отъ доски до доски. включая сюда и 6 таблицъ. Мнѣ всегда становится смѣшно при воспоминаніи объ этой операціи. Всякая другая на моемъ мѣстѣ пожелала-бы пріобрѣсти это сочиненіе; мнѣ эта мысль не пришла даже въ голову; мысль же списать его возникла также естественно, какъ могло бы возникнуть рѣшеніе срисовать узоръ, и была почти также скоро приведена въ исполненіе; это былъ маленькій in-octavo. Среди моихъ бумагъ, вѣроятно, еще хранится эта забавная рукопись. Геометрія такъ заинтересовала меня, что мнѣ уже не нужно было алгебры; сухость этой послѣдней отбила у меня охоту заниматься ею, какъ только я изучила уравненія

Digitized by Google

1-й степени; я бросила за бортъ умноженіе дробей и рѣшила что лучше читать хорошіе стихи, чѣмъ изсыхать надъ корнями. Г-нъ Роланъ, ухаживая за мной нѣсколько лѣтъ спустя, тщетно пытался вновь пробудить это старинное увлеченіе; мы дѣлали много вычисленій; но выводъ посредствомъ икса никогда не увлекалъ меня настолько, чтобы надолго овладѣть моимъ вниманіемъ.

5-го сентября.

Я разрѣзываю тетрадь, чтобы вложить въ маленькій ящикъ то, что написала; когда я вижу, что издаются указы объ образованіи революціонной арміи, возникаютъ новые кровавые трибуналы, угрожаетъ голодъ, и тираны доведены до послѣдней крайности, — то я говорю себѣ, что они создадутъ новыя жертвы, и что никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что переживетъ еще 24 часа.

Переписка съ Софьей всегда была однимъ изъ самыхъ большихъ моихъ удовольствій; узы нашей дружбы стали еще тѣснѣе во время путешествій, которыя она нѣсколько разъ предпринимала въ Парижъ. Мое любящее сердце нуждалось, не скажу — въ химерѣ, но въ предметѣ особаго довѣрія и общенія; дружба давала мнѣ ихъ, я отдавалась ей съ наслажденіемъ. Мои отношенія къ матери, какъ они ни были нѣжны, не могли мнѣ замѣнить этой привязанности; они сохраняли характеръ серьезности, обусловливаемой съ одной стороны уваженіемъ, съ другой авторитетомъ. Моя мать могла все знать, я ничего не скрывала отъ нея; но я не могла ей всего сказать: матери дѣлаютъ признаніе, но свою довѣренность дарятъ лишь равнымъ.

Поэтому, хотя мать моя и не просила, чтобы я ей давала читать письма свои къ Софьѣ, она была очень довольна тѣмъ, что я ей ихъ показывала, и сдѣлка, придуманная нами по этому случаю, была очень забавна; мы пришли къ безмолвному соглашенію. Когда я получала извѣстія отъ своего друга, приходившія аккуратно всякую недѣлю, я прочитывала нѣсколько фразъ изъ ея письма, но не давала его читать. Когда я писала ей, я въ теченіе одного дня оставляла свое письмо на своемъ столѣ распечатаннымъ, но уже сложеннымъ въ конвертъ, на которомъ былъ надписанъ адресъ: моя мать всегда пользовалась свободной минутой, чтобы просмотрѣть его, что ей рѣдко случалось дѣлать въ моемъ присутствіи, и въ послѣднемъ случаѣ я всегда придумывала какой нибудь предлогъ чтобы удалиться; прочитывала ли она письмо или нѣтъ,—по истеченіи положеннаго нами опреленнаго срока я запечатывала свое письмо, иногда предварительно сдѣлавъ post-scriptum. Ей никогда не случалось заговаривать со мной по поводу прочитаннаго ею такимъ образомъ, но я пользовалась этимъ

Digitized by Google

случаемъ, чтобы знакомить ее со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ хотѣлось, чтобы ей было извѣстно относительно моихъ наклонностей, вкусовъ, взглядовъ; я излагала ихъ со смѣлостью, которою не рѣшилась бы имѣть въ разговорѣ съ ней. Мои письма отъ этого не становились менѣе откровенны, такъ какъ я чувствовала, что имѣю право быть откровенной, и что другіе не могутъ на это претендовать. Мнѣ часто послѣ приходило въ голову, что будь я на мѣстѣ своей матери, мнѣ-бы захотѣлось стать во вполнѣ дружескія отношенія со своей дочерью, и если я о чемъ сожалѣю теперь, такъ только о томъ, что моя дочь не походитъ на меня; мы бы шли рядомъ, какъ товарищи, и я была бы счастлива. Но при большой добротѣ, въ моей матери была какая-то холодность, она была болѣе умна, нежели чувствительна, болѣе осторожна, нежели любяща. Она, можетъ быть, также замѣчала, что во мнѣ былъ полетъ, который долженъ былъ повести меня дальше, чѣмъ ее; ея обращеніе не вызывало принужденности, но исключало всякую фамильярность. Она не была ласкова, хотя глаза ея дышали нѣжностью и были обыкновенно устремлены на меня; я чувствовала ея душу, она проникала въ мою; но ея сдержанность также побуждала и меня къ сдержанности, которой иначе у меня не было бы въ отношеніяхъ съ ней; казалось, будто разстояніе, отдѣлявшее насъ друга отъ друга, выросло съ тѣхъ поръ, какъ я вышла изъ дѣтскаго возраста. Въ моей матери была какая-то важность, правда трогательная, но все же это была важность; она подавляла порывы моей страстной души, и я поняла всю силу моей привязанности къ ней лишь по тому отчаянію и изступленію, въ какія повергла меня ея утрата.

Наши дни протекали среди чарующей тишины; я посвящала бо̀льшую часть своего времени своимъ одинокимъ занятіямъ, я вся переносилась въ древность, исторію и искусства которой я изучала, взгляды и ученія которой я изслѣдовала. Утренняя месса, нѣсколько часовъ совмѣстнаго чтенія, обѣды и выѣзды были единственнымъ временемъ, который мы проводили вмѣстѣ съ моею матерью. Мы рѣдко выѣзжали изъ дому; а когда приходили гости, которыхъ я не любила, я отлично умѣла не выходить изъ своего маленькаго кабинета, и моя добрая мать никогда не вызывала меня оттуда, чтобы не сдѣлать мнѣ непріятности. Всѣ воскресные и праздничные дни мы посвящали прогулкамъ; иногда мы уходили очень далеко, и въ скоромъ времени стали это дѣлать почти постоянно, благодаря предпочтенію, которое я оказывала деревнѣ передъ разукрашенными садами столицы. Удовольствіе появляться иногда на общественныхъ гуляньяхъ не оставляло меня равнодушной; они въ то время представляли очень блестящее зрѣлище, и на долю молодежи всегда выпадала при этомъ пріятная роль. Внѣшняя привлекательность по-

Digitized by Google

стоянно вызывала къ себѣ поклоненіе, котораго всегда жаждетъ сердце молодой дѣвушки и котораго она не могла бы скрыть отъ себя изъ скромности. Но это удовольствіе не удовлетворяло меня; послѣ этихъ прогулокъ, во время которыхъ мое самолюбіе, чрезвычайно возбужденное, ловило все, что могло выставить меня въ выгодномъ видѣ, и увѣрить меня, что я не даромъ истратила свое время, я всегда ощущала невыносимую пустоту, безпокойство и отвращеніе, слишкомъ дорогой цѣной искупавшія удовольствіе, доставляемое тщеславіемъ. Я привыкла размышлять, отдавать себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, вслѣдствіе чего я мучительно изслѣдовала причину такого тягостнаго чувства и пускала въ ходъ всю свою философію.

Неужели лишь для того, чтобы ласкать взоры подобно цвѣтамъ въ палисадникахъ и получать нѣсколько суетныхъ комплиментовъ, въ женщинахъ воспитываютъ добродѣтели и развиваютъ таланты? — Чѣмъ объяснить эту страсть къ удовольствію, поглощающую меня и не дѣлающую меня счастливой даже тогда, когда она повидимому удовлетворена? Какое мнѣ дѣло до любопытныхъ взглядовъ, до комплиментовъ, шепотомъ раздающихся въ незнакомой мнѣ толпѣ, можетъ быть состоящей изъ людей, которые бы оказались недостойными моего уваженія, если бы я ихъ узнала? Неужели я для того родилась на свѣтъ, чтобы тратить свою жизнь на суетныя заботы или бурныя чувства? — Ахъ, безъ сомнѣнія, мое назначеніе лучше этого; восторгъ, воспламеняющій меня къ всему, что красиво, мудро, велико и благородно, доказываетъ мнѣ, что я призвана осуществлять все это въ жизни; высокія и восхитительныя обязанности супруги и матери выпадутъ когда-нибудь на мою долю: я должна употребить свои молодые годы на то, чтобы сдѣлаться способной исполнять ихъ. Я должна изучить ихъ значеніе, должна, обуздывая свои чувства, научиться въ будущемъ управлять чувствами своихъ дѣтей; я должна своей привычкой къ самообладанію, заботой о развитіи своего ума обезпечить счастье самаго милаго на свѣтѣ общества, осчастливить человѣка, который окажется достойнымъ моей любви, озарить все то, что насъ будетъ окружать, счастьемъ, которое я ему дамъ и которое всецѣло явится моимъ созданіемъ. Грудь моя волновалась отъ этихъ мыслей; тревога, волненіе, умиленіе, заставлявшія меня проливать обильныя слезы, охватывали мое сердце; оно тогда возносилось къ Высшему Разуму, этой основной причинѣ, этому провидѣнію, какъ знать? къ этому принципу чувства и мысли, познать и вѣрить въ который для него было необходимо. О ты, который бросилъ меня на землю, сдѣлай, чтобы я исполнила на ней свое назначеніе способомъ, наиболѣе согласнымъ съ твоей святой волей и наиболѣе дѣйствительнымъ для блага моихъ братьевъ!—Эта наивная мо-

Digitized by Google

литва, простосердечная, какъ сердце подсказавшее ее, стала моей единственной молитвой; ни разсужденія философіи, ни какія бы то ни было заблужденія никогда не могли изсушить ея источника. Среди вихря свѣта и въ глубинѣ тюрьмы я произносила ее, также цѣльно отдаваясь своему чувству: я съ восторгомъ твердила ее при блестящихъ обстоятельствахъ своей жизни, я съ покорностью повторяю ее въ оковахъ; въ счастьѣ я отъ всей души желала охранить себя отъ всякой привязанности, которая не была бы на высотѣ моего назначенія; я старалась при несчастьѣ поддержать силу, необходимую, чтобы вынести испытанія, которымъ я подверглась. Я была увѣрена, что въ мірѣ есть событія, которыхъ человѣческій умъ не можетъ предотвратить; убѣждена, что самыя несчастныя событія не могутъ удручить здоровую душу; что наконецъ внутренній миръ, покорность неизбѣжному представляютъ основаніе счастья и образуютъ настоящую независимость мудреца и героя. Деревня давала мнѣ впечатлѣнія гораздо болѣе гармонировавшія съ моими мечтательными привычками, моимъ сосредоточеннымъ, нѣжнымъ и меланхоличнымъ настроеніемъ, которое во мнѣ укрѣплялось размышленіемъ и развитіемъ любящаго сердца. Мы часто ходили въ Медонъ, это было моей любимой прогулкой; я предпочитала его дикіе лѣса, его уединенные пруды, его еловыя аллеи, его высокоствольныя деревья наѣзженнымъ дорогамъ, однообразнымъ порослямъ Булонскаго лѣса, декораціямъ Бельвю, прилизаннымъ аллеямъ Сенъ-Клу. — „Куда мы пойдемъ завтра, если будетъ хорошая погода“, улыбаясь говаривалъ мой отецъ въ лѣтніе вечера по субботамъ: — „Въ Сенъ-Клу? Фонтаны будутъ пущены, тамъ будетъ много народу. — Ахъ, папа, ести бы вы согласились пойти въ Медонъ, я бы гораздо больше была рада“. Въ 5 часовъ утра, въ воскресенье, всѣ уже были на ногахъ; легкое, свѣжее, очень простое платье, нѣсколько цвѣтовъ, газовая вуаль возвѣщали о планахъ на этотъ день. Оды Руссо, томъ Корнеля или что-либо другое, составляли весь мой багажъ. Мы отправлялись всѣ трое; шли къ Pont-Royal, который я видѣла изъ своего окна, и здѣсь садились въ маленькую лодку, привозившую насъ послѣ тихаго, пріятнаго и быстраго плаванія къ берегамъ Бельвю, неподалеку отъ стекляннаго завода, густой и черный дымъ котораго замѣчался на большомъ разстояніи. Тамъ, по крутымъ тропинкамъ, мы добирались до Медоновской аллеи: пройдя около двухъ третей ея, на правой сторонѣ и на небольшомъ возвышеніи мы замѣтили маленькій домикъ, сдѣлавшійся одной изъ нашихъ стоянокъ. Это былъ домъ одной молочницы, вдовы, жившей тамъ съ двумя коровами и нѣсколькими курицами. Такъ какъ нужно было спѣшить, чтобы воспользоваться часами дня для прогулки, мы рѣшили, что домъ этотъ

Digitized by Google

будетъ служить намъ мѣстомъ отдыха на обратномъ пути, и что хозяйка намъ дастъ миску парного молока. Этотъ порядокъ былъ установленъ такимъ образомъ, что всякій разъ, какъ мы поднимались по аллеѣ, мы заходили къ молочницѣ, чтобы ее предупредить, что мы явимся къ ней вечеромъ или на слѣдующій день, и чтобы напомнить ей о мискѣ съ молокомъ.

Эта добрая старуха очень привѣтливо принимала насъ; завтракъ, приправленный небольшимъ количествомъ чернаго хлѣба и очень веселымъ настроеніемъ духа, всегда имѣлъ видъ маленькаго праздника, послѣ котораго въ карманѣ молочницы всякій разъ оставлялось нѣкоторое о немъ воспоминаніе. Обѣдали мы у одного изъ привратниковъ парка; мое желаніе удаляться отъ людныхъ мѣстъ заставило насъ отыскать уединенное мѣстечко, вполнѣ подходившее къ моимъ вкусамъ. Въ одинъ прекрасный день, послѣ того, какъ мы долго ходили по незнакомой части лѣса, мы вышли въ уединенное мѣсто, очень открытое, съ примыкавшей къ нему аллеей большихъ деревьевъ, подъ которыми рѣдко встрѣчались гуляющіе; нѣсколько другихъ деревьевъ, разбросанныхъ по прелестной лужайкѣ, такъ сказать, скрывали маленькій двухъ-этажный домикъ, очень чисто выстроенный.— Что это такое?—Двое хорошенькихъ дѣтей играли передъ раскрытой дверью; они не имѣли городского вида, но на нихъ не лежалъ и отпечатокъ нищеты, столь обычной въ деревняхъ. Мы подошли и увидѣли на лѣвой сторонѣ огородъ, въ которомъ работалъ старикъ. Войти, поговорить съ нимъ, было дѣломъ одной минуты; мы узнали, что эта мѣстность называлась Villebonne; что тотъ, кто въ ней жилъ, былъ водопроводчикомъ въ Moulin Rouge, обязанный слѣдить за содержаніемъ въ порядкѣ канавъ, черезъ которыя была проведена вода въ нѣкоторыя части парка; что ничтожное жалованіе, получаемое на этой должности, частью поддерживало молодую семью, дѣтей которой мы видимъ передъ собой и которымъ онъ, старикъ, приходился дѣдушкой: что заботы о семьѣ падали на жену, между тѣмъ, какъ онъ обрабатывалъ этотъ огородъ, продукты котораго сынъ его въ минуты досуга ходилъ продавать въ городъ. Садъ былъ длиннымъ четырехугольникомъ, раздѣленный на 4 части, вокругъ которыхъ была проложена довольно широкая аллея; посрединѣ былъ расположенъ бассейнъ, поставлявшій воду для поливки; въ глубинѣ — ниша тисовыхъ деревьевъ, подъ которыми находилась большая каменная скамья, позволявшая отдыхать въ тѣни. Цвѣты, перемѣшанные съ овощами, придавали огороду веселый и привлекательный видъ; старикъ, сильный и довольный, напоминалъ мнѣ старика береговъ Галеза, воспѣтаго Виргиліемъ; онъ говорилъ съ удовольствіемъ и здравымъ смысломъ, и мнѣ не нуженъ былъ прихотливый вкусъ, чтобы оцѣнить

Digitized by Google

подобную встрѣчу; мое воображеніе не преминуло окружить ее всѣмъ тѣмъ, что̀ могло придать ей обаяніе. Мы спрашиваемъ, не въ обычаѣ ли у нихъ принимать посѣтителей.—„Ихъ почти не бываетъ,—сказалъ намъ старикъ, это мѣсто мало кому извѣстно; но когда кто приходитъ, мы не отказываемся угощать ихъ тѣмъ, что̀ въ себѣ заключаютъ птичій дворъ и садъ“. Мы просимъ, чтобы намъ дали пообѣдать; намъ подаютъ свѣжія яйца, овощи, салатъ въ хорошенькой бесѣдкѣ изъ жимолости, позади дома. Мнѣ никогда не случалось обѣдать болѣе пріятнымъ образомъ. Мое сердце успокоивалось подъ вліяніемъ невинности и радости очаровательнаго положенія. Я очень ласкала маленькихъ дѣтей; я выразила глубокое свое почтеніе старику; молодая женщина казалось очень довольной тѣмъ, что приняла насъ; они завели рѣчь о двухъ комнатахъ въ ихъ домѣ, которыми они могли располагать для тѣхъ, кто бы пожелалъ нанять ихъ на 3 мѣсяца, и мы составляли проектъ нанять ихъ. Этотъ привлекательный проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе; я уже никогда не возвращалась въ Villebonne, такъ какъ мы уже съ давнихъ поръ посѣщали Медонъ, когда сдѣлали это открытіе, и мы избрали деревенскую гостинницу для ночлеговъ, когда два праздника къ ряду позволяли продолжить нашу отлучку. Въ этой гостинницѣ, носившей кажется названіе Королевы Франціи, съ нами случилось смѣшное приключеніе. Мы занимали комнату съ двумя кроватями, въ бо̀льшей изъ нихъ я спала со своей матерью; другую, стоявшую въ углу комнаты, занималъ мой отецъ одинъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ улегся въ постель и, желая совсѣмъ аккуратно задернуть свой пологъ, онъ такъ крѣпко дернулъ его, что балдахинъ надъ кроватью упалъ и совершенно прикрылъ его собой; послѣ минутнаго испуга мы всѣ принялись смѣяться надъ происшествіемъ, до того балдахинъ упалъ удачно, прикрывъ собой моего отца, но не ушибивъ его. Мы зовемъ на помощь, чтобы его освободить: является хозяйка гостинницы; удивленная при видѣ своей разоренной кровати, она вскрикиваетъ съ видомъ величайшаго простодушія: — „Ахъ Боже мой! какъ это могло случиться? Вотъ уже 17 лѣтъ, какъ онъ поставленъ; онъ ни разу не трогался съ мѣста!“. Это разсужденіе разсмѣшило меня еще больше, чѣмъ паденіе балдахина; я часто имѣла случай его примѣнять или, вѣрнѣе, сравнивать съ доводами, которые мнѣ приходилось слышать въ обществѣ, и я тихонько говорила своей матери: „это также хорошо, какъ 17 лѣтъ существованія кровати для доказательства ея несокрушимости“.

Милый Медонъ! какъ часто я дышала подъ сѣнью твоихъ деревьевъ, благословляя творца своей жизни, жаждая того, что могло когда нибудь сдѣлать ее болѣе полной; но съ тою прелестью желанія,

Digitized by Google

лишеннаго нетерпѣнія, которая лишь окрашиваетъ облака будущаго лучами надежды! Сколько разъ я собирала въ твоихъ прохладныхъ уголкахъ листья крапчатаго папоротника, яркіе цвѣты орхидей! Какъ я любила отдыхать подъ этими большими деревьями, неподалеку отъ лужаекъ, гдѣ я видѣла, какъ иногда пробѣгала робкая, быстрая лань! Я вспоминаю о тѣхъ болѣе темныхъ мѣстахъ, гдѣ мы сидѣли въ минуты жары; тамъ, пока мой отецъ, лежавшій на травѣ, и моя мать, тихо прислонившаяся къ кучѣ листьевъ, которые я приготовила, предавались послѣ-обѣденному сну, я созерцала величіе твоихъ безмолвныхъ лѣсовъ, я восхищалась природой, я поклонялась Провидѣнію, благодѣянія котораго я чувствовала; огонь чувства окрашивалъ мои влажныя щеки, и для моего сердца прелесть земного рая осуществлялась въ твоемъ сельскомъ уединеніи. Разсказы о моихъ прогулкахъ и о счастіи, доставляемомъ мнѣ ими, занимали много мѣста въ моей перепискѣ съ Софьей; иногда моя проза перебивалась стихами,— безпорядочными, но свободными и иногда счастливыми созданіями души, для которой все было жизнью, картиной и счастьемъ.

Софья, какъ я уже замѣтила, была брошена въ свѣтъ, гдѣ она была лишена удовольствій, которыми я, какъ она видѣла, наслаждалась въ своемъ уединеніи; я познакомилась съ нѣсколькими членами ея семьи и въ ихъ обществѣ научилась еще больше цѣнить свое уединеніе.

Она останавливалась въ Парижѣ, во время своихъ путешествій со своей матерью, у двоюродныхъ сестеръ-дѣвицъ, которыхъ звали de Lamotte; это были двѣ старыя дѣвы; одна изъ нихъ, набожный меланхоликъ, не покидала своей комнаты, гдѣ она повторяла молитвы, бранила прислугу, вязала чулки и довольно дѣльно разсуждала о своихъ дѣловыхъ интересахъ; другая, добрая душа, сидѣла въ гостиной, принимала гостей, читала псалмы и играла въ карты: обѣ придавали большое значеніе тому, что родились благородными дѣвицами; плохо понимали, чтобы возможно было себѣ создавать общество изъ лицъ, у которыхъ, по меньшей мѣрѣ, отецъ не получилъ дворянства, и берегли, не рѣшаясь имъ пользоваться, какъ эмблему знатности происхожденія ихъ семьи, мѣшокъ, въ которомъ прежде хранились и доставлялись въ церковь молитвенники ихъ матери. Они пріютили у себя молодую дѣвушку, свою родственницу, и предполагали увеличить ея маленькое состояніе еслибы только ей удалось выйти замужъ за дворянина. Дѣвица d'Haugard, такъ звали молодую дѣвушку, была полной, очень свѣжей брюнеткой, могучаго, почти страшнаго здоровья, съ провинціальными манерами, не скрывавшими нѣсколько рѣзкаго характера и очень посредственнаго ума. Самое любопытное лицо въ домѣ былъ адвокатъ Perdu, вдовецъ, проѣвшій

Digitized by Google

свое состояніе, котораго сестра его (мать моей Софьи) помѣстила нахлѣбникомъ къ двоюроднымъ сестрамъ, чтобы онъ прилично провелъ послѣдніе годы своей безполезной жизни. Г-нъ Perdu, толстый и разряженный на-славу, посвящалъ большую часть утра заботамъ о своей особѣ, ѣлъ долго, критикуя кушанья, проводилъ въ Люксембургѣ по нѣскольку часовъ въ день и заканчивалъ послѣдній партіей въ пикетъ. Онъ придавалъ знатности еще большее значеніе, чѣмъ его старыя кузины, претендовалъ на аристократическую внѣшность и кичился знаніемъ мельчайшихъ тонкостей свѣтскаго приличія. Я его называла не иначе, какъ „командоръ", когда говорила Софьѣ объ ея дядѣ, до того онъ мнѣ напоминалъ командора изъ „Père de famille". Итакъ тонъ „командора" въ обращеніи со своими племянницами отличался извѣстнымъ превосходствомъ, къ которому вся его тонкая рыцарская любезность должна была служить, по его мнѣнію, какъ бы легкой приправой; но его поведеніе съ дѣвицею d'Haugard было странно; ея свѣжесть и постоянное присутствіе будили его воображеніе, внушали ему нѣчто такое, въ чемъ бы онъ не посмѣлъ признаться и что иногда заставляло его досадовать на своего племянника.

Этотъ племянникъ, котораго звали Selincourt, былъ высокимъ молодымъ человѣкомъ, съ нѣжнымъ лицомъ и голосомъ, онъ былъ нѣсколько похожъ на свою сестру Софью; разговоръ его былъ остроуменъ, манеры привлекательны; ихъ не безобразила нѣкоторая застѣнчивость, такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось даже и тогда, когда я замѣчала, что она усиливалась въ моемъ присутствіи. Отношеніе къ нему всей семьи и все другое заставляло въ немъ предполагать искателя руки дѣвицы d'Haugard.

Что касается до общества дѣвицъ de Lamotte, то оно состояло изъ одного графа d'Essales, сдѣлавшагося кавалеромъ ордена Святого Людовика въ Канадѣ, гдѣ онъ женился на дочери губернатора; всегда старательно избѣгавшій всякой опасности, невѣжественный, заносчивый, болтливый, онъ приходилъ играть въ карты съ одной маркизой de Caillavelle, благородной вдовой, съ которой онъ игралъ не въ одну игру, чего не замѣчали добрыя старушки. Г-жа Bernier, большая янсенистка, притомъ женщина съ здравымъ смысломъ, мужъ которой вышелъ изъ парламента Бретани во время процесса Chalotais, появлялась въ этомъ домѣ, но рѣже, со своими двумя дочерьми—ученой и ханжой. Нѣжное сердце послѣдней привлекло бы меня къ себѣ, но ея наклоненная шея съ трудомъ поддерживала на себѣ голову, до такой степени озабоченную, что въ ней не оставалось больше мѣста ни для какой мысли; ученая была нѣсколько болтлива, но отличалась такимъ здравымъ умомъ и вкусомъ, что они искупали ея отталкивающую наружность. Г-нъ de Vouglans какъ бы заканчивалъ собой картину.

Digitized by Google

Для тѣхъ, кто читалъ „Мотивы моей вѣры въ Іисуса Христа“, написанные однимъ чиновникомъ, и сборникъ „Преступныхъ законовъ“, добросовѣстную компиляцію, въ которой фанатизмъ и жестокость соперничаютъ съ трудолюбіемъ,—нѣтъ нужды писать его портретъ. Я никогда не встрѣчала человѣка, кровожадная нетерпимость котораго меня бы сильнѣе возмущала; онъ очень любилъ разговаривать съ отцемъ Romain Joly, старенькимъ капуциномъ, духовникомъ дѣвицъ de Lamotte, писавшимъ противъ Вольтера стихи, въ которыхъ онъ его сравнивалъ съ сатаной, и постоянно цитировавшимъ въ своихъ проповѣдяхъ капитуларіи Карла Великаго и ордонансы нашихъ королей. Я имѣла удовольствіе обѣдать съ нимъ у кузинъ, слышать его проповѣди въ своей приходской церкви и прочесть его *Фаэтона*; я могла бы на него написать хорошую каррикатуру, еслибы имѣла смѣлость стряхнуть съ его духовнаго одѣянія глупость и лицемѣріе, соединенныя съ самой ребяческой ученостью. Подруга Софьи играла забавную роль въ этомъ обществѣ, гдѣ за ея спиной вздыхали о томъ, что такая благовоспитанная дѣвица не благороднаго происхожденія. Я даже не сомнѣваюсь, что командоръ со свойственной ему мудростью не разъ разсуждалъ о томъ, прилично ли его племянницѣ поддерживать подобное знакомство. Но дѣвица отличалась прекрасными манерами, скромностью, которою очень дорожили старыя кузины; и за исключеніемъ нѣкоторыхъ фразъ, отзывавшихся остроуміемъ, которыя командоръ заставлялъ свою племянницу осуждать, онъ не могъ воздержаться отъ того, чтобы не похвалить ее. Ему случалось брать на свое попеченіе письма своей племянницы во время ея отсутствія и самому приносить ихъ къ моей матери; это еще гораздо чаще дѣлалъ бы Selincourt, еслибы его сестра соглашалась давать ему это порученіе.

Ничтожность, причуды этихъ лицъ, на которыхъ, безъ сомнѣнія, походило много свѣтскихъ людей, заставляли меня размышлять о пустотѣ свѣта и о преимуществѣ не быть обязанной посѣщать его. Софья перечисляла мнѣ лицъ, которыхъ она видѣла въ Аміенѣ, обрисовывала мнѣ въ общихъ чертахъ ихъ характеры, давала мнѣ понятіе о безсодержательности большинства изъ нихъ; и въ общей сложности выходило въ концѣ года, что я въ своемъ уединеніи видѣла больше достойныхъ людей, чѣмъ она въ своемъ круговоротѣ. Это не трудно себѣ представить, если вспомнить, что мой отецъ поддерживалъ сношенія лишь съ артистами, изъ которыхъ никто у него не бывалъ постоянно, хотя нѣкоторые изъ нихъ иногда собирались у него. Столичные жители, хотя бы и не принадлежащіе къ высшему обществу, обладаютъ суммой познаній и тою воспитанностью, которая несомнѣнно отсутствуетъ какъ среди провинціальныхъ дворянчиковъ, такъ и среди коммерсантовъ, спѣшащихъ обогатиться, чтобы купить себѣ дворянство. Разговоръ

Digitized by Google

добраго Jollain, художника Академіи, честнаго l'Épine, ученика Пигалля, Desmarteau, сотоварища моего отца, сына Фальконета, d'Hauterne, который могъ бы, благодаря своимъ талантамъ, сразу попасть въ академію, еслибы доступъ въ нее не былъ закрытъ ему, какъ протестанту, женевцевъ часовщиковъ Ballexserd и Moré, изъ которыхъ первый писалъ физическомъ воспитаніи,—этотъ разговоръ отличался несомнѣнно большими достоинствами, чѣмъ разговоръ милліонера Cannet, который, видя успѣхъ трагедіи своего родственника du Belloy и, разсчитавъ выгоду, которую послѣдній долженъ былъ изъ нея извлечь, говорилъ вполнѣ серьезно и съ досадой: „отчего отецъ мой не научилъ меня сочинять трагедіи? я бы ихъ писалъ по воскресеньямъ!" И со всѣмъ тѣмъ эти богатые люди, эти жалкіе новопожалованные дворяне, эти наглые военные, какъ D'Essales, эти убогіе чиновники, какъ Vouglans, считали себя устоями гражданскаго общества и дѣйствительно пользовались привиллегіями, въ которыхъ отказано было достоинству. Я сравнивала эти нелѣпыя проявленія человѣческой гордости съ картинами Попа, изображавшаго ея дѣйствіе въ удовлетвореніи ремесленника, наряжающагося въ свой фартукъ съ такою-же гордостью, съ какою король носитъ свою корону; я старалась вмѣстѣ съ нимъ находить, что все хорошо, но моя гордость мнѣ доказывала, что все лучше въ республикѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что положеніе наше сильно вліяетъ на нашъ характеръ и наши взгляды; но можно подумать, что въ воспитаніи, которое я получила, въ идеяхъ, которыя пріобрѣла путемъ занятій или подъ вліяніемъ свѣта, все было разсчитано на то, чтобы возбудить во мнѣ республиканскій энтузіазмъ, научая меня понимать смѣшныя стороны и чувствовать несправедливость множества преимуществъ и отличій. Поэтому я, когда читала, увлекалась реформаторами неравенства; я была Агисомъ и Клеоменомъ въ Спартѣ; была Гракхами въ Римѣ; и я бы, подобно Корнеліи, упрекала своихъ сыновей за то, что меня называютъ лишь тещей Сципіона. Я удалялась вмѣстѣ съ народомъ на Авентинскій холмъ и голосовала за трибуновъ. Теперь, когда опытъ научилъ меня все взвѣшивать съ безпристрастіемъ, я усматриваю въ предпріятіи Гракховъ и въ поведеніи трибуновъ ошибки и зло, ранѣе не производившія на меня достаточно сильнаго впечатлѣнія.

Когда я присутствовала при томъ зрѣлищѣ, какое часто представляла столица во время въѣздовъ королевы или принцевъ, благодарственныхъ молебствій послѣ родовъ и т. д., я съ болью въ сердцѣ сравнивала эту азіатскую роскошь, эту дерзкую пышность съ нищетой и униженіемъ одичалаго народа, который стекался при проѣздѣ идоловъ собственнаго созданія, глупо рукоплеская блестящему великолѣпію, за

Digitized by Google

которое ему приходилось расплачиваться въ ущербъ удовлетворенія первыхъ потребностей. Распутство двора въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV — это презрѣніе къ морали, охватившее всѣ классы; эти излишества, являвшіяся предметомъ всѣхъ частныхъ разговоровъ, возбуждали мое негодованіе и удивленіе. Не усматривая еще зародышей революціи, я спрашивала себя, какъ могъ поддерживаться подобный порядокъ вещей. Я знала изъ исторіи, что всѣ государства, достигшіе такой степени разврата, колебались и падали, и я слышала, какъ французы смѣялись и пѣли надъ собственными несчастьями; я находила, что ихъ сосѣди, англичане, были правы, считая ихъ дѣтьми. Я привязалась къ этимъ сосѣдямъ; сочиненіе Делольма ознакомило меня съ ихъ конституціей; я старалась узнать ихъ писателей, я изучала ихъ литературу, но тогда лишь въ переводахъ.

Такъ какъ доводы Ballexserd не въ состояніи были побороть нежеланіе моихъ родителей привить мнѣ оспу въ дѣтствѣ, то я 18-ти лѣтъ заболѣла ею. Это время глубоко врѣзалось мнѣ въ память, не вслѣдствіе страховъ, внушенныхъ мнѣ болѣзнью,—я уже тогда была слишкомъ философски настроена, чтобы не перенести это испытаніе съ твердостью,—но вслѣдствіе невѣроятной и трогательной заботливости моей матери. Какъ сильно было ея горе и какъ она была дѣятельна! Какъ безпокойство волновало ее! Какая нѣжность проявлялась во всѣхъ ея заботахъ! Даже ночью, когда я думала, что мнѣ передаетъ что-либо моя сидѣлка, я видѣла руку, слышала голосъ моей матери; она всякую секунду вскакивала изъ своей постели, чтобы подойти къ моему изголовью; она жадными глазами, такъ сказать, пожирала мои движенія и слова доктора; она украдкой и противъ воли своей проливала слезы, когда глаза ея устремлялись на меня, тщетно старавшуюся успокоить ее своей улыбкой. У нея никогда не было оспы, также какъ и у моего отца; ни тотъ, ни другой не пропустили ни одного дня, не поцѣловавъ мое больное лицо, которое я старалась спрятать отъ нихъ изъ опасенія, чтобы эти прикосновенія не были для нихъ пагубны. Моя Агата была въ отчаяніи, что ее задерживало заключеніе въ монастырѣ, и прислала ко мнѣ одну свою родственницу, милую мать четырехъ дѣтей, которой она внушила долю своей привязанности ко мнѣ и которая упорно продолжала посѣщать и цѣловать меня, не думая о себѣ. Пришлось скрыть отъ Софьи, бывшей тогда въ Парижѣ, о положеніи ея подруги; ей сказали, будто я внезапно уѣхала въ деревню, чтобы дать пройти опасному времени безъ сношеній: но Sélincourt всякій день приходилъ навѣдываться о моемъ здоровьѣ отъ имени своей матери; я изъ своей комнаты слышала его горестное восклицаніе, когда ему сказали, что боялись осложненія гнилой горячки и оспы. У меня сдѣлась сыпная лихо-

Digitized by Google

радка, своимъ высыпаніемъ ослабившая оспу, такъ что оспа у меня проявилась лишь въ видѣ очень крупныхъ и рѣдкихъ прыщей, незамѣтно спавшихъ безъ нагноенія и оставившихъ послѣ себя лишь сухую кожу, которая легко отпала. „Это, сказалъ мнѣ докторъ Missa, оспа, называемая итальянцами „ravaglioni", прыщи ложнаго нагноенія; она не оставляетъ слѣдовъ". И дѣйствительно, болѣзнь эта даже не испортила глади кожи; но золотуха повергла меня послѣ того, какъ опасность миновала, въ изнуреніе, изъ котораго я вышла лишь по прошествіи 4-хъ или 5-ти мѣсяцевъ. Когда я здорова, я сосредоточена и слишкомъ нѣжна, чтобы быть веселой, но я терпѣливо переношу страданія; когда я больна, я лишь о томъ думаю, чтобы развлечься отъ собственныхъ страданій и усладить томительныя заботы, которыми мои близкіе должны окружать меня: я тогда пускаю бразды своей фантазіи; говорю вздоръ и сама смѣшу другихъ. Докторъ Missa, человѣкъ умный, очень нравился мнѣ; онъ былъ достаточно старъ, чтобы я не чувствовала съ нимъ той принужденности, какая мною овладѣвала съ лицами его пола: мы во время его посѣщеній пріятно бесѣдовали съ нимъ, онъ охотно засиживался, и мы съ нимъ подружились. „Одинъ изъ насъ, сказалъ онъ какъ-то мнѣ, очень виноватъ передъ другимъ: или я родился слишкомъ рано, или вы родились слишкомъ поздно". Хотя Missa и интересовалъ меня своимъ умомъ, но его возрастъ не позволилъ мнѣ счесть за вину то, что я родилась позже его; я только улыбнулась ему въ отвѣтъ. Онъ воспитывалъ племянницъ, съ которыми захотѣлъ познакомить меня; мы нѣсколько разъ были другъ у друга; но такъ какъ ихъ также не выпускали безъ гувернантки, какъ и меня мать моя не выпускала безъ себя, и такъ какъ занятія ихъ дяди не давали ему возможности поддерживать это знакомство, оно не упрочилось, благодаря затрудненіямъ, связаннымъ съ разстояніемъ и нашими взаимными домосѣдными привычками.

Missa однажды очень бранилъ меня, когда нашелъ у меня на постели „Изслѣдованіе истины" отца Мальбранша. „Ахъ, Боже мой!— сказала я ему:—еслибы всѣ ваши больные развлекались подобными вещами вмѣсто того, чтобы раздражаться на свои страданія и на васъ самихъ, у васъ не было бы столько дѣла". Нѣсколько человѣкъ сидѣло у меня въ комнатѣ; разговоръ зашелъ о какомъ то займѣ, указъ о заключеніи коего только-что появился и за которымъ уже гнался весь Парижъ. „Французы, сказалъ Missa, падки на довѣріе".—„Скажите лучше, падки на вѣроятность", замѣтила я ему. — „Да, отвѣтилъ Missa, ваше замѣчаніе справедливо и глубоко". — „Не браните же меня за то, что я изучаю Мальбранша, перебила я его съ живостью; вы же видите, что я не теряю своего времени".

Digitized by Google

Missa на его практикѣ сопровождалъ молодой врачъ, недавно получившій степень; онъ иногда присылалъ его впередъ, ждать своего прихода. Этого молодого человѣка, употребляя его выраженіе, нельзя было обвинить въ томъ, что онъ слишкомъ рано родился; но хотя онъ былъ довольно недуренъ собой, въ немъ было что-то высокомѣрное, что мнѣ не нравилось. У меня такое сильное природное отвращеніе къ жеманству и самонадѣянному тону, что я всегда считаю ихъ доказательствомъ посредственности, даже глупости, хотя нужно сказать, что при старомъ режимѣ они иногда являлись лишь странностями молодости. Словомъ, вмѣсто того, чтобы очаровывать меня, эти качества меня сердятъ, и я всегда дурно сужу о людяхъ, ихъ обнаруживающихъ. Это все, что у меня осталось въ памяти о молодомъ докторѣ, котораго съ тѣхъ поръ я больше не видѣла и, вѣроятно, никогда больше не увижу, такъ какъ я слышала, что какой-то парижскій докторъ этого имени эмигрировалъ послѣ революціи.

Такъ какъ для полнаго моего выздоровленія мнѣ необходимо было уѣхать въ деревню, то мы отправились подышать ея благодѣтельнымъ воздухомъ къ г-ну и г-жѣ Besnard; мы съ матерью уже въ теченіе двухъ лѣтъ проводили у нихъ почти весь сентябрь. Въ ихъ положеніи опять было нѣчто очень способное дать пищу моимъ философскимъ размышленіямъ и сосредоточить мои мысли на недостаткахъ общественнаго строя.

Г-жа Besnard, послѣ постигшаго ее вмѣстѣ съ сестрами разоренія, поступила къ одному откупщику, къ старику Haudry, хозяйствомъ котораго она завѣдывала; тамъ она вышла замужъ за управляющаго, г-на Besnard, съ которымъ она, съ давнихъ поръ удалившись отъ свѣта, жила скромно, наслаждаясь миромъ и счастьемъ.

Г-жа Phlipon съ довольно неумѣстною гордостью вспоминала при мнѣ, въ семейномъ кругу, о томъ, какъ она была недовольна этой свадьбой; насколько я могла объ этомъ судить, она несомнѣнно была неправа. Г-нъ Besnard былъ честенъ, нравственен; какъ то, такъ и другое должно было тѣмъ болѣе говорить въ его пользу, чѣмъ рѣже эти свойства встрѣчались въ его средѣ; самые деликатные поступки всегда отмѣчали его отношеніе къ его женѣ; невозможно было высказывать больше благоговѣнія, нѣжности и самопожертвованія. Среди радостей счастливаго супружества они, новые Филемонъ и Бавкида, продолжаютъ свой жизненный путь, снискивая себѣ уваженіе всѣхъ, кто только можетъ быть свидѣтелемъ ихъ чистосердечія, ихъ добродѣтели: я горжусь родствомъ съ ними, и при ихъ характерѣ и поведеніи также гордилась бы этимъ, еслибы даже г-нъ Besnard былъ лакеемъ.

Digitized by Google

Старый Haudry, самъ нажившій свое богатство, умеръ; онъ оставилъ большое состояніе сыну, который, родившись въ достаткѣ, долженъ былъ расточить его. Этотъ сынъ, уже потерявшій свою очаровательную жену, очень много тратилъ и проводилъ, по обыкновенію богатыхъ людей, нѣкоторое время въ замкѣ Soucy, куда онъ гораздо болѣе переносилъ съ собой городской образъ жизни, чѣмъ приспособлялся къ тону, который приличенъ деревнѣ. Въ его владѣнія входило нѣсколько соединенныхъ имѣній; въ ближайшемъ къ Soucy имѣніи (Fontenay) былъ старинный замокъ, въ которомъ онъ любилъ поселять гостей; онъ помѣстилъ въ немъ одного нотаріуса, одного управляющаго, и убѣдилъ г-на и г-жу Besnard занять въ немъ помѣщеніе, гдѣ бы они проводили часть лѣта. Это было очень полезно для надзора за помѣстьемъ и кромѣ того придавало ему тонъ вельможи, которымъ онъ дорожилъ. Г-нъ и г-жа Besnard имѣли хорошую квартиру и могли наслаждаться прогулками въ паркѣ, запущенность котораго представляла пріятный контрастъ съ садами Soucy и нравилась мнѣ больше, чѣмъ роскошь, отличавшая мѣстопребываніе откупщика. Когда мы пріѣхали къ г-жѣ Besnard, она пожелала, чтобы мы отправились съ визитомъ въ Soucy, гдѣ теща и свояченица Haudry жили съ нимъ и принимали его гостей. Этотъ визитъ мы скромно сдѣлали передъ обѣдомъ; я безъ всякаго удовольствія вошла въ гостиную, гдѣ г-жа Pénault и ея дочь приняли насъ, правда, очень любезно, но съ тономъ нѣкотораго превосходства. Манеры моей матери, самый характеръ мой, который обнаруживался подъ внѣшнимъ видомъ моей застѣнчивости, проистекавшей отъ сознанія достоинства и опасенія не быть оцѣненной, почти не позволяли однако проявлять этого превосходства; мнѣ дѣлали комплименты, которые мнѣ мало льстили и на которые я отвѣчала съ нѣкоторымъ лукавствомъ, когда какіе-то паразиты, кавалеры креста Святаго Людовика, всегда слоняющіеся у богатыхъ, какъ тѣни на берегахъ Ахерона, стремились прибавить къ нимъ и свою лепту.

Нѣсколько дней спустя эти дамы не преминули отдать намъ нашъ визитъ; ихъ сопровождало общество, гостившее въ замкѣ; визитъ въ Fontenay былъ избранъ цѣлью прогулки: я тогда была любезнѣе и съумѣла выразить въ своемъ пріемѣ тотъ оттѣнокъ скромной и исполненной достоинства учтивости, которая возстановляла равновѣсіе. Г-жа Pénault однажды пригласила насъ къ обѣду; я никогда не была болѣе удивлена, чѣмъ когда узнала, что приглашала она насъ не къ себѣ, а въ людскую (office). Я прекрасно сознавала, что такъ какъ г-нъ Besnard прежде служилъ тамъ, я не должна была, изъ уваженія къ нему, казаться недовольной тѣмъ, что нахожусь въ ней; но мнѣ также казалось, что г-жа Pénault могла иначе распорядиться и избавить насъ

Digitized by Google

отъ этой неучтивой любезности. Моя бабушка также смотрѣла на это; но чтобы избѣгнуть всякаго столкновенія, мы приняли приглашеніе. Эти второстепеныя божества были для меня новымъ зрѣлищемъ; я не представляла себѣ, что такое горничныя, разыгрывающія роль знатныхъ дамъ. Онѣ принарядились, чтобы принять насъ, и подражаніе было дѣйствительно вѣрное. Туалетъ, манеры, ужимки, ничто не было забыто. Еще свѣжіе, обноски ихъ барынь придавали ихъ наряду великолѣпіе, котораго бы не позволили себѣ честные буржуа; каррикатура хорошаго тона придавала имъ нѣкоторое щегольство, столь же чуждое буржуазной скромности, какъ и артистическому вкусу; тѣмъ не менѣе болтовня и манеры могли бы ввести въ заблужденіе провинціаловъ. У мужчинъ было хуже: шпага г-на дворецкаго, ухаживанье г-на повара, любезности и блестящее платье господъ камердинеровъ не могли искупить ихъ неловкихъ манеръ, замѣшательства рѣчи, когда они хотѣли, чтобы она казалась изящной, или тривіальности выраженій, когда они забывали наблюдать за собой. Разговоръ вертѣлся на маркизахъ, графахъ, финансистахъ, титулы, состояніе, связи которыхъ, казалось, были почетомъ, богатствомъ и дѣломъ тѣхъ, кто о нихъ толковалъ. Остатки съ господскаго стола вновь появлялись за этимъ вторымъ столомъ въ порядкѣ и чистотѣ, производившихъ иллюзію свѣжаго изготовленія, и въ такомъ изобиліи, что остатковъ должно было хватить для третьяго стола, людского въ собственномъ смыслѣ, — лица за вторымъ столомъ, назывались служащими (officiers). Послѣ обѣда слѣдовала игра въ карты по большой—обыкновенная партія этихъ дѣвицъ, которыя не пропускали безъ игры ни одного дня. Я увидѣла новый міръ, гдѣ нашла повтореніе предразсудковъ, пороковъ и глупости другого свѣта, который совсѣмъ не былъ лучше его, хотя и казался болѣе блестящимъ. Я тысячу разъ слышала разсказы о происхожденіи стараго Haudry, пріѣхавшаго въ Парижъ изъ деревни; ему удалось собрать милліоны на счетъ общества, выдать свою дочь за Montule, своихъ внучекъ за маркиза Duchillau и за графа Turpin, и оставить сына своего наслѣдникомъ своихъ богатствъ. Я вспомнила остроту Монтескье, что финансисты также поддерживаютъ государства, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго. Я понимала, что ростовщики, находившіе возможность обогащаться до такой степени и пользоваться своимъ богатствомъ для заключенія связей съ семействами, которыхъ политика дворовъ считала необходимыми для блеска королевства и полезными для его охраны, могли появиться лишь при плохомъ строѣ и среди очень испорченнаго народа. Я не знала, что существуетъ еще болѣе ужасный порядокъ и еще болѣе гнусная

Digitized by Google

испорченность; но кто могъ себѣ это представить? Всѣ философы въ этомъ также обманулись, какъ я.

По воскресеньямъ въ Soucy танцовали подъ открытымъ небомъ, подъ сѣнью деревьевъ; здѣсь удовольствіе сглаживало большую часть сословныхъ различій, а какъ только дѣло касалось проявленія личнаго достоинства, я не боялась, что не съумѣю занять подобающаго мнѣ мѣста. Вновь прибывшіе шепотомъ спрашивали другъ у друга, кто я такая, но я никому не давала насытиться моимъ присутствіемъ; и повеселившись въ теченіе одного часа, я скрывалась отъ любопытныхъ и удалялась со своими родителями на прогулку, тихими мгновеніями которой я бы не пожертвовала ради шумнаго, но всегда безсмысленнаго для моего сердца удовольствія такого рода пріемовъ. Я иногда видала Haudry, еще молодого, разыгрывавшаго изъ себя вельможу, дававшаго волю своимъ фантазіямъ, желавшаго казаться великодушнымъ и благороднымъ; онъ начиналъ внушать безпокойство своей семьѣ; его безрасудство съ куртизанкой Laguerre подготовляло его разореніе: его жалѣли, какъ вѣтренника, но не осуждали, какъ негодяя; это былъ баловень счастья, который, не родись онъ богатымъ, несомнѣнно былъ бы гораздо лучше. Смуглый въ лицѣ, съ поднятой головой, покровительственными манерами, милостивымъ видомъ, онъ, можетъ быть, былъ любезенъ съ тѣми, которыхъ считалъ своими равными: но я очень не любила встрѣчаться съ нимъ, и его присутствіе всегда заставляло меня принимать очень гордый и важный видъ.

Въ прошломъ году, выходя изъ той красивой столовой, которую элегантный Calonne устроилъ въ домѣ главной контрольной палаты, позже занятомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, я встрѣтила во второй пріемной человѣка высокаго роста, съ сѣдыми волосами, приличнымъ видомъ, который почтительно заговорилъ со мной.—„Сударыня, я надѣялся, что мнѣ удастся поговорить съ министромъ, когда онъ встанетъ изъ за стола; мнѣ нужно побесѣдовать съ нимъ.“—„Милостивый Государь, вы сейчасъ увидите его, его задержали въ сосѣдней комнатѣ, но онъ сейчасъ пройдетъ мимо“. Я поклонилась и продолжала свой путь, чтобы вернуться къ себѣ въ комнату. Нѣкоторое время спустя туда явился Роланъ; я спрашиваю его, не видѣлъ ли онъ господина, примѣты котораго я ему описываю, повидимому боявшагося, что не встрѣтится съ нимъ. „Да, это г-нъ Haudry“.—Какъ, бывшій генеральный откупщикъ, промотавшій такое большое состояніе?—„Онъ самый“.—Какое у него дѣло до министра внутреннихъ дѣлъ?—„Онъ имѣетъ съ нимъ сношенія по дѣламъ Севрской фабрики, во главѣ которой онъ поставленъ“. Какая игра случая! Новый поводъ для размышленій; мнѣ уже представлялся большой поводъ къ этому, когда я въ

Digitized by Google

первый разъ вошла въ комнаты, въ которыхъ жила г-жа Неккеръ въ дни своей славы; я ихъ занимаю вторично, и онѣ тѣмъ вѣрнѣе свидѣтельствуютъ о превратности человѣческихъ дѣлъ; но по крайней мѣрѣ несчастія никогда не застигнутъ меня врасплохъ. Дѣло было въ октябрѣ мѣсяцѣ; Дантонъ доставлялъ мнѣ извѣстность, стараясь умалить достоинства моего мужа, и тайно сплеталъ клевету, посредствомъ которой хотѣлъ уничтожить насъ обоихъ. Я не подозрѣвала его намѣреній, но знала ходъ событій въ революціяхъ; я стремилась лишь сохранить чистоту души и честь своего мужа незапятнанной; я отлично знала, что честолюбіе такого рода рѣдко приводитъ къ инымъ результатамъ. Мое желаніе исполнено: Роланъ, преслѣдуемый, изгнанный, не умретъ въ потомствѣ; я заключена въ тюрьму и вѣроятно погибну жертвой; моя совѣсть замѣняетъ для меня все. Со мной случится тоже, что съ Соломономъ, который просилъ лишь мудрости и получилъ еще другія блага; я желала лишь мира праведныхъ, и буду отчасти жить среди будущихъ поколѣній. Но покамѣстъ возвратимся въ Fontenay.

Маленькая библіотека моихъ родныхъ доставляла тамъ еще нѣкорое развлеченіе; я нашла въ ней всего Пуффендорфа, всеобщая исторія котораго, вѣроятно, скучна; болѣе интересны для меня были его „Обязаности человѣка и гражданина“; я нашла также „Ферму“ и различныя сочиненія по земледѣлію и хозяйству, которыя я читала за неимѣніемъ другихъ, потому что я всегда должна была учиться чему-нибудь; нашла хорошенькія мелкія стихотворенія, сочиненныя Берни, когда онъ не драпировался въ тогу римлянина, „Жизнь Кромвеля“ и тысячу другихъ разнообразныхъ вещей. Я считаю нужнымъ отмѣтить, что среди массы книгъ, побывавшихъ въ моихъ рукахъ благодаря случайностямъ или обстоятельствамъ, на которыя я вскользь указываю, когда мѣстности или люди напоминаютъ мнѣ объ нихъ, — еще нѣтъ Руссо: это потому, что я дѣйствительно прочла его очень поздно и хорошо сдѣлала: онъ бы свелъ меня съума, я бы не захотѣла читать никого другого, онъ, можетъ быть, и такъ уже слишкомъ, если можно такъ выразиться, усилилъ мои слабости. Я имѣю основаніе предполагать, что мать моя приложила нѣкоторое стараніе, чтобы отстранить его отъ меня; но такъ какъ имя его для меня было небезъизвѣстно, я искала его произведеній; но къ тому времени когда я потеряла свою мать, я знала изъ нихъ лишь его „Lettres de la montagne“ и его письмо къ Христофору де-Бомонъ, хотя прочла уже всего Вольтера, и Boulanger, и маркиза Argens, и Гельвеція, и много другихъ философовъ и критиковъ. Моя чудная мать, которая знала, что нужно было дать мнѣ упражнять свой умъ, вѣроятно, не находила большого неудобства въ томъ, чтобы я серьезно изучала философію, даже съ

Digitized by Google

рискомъ нѣкоторой утраты вѣры; но она по всѣмъ вѣроятностямъ считала, что не слѣдовало увлекать мое чувствительное сердце, слишкомъ склонное предаваться страсти! Ахъ, Боже мой! сколько безполезныхъ стараній уйти отъ своей судьбы! Та же мысль руководила ею, когда она помѣшала мнѣ предаться живописи; она же опять заставила ее воспрепятствовать моимъ урокамъ на клавесинѣ, несмотря на великолѣпнѣйшій случай для этого. Сосѣдство доставило намъ знакомство аббата Jeauket, нѣмца по происхожденію, страстнаго музыканта, уродливаго, какъ смертный грѣхъ, добряка, любителя покушать: онъ родился въ окрестностяхъ Праги, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Вѣнѣ, состоя при придворныхъ вельможахъ, и далъ нѣсколько уроковъ Маріи Антуанетѣ. Обстоятельства привели его въ Лиссабонъ; въ концѣ концовъ онъ поселился въ Парижѣ, чтобы въ независимости проживать здѣсь свою пенсію, составлявшую его небольшое состояніе. Онъ очень хотѣлъ, чтобы мать моя позволила ему давать мнѣ уроки на фортепьяно. Онъ увѣрялъ, что пальцы мои и моя голова скоро сильно двинули бы меня впередъ, и что я не премину посвятить себя композиціи. „Какая жалость, говорилъ онъ, брянчать на гитарѣ, когда обладаешь способностью сочинять и исполнять прекрасныя вещи на лучшемъ изъ инструментовъ!“ Этотъ энтузіазмъ и многократныя просьбы, даже мольбы его не были въ состояніи сломить мою мать; что касается до меня, то всегда готовая воспользоваться тѣмъ, чему мнѣ позволяли учиться, я однако привыкла почитать рѣшенія моей матери, также какъ страстно любить ее самое, и никогда ни о чемъ не просила: къ тому же ученіе вообще открывало передо мною такое широкое поприще, что томленіе праздности было для меня незнакомо. Я часто говорила себѣ: когда настанетъ мой чередъ быть матерью, я буду имѣть возможность употребить въ дѣло то, что я пріобрѣту; мнѣ уже нельзя будетъ болѣе учиться,—и я спѣшила пользоваться своимъ временемъ, боясь утерять изъ него минуту. Аббатъ Jeauket отъ времени до времени встрѣчался съ людьми хорошаго общества; и когда онъ ихъ собиралъ у себя, онъ спѣшилъ пригласить и насъ: я такимъ образомъ видѣла въ числѣ лицъ, о которыхъ стоитъ вспоминать, ученаго Roussier, честнаго d'Odimont; но я не забыла дерзкаго Paradelle и г-жу de-Puisieux. Этотъ Paradelle, рослый дѣтина, одѣтый аббатомъ, хлыщъ и врунъ, болѣе чѣмъ какой бы то ни было дуракъ, котораго я когда-либо встрѣчала, увѣрялъ, будто онъ въ теченіе 20 лѣтъ разъѣзжалъ въ собственной каретѣ по улицамъ Ліона, и въ то-же время, чтобы не умереть съ голоду въ Парижѣ, давалъ уроки итальянскаго языка, котораго онъ вовсе не зналъ. Г-жа de Puisieux, слывшая за автора „Caractères“, вышедшихъ подъ ея именемъ, сохраняла въ 60 лѣтъ, со сгорбленной спиной и беззубымъ ртомъ,

Digitized by Google

ужимки и претензіи, аффектація которыхъ не прощается даже въ молодости. Я воображала, что женщина-авторъ должна была быть очень почтенною личностью, особенно если она писала о морали. Слабости г-жи de Puisieux заставили меня призадуматься, въ ея разговорѣ проявлялось столь же мало остроумія, сколь мало въ странностяхъ ея проглядывало здраваго смысла; я поняла, что можно искусственно показывать умъ другимъ, безъ того, чтобы пользоваться имъ для самого себя, и что мужчины, насмѣхавшіеся надъ женщинами-писательницами, можетъ быть, ошибались лишь въ томъ, что приписывали исключительно имъ то, въ чемъ сами грѣшили. Такимъ образомъ я умѣла при всемъ сосредоточенномъ образѣ жизни пополнять свой запасъ наблюденій; я жила въ уединеніи, но въ близкомъ соприкосновеніи со свѣтомъ, такъ что могла видѣть много вещей и не быть поглощенной ни одною изъ нихъ. Концерты г-жи l'Épine открыли мнѣ новую точку зрѣнія. Я уже упоминала о томъ, что l'Épine былъ ученикомъ Пигалля, у котораго онъ былъ правой рукой; онъ женился въ Римѣ на женщинѣ, которая, какъ я предполагаю, была пѣвицей и къ которой семья его отнеслась сперва непріязненно; но она доказала своимъ поведеніемъ, что это пренебреженіе было несправедливо. Она организовала у себя концерты любителей, составленные изъ искусныхъ исполнителей, на которые она допускала лишь то, что она называла хорошимъ обществомъ: концерты происходили по четвергамъ; моя мать довольно часто водила меня туда. Тамъ я слышала Jarnewick, Saint-George, Duport, Guérin и многихъ другихъ; тамъ я видѣла умниковъ обоихъ половъ,—дѣвицу de Morville, г-жу Benoît, Sylvain Maréchal, и т. д., дерзкихъ баронессъ и хорошенькихъ аббатовъ, старыхъ кавалеровъ и молодыхъ птенцовъ. Какой забавный калейдоскопъ! Квартира г-жи l'Épine на улицѣ „Neuve-Saint-Eustache" не была очень красива; концертная зала была немного тѣсна, но сообщалась съ другой комнатой, большія двери которой оставались раскрытыми; тамъ, разсаженныя въ полукругъ, мы пользовались двойнымъ преимуществомъ слышать музыку, видѣть актеровъ и разговаривать во время антрактовъ. Всегда около матери своей, въ молчаніи, предписанномъ приличіемъ для молодыхъ дѣвушекъ, я вся превращалась въ зрѣніе и слухъ; но когда намъ случалось быть наединѣ съ г-жею l'Épine, я предлагала нѣкоторые вопросы, и отвѣты ея разъясняли мои наблюденія.

Эта дама однажды предложила моей матери отправиться на одинъ прелестный вечеръ, имѣвшій мѣсто у одного умнаго человѣка, съ которымъ мы иногда у нея встрѣчались: тамъ собирались просвѣщенные люди, изящныя женщины; тамъ занимались интересными чтеніями; это дѣйствительно было очаровательно! Приглашеніе было

Digitized by Google

повторено, прежде чѣмъ мы приняли его: „Посмотримъ-ка, сказала я мамѣ; я начинаю достаточно понимать свѣтъ, чтобы предположить, что это должно быть или очень мило, или очень смѣшно; и если справедливо послѣднее предположеніе, у насъ во всякомъ случаѣ будетъ поводъ позабавиться лишній разъ". Рѣшили отправиться на вечеръ. Литературные вечера г-на Vâse происходили по средамъ; мы отправились къ нему, къ заставѣ Темпля, съ г-жею l'Épine; поднялись на 3-й этажъ; входимъ въ довольно большую комнату, имѣвшую только самую необходимую мебель: соломенные стулья, тѣсно разставленные рядами, поджидали зрителей и начинали наполняться; сальныя свѣчи въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, чрезвычайно грязныхъ, освѣщали это пристанище, странная простота котораго не противорѣчила философской строгости и бѣдности ученаго человѣка. Нарядныя женщины, дѣвушки, нѣсколько вдовъ, много поэтиковъ, любопытные или интриганы составляли общество.

Хозяинъ дома, сидя за столомъ, замѣнявшемъ бюро, открылъ засѣданіе чтеніемъ стихотворенія собственнаго сочиненія; оно имѣло предметомъ хорошенькаго маленькаго сапажу, котораго маркиза de Préville всегда носила въ своей муфтѣ, и котораго она показала всему обществу; она присутствовала при чтеніи, и сочла нужнымъ представить радушнымъ взорамъ всѣхъ героя стихотворенія. Криками браво и рукоплесканіями привѣтствовали вдохновеніе г-на Vâse, который, очень довольный самимъ собою, хотѣлъ уступить свое мѣсто г-ну Delpêches, кажется, сочинявшему для театра Одино маленькія комическія драмы, по поводу которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться съ обществомъ, т.-е. выслушивать его хвалебное поощреніе; но ему что то помѣшало въ этотъ день,—не знаю, болѣло ли у него горло или недоставало въ нѣкоторыхъ сценахъ нѣсколькихъ стиховъ. Поэтому предсѣдательское мѣсто занялъ Imbert, авторъ „Jugement de Pâris"; онъ прочиталъ маленькую бездѣлицу, тотчасъ же превознесенную до небесъ. Награда ждала его тутъ же: дѣвица de la Cossonnière начала послѣ него читать „Adieux à Colin"; стихотвореніе было если не очень остроумно, то по крайней мѣрѣ довольно нѣжно. Тотчасъ-же узнали, что оно относилось къ Imbert, отправлявшемуся путешествовать; комплименты посыпались въ изобиліи; Imbert расплатился со своей музой и съ самимъ собой, перецѣловавъ всѣхъ присутствующихъ женщинъ. Эта вольная и веселая, хотя и приличная церемонія, совсѣмъ не понравилась моей матери и показалась мнѣ такой странной, что привела меня въ замѣшательство. Послѣ какой то эпиграммы или неважнаго четверостишія, одинъ чрезвычайно напыщенный господинъ прочелъ хвалебные стихи въ честь г-жи Benoît. Она присутствовала; нужно сказать нѣсколько словъ о

Digitized by Google

ней для тѣхъ, кто не читалъ ея романовъ, которые были уже забыты задолго до революціи и на которыхъ будутъ покоиться груды пепла, когда найдутъ мои мемуары.

Альбина родилась въ Ліонѣ, какъ я прочла въ „Исторіи знаменитыхъ французскихъ женщинъ", составленной обществомъ литераторовъ,—исторіи, гдѣ я къ своему великому удивленію нашла женщинъ, которыхъ встрѣчала въ свѣтѣ, какъ г-жу Benoît, г-жу de-Puisieux, г-жу Champion и другихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, можетъ быть, еще живы въ настоящую минуту или покинули земную жизнь лишь немного лѣтъ тому назадъ. Она была замужемъ за художникомъ Benoît и вмѣстѣ съ нимъ побывала въ Римѣ, гдѣ удостоилась быть избранной въ „Academie des Arcades"; овдовѣла она недавно и еще носила трауръ по своему мужу; она поселилась въ Парижѣ, гдѣ сочиняла стихи и романы, а иногда являлась въ послѣднихъ дѣйствующимъ лицомъ; она позволяла у себя играть въ карты и бывала у знатныхъ дамъ, платившихъ ей денежными подарками или тряпками за удовольствіе имѣть за своимъ столомъ ученую женщину.

Г-жа Benoît была когда то красива; уходъ за своею наружностью и желаніе нравиться, сохранившіеся за предѣлами возраста, обезпечивающаго имъ успѣхъ, доставляли ей еще нѣкоторыя побѣды. Глаза ея съ такой страстью молили о нихъ, ея всегда обнаженная грудь такъ сильно трепетала, чтобъ ихъ одержать, что нужно же было удовлетворить откровенному желанію и воспользоваться легкостью исполнить его, что впрочемъ для мужчинъ не составляетъ особеннаго труда, разъ отъ нихъ не требуютъ постоянства. Откровенно-сладострастный видъ г-жи Benoît былъ для меня совершенною новостью; я видѣла на прогулкахъ тѣхъ жрицъ удовольствія, неприличное поведеніе которыхъ оскорбительнымъ образомъ указывало на ихъ профессію; тутъ былъ другой оттѣнокъ; меня неменѣе удивила та поэтическая лесть, которую передъ ней расточали, и выраженія: мудрая Benoît, цѣломудренная Benoît, нѣсколько разъ повторявшіяся въ этомъ стихотвореніи и заставлявшія ее отъ времени до времени прикрывать глаза скромнымъ вѣеромъ, между тѣмъ какъ нѣсколько мужчинъ съ восторгомъ рукоплескали похваламъ, которыя они, вѣроятно, считали умѣстными. Я вспомнила то, что узнала изъ книгъ о волокитствѣ, то, что нравы вѣка и развратъ двора должны были къ этому прибавить сердечной испорченности и умственной извращенности; я видѣла изнѣженныхъ мужчинъ, расточавшихъ свой восторгъ передъ легкомысленными стихотвореніями, передъ пустыми талантами, передъ страстью плѣнить ихъ всѣхъ, вѣроятно, не любя никого, такъ какъ тотъ, кто посвящаетъ себя счастью любимаго предмета, не расточаетъ себя взорамъ толпы. Я чувствовала припадокъ отвращенія и ненависти къ людямъ среди предметовъ, подстрекавшихъ мое во-

Digitized by Google

ображеніе и, полная такой меланхоліи, возвращалась въ свое уединеніе. Мы больше не были у г-на Vâse; съ меня довольно было одного раза, а лобзанія Имбера и похвальныя рѣчи въ честь г-жи Benoît вылѣчили бы мою мать отъ желанія возить меня туда. Мы также, несмотря на приглашенія и связи, часто предлагаемыя намъ, благодаря любезности г-жи l'Épine, не бывали больше на концертахъ барона de Back, очень пріятныхъ, но порой также очень скучныхъ вслѣдствіе претензій этого меломана. Также рѣдко мы посѣщали концерты, чрезвычайно многочисленные, извѣстные подъ именемъ любительскихъ. Мы были тамъ одинъ разъ, въ сопровожденіи нѣкоего г-на Boyard de Creusy, сочинившаго для своей забавы методику для гитары, одинъ экземпляръ которой онъ испросилъ у матери моей позволеніе преподнести мнѣ. У него были чрезвычайно приличныя манеры; я упоминаю о немъ, какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ достаточно ума, чтобъ понять, что въ положеніи, которое толпа продолжаетъ еще считать высокимъ, я съ удовольствіемъ встрѣчусь съ людьми, которые знали меня въ молодости. Онъ явился ко мнѣ съ визитомъ, когда я жила въ министерствѣ, и мой пріемъ вѣроятно показалъ ему, что я цѣнила и любила воспоминаніе о времени, которымъ я могу гордиться такъ же, какъ и всѣми другими эпохами моей жизни.

Съ театрами было еще гораздо хуже; мать моя никогда не посѣщала ихъ; при жизни ея меня повели одинъ только разъ въ оперу и одинъ разъ въ „Théatre Français"; мнѣ было тогда 16 или 17 лѣтъ. Ни въ музыкѣ, ни еще гораздо менѣе въ драматическомъ дѣйствіи „Союзъ любви и искусствъ" Floquet не далъ мнѣ ничего такого, что способно было бы создать иллюзію или поддержать представленіе, которое я себѣ составила о чарующихъ зрѣлищахъ; холодность сюжета, несвязность сценъ, неприличіе балета мнѣ не понравились; костюмы танцоровъ меня шокировали еще болѣе; они еще носили „paniers",—я никогда не видѣла ничего болѣе смѣшного; поэтому критика чудесъ оперы Пирона мнѣ казалась гораздо выше самого этого зрѣлища. Я видѣла въ „Français" „Шотландку"; это также не очень способно было восхитить меня, одна лишь игра Dumesnil привела меня въ восторгъ. Моему отцу иногда приходила фантазія водить меня въ нѣкоторые ярмарочные театры; ихъ посредственность была мнѣ противна. Я слѣдовательно была предохранена отъ пристрастія къ остроумію, точно такъ, какъ спартанскія дѣти были предохранены отъ пьянства, благодаря зрѣлищу его излишествъ; и мое воображеніе не подверглось великимъ потрясеніямъ, которыя могло произвести въ немъ увлеченіе театромъ, еслибъ я присутствовала на самыхъ лучшихъ представленіяхъ; то, что я видѣла въ немъ, заставляло меня удовлет-

Digitized by Google

вориться чтеніемъ образцовыхъ произведеній великихъ писателей на дому и наслаждаться на досугѣ всѣми ихъ красотами.

Одинъ молодой человѣкъ, очень усердный посѣтитель концертовъ г-жи Г'Epine, вздумалъ приходить къ мой матери освѣдомляться отъ имени г-жи Г'Epine о нашемъ здоровьѣ, когда нѣсколько продолжительное отсутствіе могло дать поводъ предположить, что оно, можетъ быть, измѣнило намъ. Приличный видъ, пріятная живость, умъ и особенно рѣдкость визитовъ заставляли прощать эту маленькую уловку, довольно искусно придуманную для того, чтобы быть принятымъ въ домѣ; и наконецъ la Blancherie отважился сдѣлать предложеніе. Но такъ какъ я дошла здѣсь до исторіи жениховъ, то нужно пропустить ихъ передъ нами толпой, милое выраженіе, могущее быть выставленное въ видѣ даты на моихъ запискахъ и напомнить о славныхъ дняхъ, когда всѣмъ располагаютъ гуртомъ, вопреки самому великому раздѣленію вкусовъ и желаній. Читатель не забылъ еще испанскаго великана съ руками Исава, г-на Mignard, столь любезнаго, имя котораго представляло забавный контрастъ съ его наружностью. Послѣ того, какъ онъ самъ признался, что ничему больше не можетъ научить меня на гитарѣ, онъ попросилъ позволенія иногда приходить слушать меня; онъ являлся въ чрезвычайно рѣдкіе промежутки и никогда не могъ застать насъ дома. Гордясь талантомъ своей молодой ученицы, считая его своимъ созданіемъ и основывая на этомъ извѣстное право или извиненіе, онъ объявилъ себя дворяниномъ изъ Малаги, котораго несчастья заставили искать заработка въ своемъ знаніи музыки, началъ съ того, что потерялъ голову, и кончилъ тѣмъ, что сталъ говорить вздоръ, чтобы оправдать себя передъ самимъ собой за свои претензіи, послѣ чего рѣшилъ прислать ко мнѣ просить моей руки, не имѣя однако мужества объясниться лично. Такъ какъ увѣщанія лица, которому онъ далъ это порученіе, не въ состоянія было перемѣнить его намѣренія, оно было исполнено; изъ этого воспослѣдовала просьба прекратить свои посѣщенія въ нашемъ домѣ, съ присовокупленіемъ любезностей, которыя обязательно оказывать несчастнымъ. Я узнала о происшедшемъ благодаря шуткамъ моего отца, который любилъ разговаривать со мной о просьбахъ, съ которыми къ нему обращались по поводу меня; и такъ какъ онъ былъ немного тщеславенъ, то не щадилъ людей, въ которыхъ было что нибудь смѣшное. Бѣдный Mozon овдовѣлъ; онъ далъ себѣ вырѣзать маленькую шишку, украшеніе его лѣвой щеки; онъ намѣревался завести кабріолетъ; мнѣ было 15 лѣтъ; его снова пригласили, чтобы усовершенствовать меня; его воображеніе воспламенилось; онъ высоко ставилъ свое искусство; онъ счелъ бы Marcel очень благоразумнымъ: всѣ артисты равны, почему бы не вступить въ число искателей? Онъ

Digitized by Google

поручилъ передать о своей просьбѣ, и получилъ отказъ, также какъ и Mignard.

Съ той минуты, когда дѣвушка достигаетъ возраста, возвѣщающаго объ ея развитіи, рой жениховъ преслѣдуетъ ея шаги, словно рой пчелъ, жужжащихъ вокругъ только что распустившагося цвѣтка.

Воспитанная строгимъ образомъ и живя чрезвычайно уединенно, я могла быть предметомъ лишь серьезныхъ видовъ, и почтенный характеръ моей матери, вѣроятность нѣкотораго состоянія, права единственной дочери, — все это могло сдѣлать эти виды очень соблазнительными для многихъ людей.

Женихи явились толпой, и такъ какъ было трудно получить доступъ въ нашъ домъ, большинство ихъ рѣшалось писать моимъ родителямъ: мой отецъ всегда приносилъ мнѣ письма этого рода. Совершенно независимо отъ указаній на положеніе и состояніе, способъ ихъ изложенія прежде всего оказывалъ вліяніе на мое мнѣніе; я брала на себя набрасывать черновую отвѣта, которую мой отецъ очень точно списывалъ; я заставляла его писать всѣмъ просителямъ отказы съ достоинствомъ, не оставляя надежды, но и не обижая. Такимъ образомъ было поступлено по очереди со всею молодежью моего квартала; мнѣ не стоило труда сдѣлать такъ, чтобы мои отвѣты понравились большинству. Мой отецъ принималъ во вниманіе одно лишь богатство и имѣлъ для меня претензіи: такъ напр. тотъ, кто слишкомъ еще недавно началъ вести самостоятельное дѣло и чье имущество въ настоящемъ или надежды на будущее не обезпечивали большаго достатка, не получалъ его одобренія; но если только эти свѣдѣнія оказывались благопріятными, его огорчало, что я не хотѣла давать согласія; здѣсь начали возникать между моимъ отцомъ и мной разногласія, которыя современемъ лишь увеличивались. Онъ любилъ и уважалъ торговлю, такъ какъ смотрѣлъ на нее, какъ на источникъ богатства; я ее ненавидѣла, потому что въ моихъ глазахъ она была источникомъ корыстолюбія и мошенничества.

Мой отецъ прекрасно понималъ, что мнѣ не могли нравиться люди, причастные къ мастерству въ собственномъ смыслѣ, и его самолюбіе также не позволило бы ему объ этомъ подумать, но онъ не понималъ, чтобъ изящный ювелиръ, имѣющій дѣло лишь съ красивыми вещами, доставляющими ему большіе барыши, не могъ быть для меня приличной партіей, когда онъ владѣлъ торговымъ домомъ, уже имѣющимъ прочное существованіе и блестящее будущее. Однако ювелиръ, также какъ и мелочной торговецъ, котораго онъ считаетъ ниже себя, и богатый торговецъ сукнами, считающій себя выше ихъ всѣхъ, казался мнѣ всецѣло погруженнымъ въ жажду золота, въ разсчеты наживы и хитрости для умноженія спо-

Digitized by Google

собовъ пріобрѣтенія; онъ чуждъ высокимъ идеямъ, утонченнымъ чувствамъ, которыми для меня была дорога жизнь.

Занятая съ дѣтства размышленіями объ отношеніяхъ человѣка въ обществѣ, воспитанная въ самыхъ чистыхъ правилахъ нравственности, знакомая съ великими примѣрами, неужели я для того лишь жила съ Плутархомъ и со всѣми философами, чтобы сочетаться бракомъ съ купцомъ, который относительно всего думалъ и чувствовалъ бы иначе чѣмъ я!..

Какъ я уже упоминала, моя разумная мать хотѣла, чтобы я чувствовала себя также на мѣстѣ на кухнѣ, какъ и въ гостиной, на рынкѣ, какъ и на прогулкѣ; я еще сопровождала ее, по возвращеніи моемъ изъ монастыря, когда она сама (а это случалось довольно часто) дѣлала закупки по хозяйству, и въ концѣ концовъ она иногда поручала мнѣ дѣлать ихъ одной, посылая меня съ прислугой. Мясникъ, у котораго она покупала, потерялъ вторую жену, онъ былъ еще молодъ и имѣлъ состояніе въ 50 тыс. экю, которое онъ собирался еще увеличить; я совсѣмъ не знала объ этихъ подробностяхъ, но замѣчала, что мнѣ хорошо прислуживали, оказывая множество любезностей, и очень удивлялась, встрѣчая этого человѣка на прогулкѣ, гдѣ мы бывали по воскресеньямъ, и куда онъ часто являлся въ красивомъ черномъ фракѣ и тонкихъ кружевахъ и низко кланялся моей матери, но не подходилъ къ ней. Такъ продолжалось цѣлое лѣто; я захворала; мясникъ каждое утро присылалъ узнавать о томъ, чего мы могли пожелать, и предложить предметы, которыми торговалъ: это чрезвычайно опредѣленное ухаживаніе начинало смѣшить моего отца и, желая позабавиться, онъ привелъ ко мнѣ нѣкую дѣвицу Michon, особу серьезную и набожную, въ тотъ день, когда она очень торжественно явилась сдѣлать отъ имени мясника предложеніе. „Вы знаете, дочь моя,—сказалъ онъ мнѣ серьезно,—что я принципіально не хочу стѣснять вашихъ привязанностей; вотъ предложеніе, съ которымъ ко мнѣ обратились для васъ“. И онъ повторилъ то, что дѣвица Michon передала ему. Я прикусила губы, немного обиженная тѣмъ, что веселое настроеніе моего отца взваливало на меня отвѣтъ, который онъ долженъ былъ бы дать за меня самъ. „Вы знаете, отецъ мой, отвѣчала я ему, передразнивая его, что я себя чувствую очень счастливой въ настоящемъ своемъ положеніи, и что я твердо рѣшилась не мѣнять его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; вы можете, согласно съ этимъ намѣреніемъ, рѣшить то, что сочтете нужнымъ“,—и я удалилась. „Но, право,—сказалъ мнѣ позже отецъ мой наединѣ,—эта причина, которую ты сочинила,—это отличный способъ удалять всѣхъ“. — „Этимъ общимъ мѣстомъ, вполнѣ приличнымъ въ устахъ молодой дѣвушки, я отплатила вамъ за вашу шутку, папа, и предоста-

Digitized by Google

вила вамъ взять на себя обязанность формальнаго отказа, которую не должна была брать на себя".—„Ты отлично выпуталась изъ затрудненія; но скажи мнѣ, что для тебя будетъ приличной партіей".—„То, для для чего вы меня воспитали, пріучивъ думать и развивъ привычку къ занятіямъ: я не знаю, кто тотъ человѣкъ, которому я отдамся; но это будетъ лишь тотъ, съ кѣмъ я смогу объясняться и дѣлиться своими чувствами также, какъ и своими мыслями".—„Среди купцовъ бываютъ люди вѣжливые и образованные".—"Да, но не въ томъ родѣ, къ какому я привыкла: ихъ любезность заключается въ нѣсколькихъ фразахъ и поклонахъ; ихъ знанія всегда имѣютъ отношеніе къ денежному сундуку и нисколько не помогли бы мнѣ воспитывать моихъ дѣтей".—„Ты бы ихъ воспитывала сама".—„Этотъ трудъ показался бы мнѣ тяжелымъ, еслибъ его не раздѣлялъ со мной тотъ, кто произвелъ ихъ на свѣтъ".—„Неужели ты думаешь, что жена Lempereur не счастлива? они только что бросили торговлю; они покупаютъ важныя должности; они живутъ роскошно и принимаютъ у себя хорошее общество".—„Я не судья чужого счастья, и не полагаю свое счастье въ богатствѣ; я понимаю супружеское счастье лишь какъ задушевный сердечный союзъ; я могу соединиться лишь съ тѣмъ, кто на меня походитъ, да и то еще нужно, чтобы мой мужъ былъ лучше меня; такъ какъ природа и законъ предоставляютъ ему превосходство, я бы стыдилась его, еслибъ онъ дѣйствительно его не заслуживалъ".—„Тебѣ нуженъ какой-нибудь адвокатъ? Эти кабинетные люди не дѣлаютъ женщинъ очень счастливыми; у нихъ много спѣси и мало денегъ"!—„Но, Господи! папа, я не оцѣниваю людей по ихъ званію, я не говорю вамъ, что хочу той или другой профессіи,—я хочу человѣка, котораго бы я могла любить".—„Но если послушать тебя, то такого человѣка нельзя найти среди купцовъ".—„Ахъ!.. мнѣ признаюсь, кажется, что это очень трудно; я не встрѣчала никого среди нихъ, кто бы мнѣ нравился, я имѣю отвращеніе къ этой профессіи".—„Однако, очень пріятно сидѣть спокойно въ своей квартирѣ, въ то время какъ мужъ наживаетъ состояніе. Посмотри на г-жу d'Argens; она также хорошо знаетъ толкъ въ бриллiантахъ, какъ и ея мужъ, она въ его отсутствіе ведетъ переговоры съ маклерами; она также сторговывается съ покупателями; она продолжала бы торговать даже въ томъ случаѣ, еслибы овдовѣла; у нихъ уже значительное состояніе; они принадлежатъ къ товариществу, недавно купившему Bagnolet. Ты умна; ты даже свѣдуща по этой части съ тѣхъ поръ, какъ прочла трактатъ, который у меня есть, о драгоцѣнныхъ камняхъ, ты бы внушала довѣріе, ты дѣлала бы, что хотѣла; твоя жизнь была бы пріятна, если бы ты захотѣла выйти замужъ за Delorme, Dabreil или l'Obligeois"?—„Послушайте, папа, я слишкомъ хорошо знаю, что въ торговлѣ имѣешь

Digitized by Google

успѣхъ, лишь продавая дорого то, что покупаешь по самой дешевой цѣнѣ, лишь очень запрашивая и грабя бѣдныхъ рабочихъ; я никогда не соглашусь на что-либо подобное и не буду уважать того, кто этимъ занимается съ утра до вечера: я же хочу быть честной женщиной; и какъ я могу быть вѣрной человѣку, котораго ни во что не ставлю, даже допустивъ, что могла бы выйти за него замужъ?...— Мнѣ кажется, что приблизительно все равно, продавать ли бриллiанты или пирожки, развѣ только, что послѣднiе продаются по опредѣленной цѣнѣ, что съ ними меньше обманываютъ, но больше пачкаются; я не хочу дѣлать ни того, ни другого".—„Неужели же ты думаешь, что нѣтъ честныхъ людей въ купечествѣ"?—„Я не хочу этого утверждать; но я увѣрена, что ихъ почти совсѣмъ нѣтъ; и еще и честные люди между ними не обладаютъ всѣмъ тѣмъ, чего я ищу въ мужѣ".—„Ты очень требовательна; а если ты не найдешь свою химеру"?—„Умру дѣвушкой".—„Это можетъ оказаться болѣе тяжело, чѣмъ ты думаешь; впрочемъ, у тебя есть еще время объ этомъ подумать: но въ одинъ прекрасный день ты начнешь скучать, толпы уже не будетъ вокругъ тебя,—ты вѣдь знаешь басню"!—„О! я отомщу за несправедливость, лишившую меня счастья, тѣмъ, что постараюсь сдѣлаться достойной послѣдняго". — „Вотъ ты опять въ облакахъ; тамъ хорошо, когда можешь туда подняться, но не такъ то легко тамъ удержаться: помни все-таки, что мнѣ хочется имѣть внуковъ раньше, чѣмъ я слишкомъ состарюсь".

Я бы очень охотно дала вамъ ихъ, подумала я про себя, когда мой отецъ, прекративъ дiалогъ, удалился; но во всякомъ случаѣ я буду ихъ имѣть лишь отъ человѣка, который будетъ ко мнѣ подходить. На меня нападала нѣкоторая меланхолiя, когда я смотрѣла на окружавшихъ меня людей, среди которыхъ я не видѣла никого, кто бы способенъ былъ сойтись со мной во вкусахъ, но продолжалось это чувство не долго; я чувствовала себя счастливой въ настоящемъ и заволакивала будущее смутной надеждой: это было полнотой благополучiя, которое отливаетъ и на будущее, освобождая отъ всякаго безпокойства. „Не на этотъ ли разъ, сударыня? — сказалъ мнѣ однажды мой отецъ съ притворной серьезностью и тѣмъ довольнымъ видомъ, который онъ имѣлъ всегда, когда у него просили моей руки; прочтите это письмо"? Оно было очень хорошо написано по картинности и слогу и вызвало краску на моемъ лицѣ. Господинъ Morizot de Rozain выражался довольно изящно; но онъ обращалъ вниманiе на то, что его фамилiя находилась въ книгѣ дворянскихъ родовъ его провинцiи; а мнѣ казалось достойнымъ фата или неблаговоспитаннымъ хвастаться преимуществомъ, которымъ я не обладала и которое не было основанiя предполагать, чтобы я искала. „И это опять не подлежитъ разсмотрѣнiю,

Digitized by Google

сказала я, качая головой; нужно однако заставить высказаться этого господина; еще одно или два письма, и я узнаю его насквозь и соотвѣтственно съ этимъ напишу отвѣтъ". Всякій разъ, какъ дѣло шло о томъ, чтобы писать, мой отецъ былъ очаровательно послушенъ и охотно списывалъ то, что я писала. Меня забавляло разыгрывать роль отца; я обсуждала свои собственные интересы со всей серьезностью, которой этотъ предметъ заслуживалъ, и писала, какъ бы про себя, въ стилѣ и съ благоразуміемъ отца. Отъ г-на de Rozain получилось до трехъ объяснительныхъ писемъ; я ихъ долго хранила, такъ какъ они были очень хорошо написаны; они доказали мнѣ, что недостаточно еще было одного остроумія, чтобы нравиться мнѣ, если человѣкъ не обладалъ выдающимся умомъ и той душой, которую ничто не можетъ замѣнить и которая не доступна описанію, но тотчасъ же чувствуется. Къ тому же Rozain не имѣлъ ничего, кромѣ званія адвоката; моего же тогдашняго состоянія не могло хватить на двухъ, и онъ не представлялъ совокупности достоинствъ, которыя бы могли заставить преодолѣть это препятствіе.

Объявляя о поголовномъ ополченіи искателей моей руки, я не обѣщала назвать ихъ всѣхъ по имени, и мнѣ это охотно простятъ; я хотѣла лишь показать странность положенія, заставлявшаго свататься ко мнѣ многихъ людей, которыхъ я не всегда даже видала въ лицо, и предоставлявшаго мнѣ свободу самой взвѣшивать, подходила ли ко мнѣ партія и почему. Я правда иногда замѣчала въ церкви или на прогулкѣ новыя лица, наблюдавшія или слѣдовавшія за мной, и говорила про себя: „мнѣ скоро придется писать какой-нибудь отвѣтъ для моего папы!" Но я никогда не видѣла никого, кто бы меня плѣнилъ или произвелъ впечатлѣніе своей наружностью.

Я уже упоминала о томъ, что la Blancherie былъ на столько уменъ, что проникъ въ нашъ домъ и, вѣроятно, почувствовалъ, что прежде, нежели дѣлать предложеніе, слѣдовало постараться понравиться. La Blancherie былъ еще очень молодъ, онъ уже путешествовалъ, много читалъ и даже печатался; его сочиненіе не отличалось большими достоинствами, но въ немъ была нравственная сила и здравыя мысли. Онъ его озаглавилъ: „Выписки изъ моихъ путешествій для поученія отцовъ и матерей". Это очевидно не было слишкомъ скромно, но ему можно было это простить, такъ какъ онъ опирался на очень почтенные авторитеты въ философіи, довольно удачно ссылался на нихъ, и возмущался съ жаромъ честной души холодностью или небрежностью родителей, какъ распространенной причиною разврата, губящаго молодежь. La Blancherie, маленькаго роста, брюнетъ и довольно некрасивый, не плѣнялъ моего воображенія; но его умъ нравился мнѣ и мнѣ казалось, что я сама очень нравлюсь ему.

Digitized by Google

Однажды вечеромъ мы съ моей матерью вернулись отъ дѣдушки и бабушки и застали моего отца въ нѣсколько задумчивомъ настроеніи: „У меня новость, сказалъ онъ, улыбаясь: La Blancherie только что ушелъ, проведя у меня больше двухъ часовъ; онъ открылъ мнѣ свою тайну и такъ какъ она касается васъ, сударыня, то я долженъ сообщить ее вамъ (заключеніе это не было очень строго-логично, но мой отецъ имѣлъ обыкновеніе его выводить). Онъ любитъ тебя и предложилъ мнѣ быть моимъ зятемъ; но у него ничего нѣтъ; и это было-бы безумствомъ, которое я далъ ему почувствовать. Онъ занимается адвокатурой; онъ охотно купилъ-бы какую-нибудь судебную должность, но его законнаго наслѣдія было-бы недостаточно для этого; онъ вообразилъ себѣ, что если-бы онъ нравился намъ, приданое его жены пополнило-бы то, чего ему недостаетъ, и такъ какъ у насъ единственная дочь, то молодая семья могла бы первые годы жить съ нами. Онъ мнѣ наговорилъ по поводу всего этого прекрасныя вещи, отлично укладывающіяся въ молодой головѣ; но для осторожныхъ родителей нужно что-нибудь болѣе надежное. Пусть онъ откроетъ контору или купитъ должность, словомъ пусть онъ составитъ себѣ положеніе, а затѣмъ рѣшимъ; будетъ еще время жениться послѣ этого; было бы нелѣпостью жениться предварительно... Къ тому же еще нужно испытать человѣка; не долго навести основательныя справки; я предпочелъ-бы, чтобы онъ не былъ дворяниномъ, но имѣлъ какія нибудь сорокъ тысячъ экю. Онъ довольно добрый малый: мы долго бесѣдовали; мои доводы его нѣсколько огорчили, но онъ ихъ понялъ; онъ кончилъ тѣмъ, что просилъ меня не отказывать ему отъ дома, и просилъ объ этомъ такъ любезно, что я согласился, лишь-бы онъ не приходилъ чаще, чѣмъ обыкновенно. Я сказалъ ему, что ничего не скажу тебѣ; но такъ какъ ты благоразумна, то я предпочитаю ничего не скрывать отъ тебя“. Нѣсколько вопросовъ моей матери и мудрыхъ размышленій на тему о томъ, что слѣдовало подумать, прежде чѣмъ почувствовать склонность къ кому-бы то ни было, избавили меня отъ необходимости что-либо сказать, но не отъ того, чтобы помечтать.

Разсчетъ моего отца былъ правиленъ, но все же предложеніе молодого человѣка не было безрасудно; я чувствовала желаніе видѣть его и изучать съ бо̀льшимъ интересомъ и любопытствомъ. Случаи къ этому представлялись не часто; прошло нѣсколько мѣсяцевъ; la Blancherie уѣхалъ въ Орлеанъ и я увидѣла его лишь два года спустя. Въ этотъ промежутокъ времени я чуть не вышла замужъ за врача Gardanne; одна наша родственница хлопотала объ этомъ бракѣ. Это была г-жа Desportes; родомъ изъ Прованса, она была замужемъ въ Парижѣ за купцомъ; оставшись очень молодой вдовой съ единственною дочерью, она продолжала вести ту торговлю драгоцѣнными вещами, которую мой отецъ

Digitized by Google

находилъ столь пріятной. Умъ, честность, большая ловкость и прекрасныя манеры снискали ей всеобщее уваженіе; можно было-бы подумать, что она занималась торговлею лишь ради оказанія услугъ обращающимся къ ней лицамъ; не выходя изъ своей квартиры, прекрасно обставленной, гдѣ она принимала приличное общество, въ которомъ иногда бывали тѣ люди, которые дѣлали покупки ради удовлетворенія своей роскоши или моды, она поддерживала свое маленькое состояніе и свой достатокъ, не допуская потерь, но и не увеличивая его. Она была очень преклонныхъ лѣтъ, ей помогала дочь ея, которая, благодаря нѣжной своей привязанности къ ней, отказалась отъ брака, чтобы остаться со своей матерью въ самомъ тѣсномъ союзѣ.

Gardanne былъ землякомъ г-жи Desportes; природный умъ, южная живость, большая подготовка и сильное желаніе имѣть успѣхъ позволяли надѣяться, что этотъ молодой докторъ сдѣлаетъ карьеру, которую онъ уже хорошо началъ. Г-жа Desportes, принимавшая его съ тою покровительственною добротой, которая подобала ея характеру, возъимѣла фантазію сдѣлать его мужемъ своей маленькой кузины: она умерла съ этимъ планомъ, который дочь ея рѣшила привести въ исполненіе.

Gardanne желалъ и боялся брака; взвѣшивая преимущества и неудобства великой братіи, онъ не преслѣдовалъ исключительно, подобно мнѣ съ моею романтическою головой, мысли о личной склонности; онъ все принималъ въ разсчетъ. За мной давали въ приданое лишь 20 тысячъ, но надежды на будущее искупали ограниченность этого приданаго; денежныя условія были обсуждены раньше, чѣмъ я что-нибудь знала: дѣло было покончено, когда со мной заговорили о томъ, чтобы выйти замужъ за одного доктора. Профессія эта мнѣ нравилась; она позволяла надѣяться, что человѣкъ будетъ просвѣщенный, но нужно было узнать его самого. Устроили прогулку въ Люксембуръ; предполагалось, что дождь захватитъ насъ по дорогѣ; и дѣйствительно, онъ пошелъ или боялись, чтобы онъ не пошелъ: укрылись у одной подруги г-жи Desportes, дѣвицы de la Barre, большой янсенистки, которая была въ восторгѣ отъ этого обстоятельства и предложила намъ угощеніе, во время котораго ея врачъ и землякъ какъ разъ явился къ ней съ визитомъ.

Обѣ стороны очень приглядываются другъ къ другу; я не подавала вида, что присматриваюсь, но тѣмъ не менѣе ничего не упускала изъ виду. Моя кузина торжествовала,—она какъ-бы говорила: „я не утверждала, что она хорошенькая, но что вы объ ней скажете?“ Моя добрая мать имѣла нѣжный и мечательный видъ; дѣвица de la Barre острила и восхитительно угощала своимъ вареньемъ и массой конфектъ; докторъ довольно много болталъ, ѣлъ сласти, говоря, отчасти

Digitized by Google

изъ любезности, отъ которой нѣсколько пахло школьной скамьей, что онъ очень любитъ „la douceur"; на что молодая дѣвушка отвѣтила застѣнчивымъ голосомъ, нѣсколько покраснѣвъ и слегка улыбнувшись, что мужчинъ обвиняли въ чрезмѣрной любви къ ней (douceur), потому что они очень нуждаются въ томъ, чтобы ее выказывали по отношенію къ нимъ. Эта колкость, повидимому, разсмѣшила остроумнаго доктора. Мой отецъ уже охотно далъ-бы свое благословеніе; онъ былъ такъ любезенъ, что это взбѣсило меня. Докторъ удалился первый, на свою вечернюю практику; мы возвратились домой, такъ же, какъ и пришли, и вотъ что называлось свиданіемъ! Дѣвица Desportes, строго соблюдавшая внѣшнія формы, устроила все такимъ образомъ, потому что въ домъ, въ которомъ никого не принимаютъ и гдѣ находится дѣвушка, молодой человѣкъ, имѣющій намѣреніе жениться, можетъ имѣть доступъ лишь тогда, когда его предложеніе принято; но за то, разъ это сдѣлано, нужно написать сперва контрактъ и тотчасъ послѣ того отпраздновать свадьбу: это—незыблемый законъ. Докторъ въ своей профессіональной одеждѣ никогда не бываетъ привлекательнымъ для молодой дѣвушки; я никогда въ жизни не могла представить себѣ любовь въ парикѣ. Gardanne со своими тремя молотками, своимъ педантскимъ видомъ, своимъ южнымъ произношеніемъ, своими черными, близко сросшимися бровями, казался гораздо болѣе способнымъ расхолаживать любовное волненіе, чѣмъ возбуждать его. Я инстиктивно чувствовала это, хотя эта мысль и не пришла мнѣ тогда въ голову; я имѣла о бракѣ такое цѣломудренное представленіе, что не находила ровно ничего смѣшного въ его предложеніи. „Ну что-жъ, спросила меня моя добрая мать, какое на тебя произвелъ впечатлѣніе этотъ господинъ? понравится ли онъ тебѣ?—Мама, я не могу такъ скоро отдать себѣ въ этомъ отчетъ.— Но ты же можешь сказать, не чувствуешь-ли къ нему отвращенія? —Ни отвращенія, ни влеченія; но то или другое можетъ еще возникнуть. — Какъ! нужно же однако знать, что отвѣтить, если прійдутъ сдѣлать формальное предложеніе. — И этотъ отвѣтъ будетъ связывать?—Конечно, когда даешь слово честному человѣку, слѣдуетъ сдержать слово. — А если онъ не понравится? — Благоразумная дѣвушка, которая не рѣшается на что-нибудь изъ каприза, уже не отказывается отъ такого важнаго рѣшенія, лишь только она взвѣсила его мотивы. — Значитъ надо рѣшиться на основаніи этого свиданія? — Это не совсѣмъ такъ; отношенія г-на Gardanne къ роднымъ даютъ намъ возможность судить объ его жизни, нравахъ; нѣсколько справокъ могутъ помочь оцѣнить его характеръ; вотъ главныя основанія для принятія рѣшенія; свиданіе съ человѣкомъ устраивается лишь ради удовлетворенія пустого приличія. — Ахъ! мама, я не спѣшу выходить замужъ. — Вѣрю тебѣ, дитя мое;

Digitized by Google

но твое назначеніе выйти замужъ, и ты достигла возраста наиболѣе для этого подходящаго; ты отказала многимъ женихамъ изъ купечества, хотя ты по своему положенію именно среди нихъ можешь имѣть больше всего жениховъ; ты, повидимому, рѣшила не выбирать себѣ мужа изъ этой среды; партія, которая тебѣ представляется теперь, удовлетворяетъ всѣмъ внѣшнимъ условіямъ; смотри, не отклоняй ея легкомысленно. — Мнѣ кажется, что у меня есть еще время объ этомъ подумать; самъ г-нъ Gardanne, можетъ быть, еще не рѣшился; вѣдь онъ наконецъ никогда раньше не видалъ меня. — Это справедливо; но если у тебя одна лишь эта отговорка, то она не долго будетъ имѣть силу: впрочемъ я не требую отвѣта сію-же минуту; ты подумаешь и сообщишь мнѣ свои соображенія черезъ два дня". И сказавъ мнѣ эти слова, моя мать поцѣловала меня въ лобъ и оставила меня моимъ мечтамъ.

Разумъ и природа дѣйствуютъ за одно, чтобы убѣдить благоразумную и скромную молодую дѣвушку въ томъ, что она должна выйти замужъ, и потому размышленіе можетъ коснуться лишь предмета выбора. А относительно самаго выбора доводы моей матери были довольно справедливы. Я разсудила къ тому-же, что мое временное согласіе, что-бы объ этомъ ни говорили, не могло меня окончательно связать; что было-бы нелѣпо считать меня связанной, изъ-за того, что я согласилась видѣть въ домѣ своего отца человѣка, который желалъ жениться на мнѣ; и я прекрасно чувствовала, что если-бы онъ мнѣ не понравился, никакія соображенія не заставили-бы меня выйти за него замужъ. Я, слѣдовательно, рѣшила про себя, что не скажу нѣтъ, но оставила за собой право подумать.

Мы собирались уѣзжать въ деревню, гдѣ должны были провести двѣ недѣли; я нашла, что если-бы мы отложили путешествіе въ ожиданіи жениха, мы-бы уронили свое достоинство; моя мать была согласна со мной: но передъ нашимъ отъѣздомъ въ одинъ прекрасный день явилась дѣвица de la Barre, въ большомъ парадѣ, сдѣлать отъ имени доктора то, что называли предложеніемъ. Мои родители отвѣтили общими мѣстами, принятыми для тѣхъ случаевъ, когда соглашаются и рѣшаютъ про себя, что подумаютъ; испросили для жениха позволеніе засвидѣтельствовать свое почтеніе лично; оно было дано. Дѣвица Desportes, всегда осторожная, заключила, что она должна была привести его, и семейное угощеніе, на которомъ были также дѣвица de la Barre и одна моя родственница, ознаменовало формальное вступленіе этого господина въ отеческій домъ. Мы уѣхали на слѣдующій день въ деревню, для того именно, чтобы провести тамъ время того, что называютъ „справками". Это второе свиданіе не больше тронуло меня, чѣмъ первое; но Gardanne показался мнѣ человѣкомъ умнымъ,

Digitized by Google

Univ. of California

съ которымъ женщина думающая можетъ жить; а въ моей неопытности я думала, что разъ только возможно разсуждать и понимать другъ друга, существуетъ основаніе для супружескаго счастья. Мать моя замѣчала у него нѣкоторые признаки властнаго характера; но это меня не безпокоило. Я привыкла изучать самое себя, упорядочивать свои привязанности, владѣть своимъ воображеніемъ, я была проникнута строгостью и возвышенностью обязанностей жены, и потому совсѣмъ не представляла себѣ, какую-бы разницу составилъ для меня нѣсколько болѣе или менѣе кроткій характеръ въ человѣкѣ и какъ онъ могъ-бы требовать отъ меня большаго, чѣмъ я сама. Я разсуждала, какъ философъ, все высчитывающій, и какъ отшельникъ, не знающій ни людей, ни страстей. Я принимала свое кроткое и любящее, великодушное и чистое сердце за обычную мѣрку нравственности человѣческаго рода и долгое время впадала въ эту ошибку; она была единственнымъ источникомъ моихъ заблужденій. Я спѣшу обратить вниманіе на это: это значитъ заранѣе дать ключъ къ пониманію моего внутренняго міра.

Я уѣхала въ деревню полная какого-то безпокойства; это не было тѣмъ сладкимъ волненіемъ, которое мнѣ обыкновенно внушало ея восхитительное зрѣлище и благодаря которому я еще съ большимъ восторгомъ наслаждалась ея трогательной прелестью. Я чувствовала себя наканунѣ новаго положенія; мнѣ предстояло покинуть, быть можетъ, свою чудесную мать, свои любимыя занятія, свое милое уединеніе, наконецъ нѣкоторую независимость, ради новаго положенія, которое я опредѣляла себѣ неясно и которое возложило-бы на меня большія обязанности: я полагала, что было доблестно быть обязанной ихъ исполнять и что я была создана, чтобъ принять ихъ на себя. Но я, словомъ, не все понимала; я испытывала желаніе и страхъ неизвѣстности. Дѣвица Desportes взяла съ меня обѣщаніе, что я ей напишу, я сдержала свое слово; но къ концу второй недѣли я узнала, что у нея была большая непріятность. Мой отецъ, понимавшій все буквально, считалъ необходимымъ, чтобы хорошо выдать дочь замужъ и исполнить отцовскія обязанности, навести по всѣмъ правиламъ то, что онъ называлъ справками. Gardanne былъ представленъ намъ одной нашей родственницей, знавшей его семью и его самого; всевозможныя свѣдѣнія о немъ были доставлены; нужды нѣтъ,—мой отецъ написалъ при самомъ началѣ дѣла въ Провансъ, тремъ или четыремъ лицамъ, чтобы справиться о мельчайшихъ особенностяхъ, касающихся семьи и личности доктора: его бдительность не ограничилась этимъ во время нашего отсутствія; онъ пустилъ въ ходъ всякія средства, чтобы черезъ свою прислугу и поставщиковъ разузнать объ образѣ жизни своего будущаго зятя. Это не все: онъ отправился къ нему съ

Digitized by Google

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

визитомъ и съ ловкостью равной той, которую онъ пускалъ въ ходъ для своихъ развѣдываній, показывая всѣмъ, для чего онъ ихъ дѣлалъ, онъ захотѣлъ показать ему, что хорошо освѣдомленъ; онъ чрезвычайно неловко упомянулъ объ его соотечественникѣ, съ которымъ тотъ былъ въ большой ссорѣ, какъ о человѣкѣ, заслуживающемъ уваженія; онъ присоединилъ къ своимъ замѣчаніямъ преждевременные совѣты въ отеческомъ тонѣ. Gardanne одновременно получилъ и письмо со своей родины, гдѣ надъ нимъ смѣялись за дознанія, къ которымъ онъ давалъ поводъ, и свѣдѣнія о тщательныхъ изслѣдованіяхъ, производившихся вокругъ него, и, наконецъ, педагогическое поученіе своего предполагаемаго тестя. Огорченный, обиженный, раздраженный, онъ отправляется къ дѣвицѣ Desportes, жалуется съ юною горячностью на странные поступки человѣка, дочь котораго чрезвычайно привлекательна и виновата только тѣмъ, что имѣетъ столь страннаго отца; дѣвица Desportes, столь-же горячая и очень гордая, не одобряетъ, чтобы были такъ мало увлечены ея кузиной, чтобы жаловаться на эти маленькія непріятности, и довольно плохо принимаетъ его. Съ той минуты, какъ я узнала объ этихъ подробностяхъ, я съ поспѣшностью воспользовалась случаемъ выйти изъ своей неизвѣстности и написала, что надѣюсь по своемъ возвращеніи не видѣть болѣе этого господина. Такимъ образомъ разстроился бракъ, который Gardanne разсчитывалъ привести къ концу въ теченіе недѣли, слѣдовавшей за моимъ возвращеніемъ: я была рада, что избавилась отъ узъ, которыми хотѣли закрѣпить меня такъ внезапно; моя мать, испуганная горячностью доктора, вздохнула, какъ-бы освобожденная отъ опасеній и съ другой стороны нѣсколько огорченная; мой отецъ постарался скрыть нѣкоторый стыдъ и неудовольствіе подъ видомъ большого достоинства; моя кузина сохранила все свое достоинство, отказавъ доктору отъ своего дома, и пять лѣтъ спустя дѣвица de la Barre еще говорила ей, что этотъ бракъ былъ предопредѣленъ небомъ, что ея другъ не заключилъ другого, что перстъ провидѣнія готовилъ сближенія, которыхъ мы не могли предвидѣть.

Прекрасное пророчество! Оно имѣло такую же цѣну, какъ билетъ въ Шатръ!

Здоровье моей матери стало незамѣтно разстроиваться; у нея былъ параличъ, который смягчили въ моихъ глазахъ, давъ ему, съ ея согласія, названіе ревматизма; хотя она не обманывалась, но желала, чтобы я не безпокоилась. Серьезная и молчаливая, она съ каждымъ днемъ утрачивала свою живость; она любила сосредоточиваться и заставляла меня иногда выходить изъ дому съ моей горничной, не желая покидать своей комнаты. Она часто говорила со мной о

Digitized by Google

моемъ замужествѣ и сожалѣла, что я не могла принять ни одной изъ представлявшихся партій. Однажды, между прочимъ, она съ грустью уговаривала меня дать свое согласіе честному торговцу драгоцѣнными камнями, сдѣлавшему мнѣ предложеніе. Въ пользу его говоритъ, сказала она мнѣ, репутація большой честности, нравственности и кротости, хорошее состояніе, которое можетъ сдѣлаться блестящимъ, а это побочное свойство также является однимъ изъ достоинствъ посредственнаго человѣка. Онъ знаетъ, что твой образъ мыслей необыченъ; онъ высказываетъ къ тебѣ большое уваженіе, сочтетъ за честь слѣдовать твоимъ совѣтамъ, и уже говоритъ, что не былъ-бы противъ того, чтобы его жена кормила своихъ дѣтей; ты-бы имъ руководила.—Ахъ! мама, я совсѣмъ не хочу имѣть мужа, которымъ-бы я руководила: это былъ-бы слишкомъ большой ребенокъ.—Но знаешь-ли, что ты можешь показаться довольно странной, такъ какъ ты также не хотѣла-бы вѣдь имѣть властелина?—Пойми меня, дорогая мама; я не хочу человѣка, который-бы мной командовалъ, онъ-бы меня лишь научилъ сопротивляться; но я также не хочу, чтобы мнѣ было нужно управлять своимъ мужемъ. Или я очень ошибаюсь, или эти люди въ 5 футовъ высоты съ бородой на подбородкѣ не очень упустятъ случай дать почувствовать, что они сильнѣе; человѣкъ, которому-бы пришла фантазія напомнить мнѣ объ этой силѣ, меня-бы раздражилъ, а своего владычества я стыдилась-бы, если-бы онъ позволялъ собой править. — Я понимаю; ты-бы хотѣла поработить кого-нибудь, кто-бы, исполняя твою волю, считалъ-бы себя господиномъ. —Это опять не то; я ненавижу рабство; но я не считаю себя созданной для власти, она-бы меня стѣсняла: для моего ума довольно заботы справляться съ собой. Я хочу вдохновить человѣка, достойнаго моего уваженія, такого, чтобъ я могла гордиться близостью съ нимъ и чтобъ онъ свое счастье полагалъ въ томъ, чтобъ дѣлать меня счастливой, сообразно съ тѣмъ, какъ въ силу своего ума и привязанности будетъ понимать это счастье. — Счастье, дитя мое, не всегда является тѣмъ совершенствомъ отношеній, какимъ ты себѣ его представляешь; если-бы это счастье не существовало помимо этого совершенства, оно-бы отсутствовало почти во всѣхъ супружествахъ. —Я и не знаю такихъ, которымъ-бы я завидовала. — Положимъ, что это такъ, но среди этихъ супружествъ, которымъ ты не завидуешь, можетъ быть есть такія, которыя предпочтительнѣе тому, чтобы всегда оставаться въ дѣвушкахъ. Я могу умереть раньше, чѣмъ ты думаешь; ты-бы осталась одна со своимъ отцемъ; онъ еще молодъ, и ты себѣ не представляешь всѣхъ горестей, которыхъ моя нѣжность страшится за тебя: какъ-бы я была спокойна, еслибъ я тебя оставила замужемъ за порядочнымъ человѣкомъ раньше, чѣмъ

Digitized by Google

покину этотъ міръ!“ Эти послѣднія мысли меня удручили; моя мать, казалось, приподнимала страшную завѣсу надъ темнымъ и страшнымъ будущимъ, котораго я даже не подозрѣвала: я никогда не думала, что должна была ее потерять; одинъ бѣглый взглядъ на эту утрату, о которой она мнѣ говорила, какъ будто она была близкой, наполнилъ меня ужасомъ; страшная дрожь пробѣжала по моему тѣлу; я устремила на нее дикіе глаза, и улыбка ея заставила ихъ пролить слезы. „Что это! ты испугалась? Какъ будто не слѣдуетъ въ предпринимаемыхъ рѣшеніяхъ взвѣшивать всѣ случайности! Я не больна, хотя и переживаю критическое время, перевороты котораго иногда становятся пагубными; но именно, когда люди здоровы, они должны думать о противоположномъ; настоящій случай меня къ этому особенно побуждаетъ. Добрый и достойный человѣкъ предлагаетъ тебѣ свою руку; тебѣ 20 слишкомъ лѣтъ; у тебя не будетъ больше столько жениховъ, сколько ихъ представлялось въ истекшія 5 лѣтъ: я могу умереть, и потому не отказывай мужу, который, правда, не обладаетъ той утонченностью, которой ты придаешь такую цѣну (утонченность, всегда очень рѣдкая даже въ тѣхъ, въ которыхъ думаешь ее найти), но который будетъ нѣжно любить тебя и съ которымъ ты будешь счастлива.—Да, мама, воскликнула я съ глубокимъ вздохомъ, счастьемъ подобнымъ вашему!“ Моя мать смутилась, ничего не отвѣтила мнѣ и не раскрывала больше со мной рта ни объ этомъ бракѣ, ни о какомъ-либо другомъ, по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, чтобы торопить меня. Слово вырвалось, какъ вырывается выраженіе сильнаго, необузданнаго чувства; дѣйствіе, произведенное имъ, доказало мнѣ его слишкомъ большую справедливость.

Посторонніе должны были съ перваго взгляда замѣтить чрезвычайную разницу, существовавшую между моею матерью и моимъ отцомъ; и кто могъ больше меня чувствовать все превосходство первой? Но я собственно не взвѣшивала того, какъ она должна была страдать; привыкшая съ дѣтства видѣть, что въ домѣ царилъ величайшій миръ, я не могла знать, трудно ли было его поддерживать: мой отецъ любилъ свою жену и нѣжно любилъ меня; у моей матери никогда не только не срывался упрекъ,—она не подавала даже вида недовольства; когда она не раздѣляла мнѣніе своего мужа и не могла измѣнить его, можно было подумать, что она отказывается отъ своего мнѣнія безъ всякаго усилія. Только въ послѣдніе годы разсужденія моего отца возбуждали во мнѣ тягостное чувство и я иногда позволяла себѣ вступать въ споръ; я пріобрѣла благодаря этому нѣкоторое вліяніе; вскорѣ я стала пользоваться имъ съ извѣстной смѣлостью. Новизна-ли, слабость-ли, но мой отецъ скорѣе уступалъ мнѣ, чѣмъ своей женѣ; я пользовалась этимъ для нея; я, такъ сказать, сдѣлалась сторожевой собакой моей матери; въ

Digitized by Google

моемъ присутствіи не позволялось мучить ее, и либо лая, дергая платье за фалды, чтобы задирать, либо не на шутку сердясь, я всегда могла его заставить выпустить свою добычу; что было удивительно, это то, что я была столь-же сдержана, какъ была моя мать относительно своего мужа; я никогда не говорила ей наединѣ и вдали отъ моего отца ничего такого, что-бы противорѣчило дочернему уваженію. Я, чтобы защитить ее, употребляла силу, скажу даже авторитетъ разума, когда недостаточно было изобрѣтательной хитрости; но съ глазу на глазъ я-бы не проронила слова относительно происшедшаго. Ради нея, я могла даже бороться съ ея мужемъ; но когда этотъ мужъ отсутствовалъ, онъ былъ лишь моимъ отцомъ, о которомъ каждая изъ насъ молчала, если не нужно было выражать ему благодарности. Я замѣчала однако, что мой отецъ постепенно утратилъ свою привычку къ труду; сначала дѣла его общины отвлекали его, затѣмъ они выработали въ немъ потребность чаще отлучаться изъ дому; незамѣтно онъ увлекся страстью къ удовольствіямъ; всякое зрѣлище или событіе внѣ дома привлекало его; къ этому примѣшалась любовь къ игрѣ; знакомства, заключенныя въ кафэ, завели его въ другія мѣста. Его соблазнила лотерейная приманка. Желаніе разбогатѣть заставило его испробовать торговыя предпріятія, чуждыя его искусству, и которыя не всегда были счастливы; это желаніе, когда онъ утратилъ привычку къ работѣ, заставило его нести по рискованнымъ предпріятіямъ потери. По мѣрѣ того, какъ онъ меньше изощрялъ свой талантъ, онъ утрачивалъ его, его способности уменьшились, а благодаря менѣе правильной жизни зрѣніе его ухудшилось, рука утратила твердость. Его молодые люди, за которыми хозяинъ уже не такъ присматривалъ, все хуже замѣняли его; скоро пришлось сократить ихъ число, потому что мода перешла въ другія мѣста. Эти перемѣны произошли незамѣтно и постепенно, и ихъ дѣйствіе стало чрезвычайно чувствительно, раньше чѣмъ успѣли взвѣсить все ихъ значеніе. Моя мать, очень задумчивая, стала иногда полунамеками высказывать мнѣ свое безпокойство; я боялась усиливать его, говоря о томъ, чего ни она, ни я не могли измѣнить. Я старалась ей давать чувствовать все удовлетвореніе, которое зависѣло отъ меня; она стала очень лѣнива на ходьбу,—я приносила для нея ту жертву, что уходила отъ нея, чтобы идти со своимъ отцемъ, котораго я просила водить меня гулять; онъ не искалъ моего общества, какъ бывало, чтобы имѣть меня при себѣ, но ему еще доставляло удовольствіе сопровождать меня, и я возвращала его съ нѣкоторымъ торжествомъ своей доброй матери, все умиленіе которой, когда мы собирались вмѣстѣ, я чувствовала. Мы не всегда выигрывали отъ этого: для того, чтобы не отказывать своей дочери и въ то-же время не поступаться другими своими удовольствіями, отецъ, приведя меня домой, снова уходилъ, на ми-

Digitized by Google

нуту, говорилъ онъ; но вмѣсто того, чтобы вернуться къ ужину, онъ забывалъ время и возвращался въ полночь. Мы молча плакали; и если мнѣ случалось при его возвращеніи высказать ему наше огорченіе, онъ относился къ этому легко, отклоняя мои кроткія жалобы шутками, или удалялся съ молчаливымъ неудовольствіемъ. Семейное счастье скрывалось за этими тучами; но миръ не нарушался, и равнодушные глаза не замѣтили-бы перемѣнъ, совершавшихся каждый день.

Моя мать очень страдала уже больше года отъ чего-то въ родѣ заложенія носа, походившаго на насморкъ, причину котораго доктора не могли понять; послѣ разныхъ лекарствъ, они особенно совѣтовали движеніе, котораго она уже не любила, и хорошій деревенскій воздухъ. Дѣло было незадолго до Троицына дня 1775 г.; было рѣшено, что мы отправимся провести эти праздники въ Медонѣ. Я не проснулась въ воскресенье утромъ, какъ привыкла это дѣлать, когда мы собирались на эти загородныя прогулки; меня одолѣвалъ тяжелый и прерывистый сонъ и снились зловѣщія видѣнія: мнѣ видѣлось, что мы возвращались въ Парижъ по рѣкѣ, преслѣдуемые грозой, и что при выходѣ изъ галіоты, въ которой мы ѣхали, трупъ, который выносили изъ нея, задержалъ меня на моемъ пути: это зрѣлище поразило меня ужасомъ; я старалась понять, кто былъ этотъ печальный трупъ. Въ эту-же минуту моя мать, слегка дотронувшись до моихъ ногъ, и называя меня по имени своимъ кроткимъ голосомъ, разсѣяла мой сонъ; я была въ восхищеніи увидѣть ее, какъ будто она меня спасла отъ величайшей опасности: я протянула къ ней руки и поцѣловала ее съ умиленіемъ, говоря ей, что она мнѣ очень помогла тѣмъ, что разбудила. Я вскакиваю съ постели; мы дѣлаемъ всѣ распоряженія и уѣзжаемъ. Погода была хорошая, воздухъ тихъ, маленькій ботикъ скоро привезъ насъ къ нашему мѣстопребыванію и деревенскія радости вернули мнѣ мое спокойствіе. Моя мать послѣ путешествія чувствовала себя хорошо, она стала нѣсколько дѣятельнѣе; это было на второй день, что мы открыли Villebonne и фонтанщика „Moulin Rouge“. Я обѣщала своей Агатѣ пойти ее навѣстить на второй день праздниковъ; мы вернулись во вторникъ вечеромъ: моя мать собиралась сопровождать меня въ монастырь; но такъ какъ моціонъ предъидущихъ дней немного утомилъ ее, то она въ минуту ухода перемѣнила рѣшеніе и отправила со мной мою горничную. Я захотѣла было остаться; она настояла на томъ, чтобы я сдержала слово, прибавивъ, что я хорошо знала, что она охотно оставалась одна, и что если я желала прогуляться въ „Jardin du Roi“, я могла себѣ доставить это удовольствіе.

Я посѣтила Агату, но скоро ушла отъ нея: Отчего ты такъ скоро уходишь?— говорила она мнѣ; тебя стало быть ждутъ? — Нѣтъ; но мнѣ хочется скорѣе вернуться къ мамѣ. — Ты мнѣ сказала, что она

Digitized by Google

здорова? — Это правда, она меня также не ждетъ такъ рано, но не знаю, что меня безпокоитъ, мнѣ нужно увидать ее.—При этомъ мое сердце противъ воли сжималось.

Можетъ быть подумаютъ, что эти событія сочинены подъ вліяніемъ отраженнаго чувства, придающаго свою окраску предметамъ, предшествовавшимъ ему; но я лишь точный историкъ и передаю факты, о которыхъ лишь послѣдующія событія напомнили мнѣ.

Изъ изложенія моихъ взглядовъ и особенно послѣдовательнаго развитія идей, которыя я усвоила, можно было, конечно, догадаться, что я также мало раздѣляла тогда нѣкоторые предразсудки, какъ мало суевѣрна и теперь. Поэтому, размышляя о томъ, что могло дать поводъ къ тому, что называютъ предчувствіями, я думаю, что они заключаются въ томъ быстромъ, у людей съ живымъ умомъ и утонченнымъ чувствомъ, воспріятіи массы незамѣтныхъ вещей, которыхъ невозможно было-бы даже назвать, которыя скорѣе чувствуются, чѣмъ обсуждаются, и въ результатѣ которыхъ получаются волненія, не подлежащія объясненію, но освѣщаемыя и оправдываемыя послѣдствіями.

Чѣмъ больше предметъ внушаетъ намъ интереса къ себѣ, тѣмъ проницательнѣе и воспріимчивѣе мы бываемъ по отношенію къ нему,— тѣмъ болѣе въ насъ тѣхъ физическихъ воспріятій, которыя впослѣдствіи называются предчувствіями и которыя древніе считали предзнаменованіями или совѣтами боговъ.

Моя мать была для меня самымъ дорогимъ человѣкомъ; она приближалась къ смерти безъ того, чтобы какіе-нибудь внѣшніе признаки извѣстили объ этомъ посторонніе глаза, мое вниманіе не улавливало ничего такого, что-бы заставило ожидать этого страшнаго удара; но въ ней, вѣроятно, были легкія измѣненія, волновавшія меня безъ моего вѣдома; я не могла-бы сказать тогда, что безпокоилась, я-бы не знала о чемъ,—но я чувствовала себя встревоженной, мое сердце порой сжималось, когда я устремляла на нее глаза, и вдали отъ нея я ощущала тягостное чувство, не позволявшее мнѣ тамъ оставаться. Я покинула Агату такимъ страннымъ образомъ, что она просила тотчасъ-же ей написать о себѣ; я поспѣшно вернулась, несмотря на замѣчанія горничной, находившей, что время было очень благопріятно для прогулки по Jardin du Roi. Приближаясь къ дому, я увидала у дверей дѣвушку, жившую по сосѣдству, которая воскликнула при видѣ меня: — „Ахъ! сударыня, ваша мать почувствовала себя очень плохо; она пришла за моей матерью, которая вмѣстѣ съ нею отправилась къ ней въ комнату“. Пораженная ужасомъ, я произношу какіе-то безсвязные звуки; я лечу, стремительно бросаюсь; я нахожу свою мать на креслѣ, съ откинутой головой, опущенными руками, блуждающими глазами, полураскрытымъ ртомъ: при видѣ меня ея лицо оживляется; она хочетъ

Digitized by Google

говорить; ея скованный языкъ съ трудомъ произноситъ недоконченныя слова: она хочетъ сказать, что ждетъ меня съ нетерпѣніемъ; она дѣлаетъ усиліе, чтобы приподнять свои руки, лишь одна изъ нихъ повинуется побужденію ея воли: она кладетъ руку свою на мое лицо, вытираетъ пальцами своими слезы, покрывающія его, тихонько проводитъ ими по моимъ щекамъ, какъ-бы для того, чтобы успокоить меня; желаніе улыбнуться изображается на ея лицѣ, она пробуетъ говорить... напрасная попытка! Параличъ сковываетъ ей языкъ, отягчаетъ голову, разбиваетъ половину ея тѣла. Маточная вода (горькая), соль во рту, растиранія, все это не производитъ никакого дѣйствія; сію-же минуту я отправила людей за докторомъ и за моимъ отцомъ, съ быстротой молніи сбѣгала въ ближайшую аптеку за рвотнымъ порошкомъ; докторъ пришелъ, моя мать была въ постели, лекарства давались, но успѣхи болѣзни росли съ ужасающей быстротой, глаза были закрыты, голова, склоненная на грудь, не могла уже приподниматься, учащенное и тяжелое дыханіе показывало общее изнеможеніе, однако она слышала то, что ей говорили, и если ее спрашивали, страдаетъ ли она, она клала лѣвую руку на лобъ, какъ-бы для того, чтобы показать, гдѣ у нея болѣло. Я была невыразимо дѣятельна, я приказывала и сама исполняла раньше, чѣмъ исполняли другіе, я, казалось, не отходила отъ изголовья ея постели и въ то-же время приготовляла то, что было нужно; въ 10 ч. вечера я вижу, что докторъ отводитъ въ сторону нѣсколькихъ женщинъ и моего отца; я хочу знать, что̀ онъ предлагаетъ, мнѣ говорятъ, что отправились за священникомъ; мнѣ кажется, будто я это вижу во снѣ. Является священникъ, молится и дѣлаетъ не знаю что, я машинально держу восковую свѣчу, стоя прямо у изголовья постели, не отвѣчая и не уступая тѣмъ, которые хотятъ меня согнать съ моего мѣста, съ глазами, устремленными на мою умирающую и обожаемую мать, поглощенная однимъ чувствомъ, лишающимъ меня напослѣдокъ всѣхъ моихъ способностей; восковая свѣча выпадаетъ изъ моей руки, я падаю безъ чувствъ, меня уносятъ, я прихожу въ сознаніе нѣкоторое время спустя въ гостиной, смежной съ ея комнатой, окруженная родственниками; я устремляю глаза на дверь, встаю, меня удерживаютъ, я дѣлаю умоляющіе знаки, чтобы получить разрѣшеніе вернуться... Грустное молчаніе, угрюмое и твердое сопротивленіе, все препятствуетъ мнѣ; ко мнѣ возвращаются силы, я прошу, я вскакиваю, они неумолимы, я вхожу въ какое-то бѣшенство. Въ эту минуту является мой отецъ, онъ блѣденъ и молчаливъ: они какъ будто предлагаютъ ему безмолвный вопросъ, онъ отвѣчаетъ движеніемъ глазъ, которое заставляетъ ихъ испускать жалобные стоны. Я укрываюсь отъ надзора своихъ пораженныхъ хранителей, и выхожу стремительно: моя мать... ея уже не стало! Я приподнимаю ея руки,

Digitized by Google

не вѣря этому, я то открываю, то закрываю эти глаза, которые меня больше не увидятъ и которые смотрѣли на меня съ такой нѣжностью: я ее зову, я кидаюсь на ея постель въ изступленіи, прикладываю свои губы къ ея губамъ, растворяю ихъ, стараюсь вдохнуть въ себя смерть, надѣюсь спасти ее своимъ дыханіемъ и умереть на мѣстѣ. Я не знаю хорошо, что было затѣмъ, я помню, что къ утру я оказалась у сосѣда; туда появился г-нъ Besnard, который велѣлъ меня снести въ карету и увезъ къ себѣ. Я пріѣзжаю, моя двоюродная бабушка меня безмолвно обнимаетъ, сажаетъ меня за маленькій столъ и даетъ мнѣ чего-то выпить, умоляя это сдѣлать, я хочу исполнить ея желаніе,—и лишаюсь чувствъ; меня кладутъ въ постель, и я въ ней провела двѣ недѣли между жизнью и смертью, въ страшныхъ судорогахъ. Физическое страданіе, сохранившееся у меня въ памяти, — это постоянное удушье, мое дыханіе превратилось въ какое-то завываніе, которое было слышно съ улицы; какъ мнѣ говорили впослѣдствіи, во мнѣ свершился переворотъ, который въ силу моего положенія былъ опасенъ и отъ котораго я могла вылечиться только благодаря силѣ моего организма и великолѣпному уходу, которымъ меня окружили. Мои почтенные родные удалились въ маленькія комнаты, чтобы помѣстить меня удобно; они какъ-бы вдохнули въ себя новую бодрость, чтобы возвратить мнѣ жизнь, и не позволяли, чтобы наемныя руки что-либо подавали мнѣ; они захотѣли сами прислуживать мнѣ, и въ непосредственномъ уходѣ допустили лишь помощь г-жи Trude, рожденной Robineau, молодой женщины, моей кузины, приходившей всякій вечеръ проводить у меня ночь; она спала въ моей постели, и вся была поглощена тѣмъ, чтобы предусмотрѣть и смягчить судорожные припадки, которые часто дѣлались у меня.

Недѣля прошла, я еще не могла плакать,—у великаго горя нѣтъ слезъ.

(*Я проливаю въ эту минуту слезы, которыя горьки и жгучи, такъ какъ я опасаюсь еще худшаго зла, чѣмъ то, которое терплю; я всѣ свои пожеланія направила на спасеніе того, что люблю; это спасеніе болѣе сомнительно, чѣмъ когда-либо! Несчастья нагромождаются, словно темная и страшная туча, готовая покрыть, заволокнуть все то, что мнѣ было дорого, я съ трудомъ стараюсь отвлечь свое вниманіе отъ настоящаго, принуждая себя изображать прошлое*).

Письмо отъ Софьи вновь открыло источникъ слезъ; голосъ дружбы, нѣжныя выраженія заставили меня собраться съ духомъ, смягчили мое сердце; они произвели дѣйствіе, котораго ванны и искусство врачей тщетно добивались; это было новымъ переворотомъ, я заплакала, я была спасена. Удушье уменьшилось, всѣ припадки болѣзни осла-

Digitized by Google

бѣли и судороги дѣлались рѣже; но всякое тяжелое впечатлѣніе возобновляло ихъ приступы.

Мой отецъ явился ко мнѣ въ траурномъ одѣяніи, свидѣтельствовавшемъ о нашей общей, хотя и не одинаково прочувствованной утратѣ; онъ принялся меня утѣшать, доказывая мнѣ, что Провидѣніе даже въ самомъ несчастіи устраивало все къ лучшему, что моя мать закончила на этомъ свѣтѣ свою задачу, воспитаніе своей дочери, и что если мнѣ нужно было потерять мать или отца, хорошо было, что небо оставило мнѣ того изъ нихъ, который могъ быть наиболѣе полезнымъ для моего состоянія; моя утрата была, конечно, непоправима даже въ этомъ отношеніи, какъ то доказали событія, но мнѣ эта мысль не пришла въ голову, я лишь почувствовала сухость мнимаго утѣшенія, столь плохо приноровленнаго къ моему образу мыслей, я, можетъ быть, въ первый разъ измѣрила все разстояніе, раздѣлявшее насъ съ отцомъ; мнѣ показалось, будто онъ самъ сорвалъ почтительную завѣсу, сквозь которую я на него смотрѣла, я почувствовала себя совсѣмъ сиротой, потому что моей матери уже не было, а мой отецъ никогда не пойметъ меня...

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Въ тюрьмѣ Св. Пелагіи, 10 сентября 1793.

Моей матери было не больше пятидесяти лѣтъ, когда смерть столь жестоко похитила ее у меня; оказалось, что причиной страннаго заложенія носа, столь долго безпокоившаго ее, былъ нарывъ въ головѣ, неизвѣстно какъ образовавшійся и обнаружившійся только благодаря вытеченію матеріи черезъ носъ и черезъ уши; второй ударъ паралича, вѣроятно, не былъ-бы смертельнымъ безъ этого осложненія. Ея кроткое и свѣжее лицо не предвѣщало ея безвременной кончины; случаи недомоганія, казалось, являлись принадлежностью возраста, который женщины рѣдко минуютъ безъ поврежденія здоровья; меланхолія, даже уныніе, которыя я въ ней съ нѣкотораго времени замѣчала, я объясняла нравственными причинами, слишкомъ для меня понятными.

Наши послѣднія прогулки за городъ ее повидимому оживили; въ тотъ самый день, когда я лишилась ея, я ее оставила здоровой въ три часа дня: я вернулась въ $5^1/_2$ часовъ и застала ее разбитою параличемъ; въ полночь ея уже не стало. Какія мы слабыя игра-

Digitized by Google

лища безжалостной судьбы, отчего столь горячія чувства и великія намѣренія связаны со столь бреннымъ существованіемъ?

Такимъ образомъ покинула жизнь одна изъ лучшихъ и прелестнѣйшихъ женщинъ, когда-либо жившихъ на свѣтѣ. Ничего блестящаго въ ней не обращало на себя вниманіе, но все заставляло ее любить, когда ее узнавали ближе. Она была благоразумна и добра по природѣ, и добродѣтель, казалось, не стоила ей усилій; она умѣла придавать ей такой-же кроткій и снисходительный видъ, какова была сама. Разумная и спокойная, нѣжная, хотя и не страстная, ея чистая и безмятежная душа дышала, подобно тому, какъ течетъ покорная рѣка, съ одинаковой снисходительностью омывающая подножіе скалы, захватившей ее въ плѣнъ, и долину, которую она украшаетъ. Эта внезапная утрата познакомила меня съ глубокой печалью горя и самымъ дикимъ изступленіемъ.

„Прекрасно быть одаренной душой; но несчастье имѣть столько души", грустно говорилъ, глядя на меня, аббатъ Legrand, который пришелъ навѣстить меня у дѣдушки и бабушки. Когда въ моемъ состояніи наступило улучшеніе, поспѣшили пригласить или принять, одного за другимъ, различныхъ моихъ знакомыхъ, чтобы освоить меня съ внѣшними предметами. Я казалась отсутствующею въ томъ свѣтѣ, гдѣ меня видѣли; сосредоточенная въ своемъ горѣ, я почти не замѣчала того, что происходило вокругъ меня; я совсѣмъ не разговаривала или отвѣчала на свои мысли вмѣсто того, чтобъ слѣдить за мыслями другихъ, я имѣла видъ помѣшанной; дорогой образъ, никогда не выходившій у меня изъ памяти, порою пробуждалъ страшное чувство его утраты, я испускала внезапные крики, мои распростертыя руки коченѣли и я теряла сознаніе. Я была неспособна ни къ какому напряженію, но иногда у меня были хорошія минуты, когда я чувствовала грусть своихъ родныхъ, ихъ доброту ко мнѣ, нѣжную заботливость моей кузины, и когда я старалась уменьшить ихъ безпокойство. Аббатъ Legrand догадался, что со мной нужно было много говорить о моей матери, чтобы сдѣлать меня способной думать о чемъ-либо другомъ; онъ и началъ со мной говорить о ней и незамѣтно навелъ меня на размышленія, на мысли, которыя хотя и не были чужды ей, но отвлекали отъ постояннаго воспоминанія объ ея утратѣ. Лишь только онъ счелъ меня способной хоть слегка просмотрѣть книгу, онъ принесъ мнѣ Элоизу Руссо; чтеніе этой книги дѣйствительно было моимъ первымъ развлеченіемъ. Мнѣ исполнился 21 годъ; я уже много читала; я знала довольно большое число писателей, историковъ, литераторовъ и философовъ; но Руссо произвелъ на меня тогда впечатлѣніе подобное тому, какое на меня произвелъ Плутархъ, когда мнѣ было 8 лѣтъ: повидимому это была наиболѣе

Digitized by Google

подходящая для меня пища, истолковавшая чувства, которыя были во мнѣ до того, но которыя онъ одинъ умѣлъ мнѣ объяснить.

Плутархъ подготовилъ меня стать республиканкой; онъ пробудилъ ту силу и ту гордость, которыя являются отличительными чертами республиканскаго духа; онъ вдохнулъ въ меня настоящій энтузіазмъ общественной добродѣтели и свободы; Руссо показалъ мнѣ семейное счастье, къ которому я могла стремиться, и невыразимыя наслажденія, которыя я способна была вкушать. Ахъ! ему удалось окончательно предохранить меня отъ того, что называютъ слабостями; но могъ-ли онъ меня оберечь отъ страсти? Для жизни въ извращенный вѣкъ, въ которомъ я должна была жить, во время революціи, которую я совсѣмъ не предвидѣла, я съ давнихъ поръ принесла съ собой все, что могло меня сдѣлать способной къ великимъ жертвамъ и подвергнуть меня большимъ несчастьямъ. Смерть будетъ для меня лишь концомъ тѣхъ и другихъ. Я жду ее и не подумала-бы заполнить короткое разстояніе, отдѣляющее меня отъ нея, повѣстью о моей собственной жизни, если-бы клевета не вывела меня на сцену, чтобы еще болѣе жестоко напасть на тѣхъ, кого она хочетъ погубить. Я люблю обнаруживать дѣйствительные факты тамъ, гдѣ они касаются не меня одной, и я не хочу замолчать ни одного изъ нихъ, чтобы ихъ связь послужила къ ихъ выясненію.

По возвращеніи своемъ къ отцу я испытала все то, что заставляетъ перечувствовать видъ мѣстъ, въ которыхъ жили съ предметомъ, котораго уже нѣтъ; приняли довольно неловкую предосторожность снять портретъ моей матери, словно это пустое мѣсто не должно было мнѣ напомнить еще болѣе мучительно, чѣмъ ея изображеніе, утрату, которую я понесла; я его тотчасъ-же потребовала, мнѣ его возвратили. Такъ какъ хозяйственныя хлопоты касались меня одной,—я ими занялась; но они были немногочисленны въ семьѣ, состоявшей изъ трехъ лицъ. Я никогда не понимала, чтобъ эти хлопоты могли поглощать женщину, любящую порядокъ и дѣятельную, какъ-бы ни была значительна ея семья,—въ этомъ случаѣ есть больше людей, чтобъ ихъ раздѣлять; нужно только правильное распредѣленіе и нѣкоторая внимательность. Я въ этомъ отношеніи прошла черезъ нѣсколько различныхъ положеній, но никогда ничто не дѣлалось у меня безъ моего приказанія; и даже когда эти хлопоты у меня занимали больше времени, они никогда не брали у меня больше двухъ часовъ въ день. Всегда имѣешь досугъ, если умѣешь заниматься; не хватаетъ времени для всего тѣмъ людямъ, которые ничего не дѣлаютъ. Впрочемъ не удивительно, что женщины, которыя дѣлаютъ или принимаютъ безполезные визиты и которыя считали-бы себя недостаточно разряженными, еслибъ не посвящали много времени своему зеркалу, находятъ, что время тянется

Digitized by Google

отъ скуки, но бѣжитъ слишкомъ быстро для исполненія ихъ обязанностей; но я видала такъ называемыхъ хорошихъ хозяекъ, невыносимыхъ для свѣта и даже для своихъ мужей благодаря утомительной поглощенности своими мелкими хлопотами; я ничего не знаю болѣе несноснаго, чѣмъ эта слабость, и болѣе способнаго заставить человѣка увлекаться какою угодно другою женщиною, но не своею женою; такая женщина должна казаться своему мужу очень хорошею ключницей, но не лишитъ его желанія искать въ другомъ мѣстѣ развлеченій. По моему мнѣнію, женщина должна держать или заставлять держать въ порядкѣ бѣлье и вещи, кормить дѣтей, заказывать или даже стряпать кушанья, не разговаривая объ этомъ; она должна дѣлать это съ беззаботностью и умѣньемъ распредѣлять минуты, которыя-бы ей давали возможность говорить о чемъ-либо другомъ и, наконецъ, нравиться какъ своимъ настроеніемъ, такъ и изяществомъ, свойственнымъ ея полу. Я имѣла случай замѣтить, что приблизительно тоже, что и въ семьѣ, происходитъ въ управленіи государствомъ: пресловутыя хозяйки, вѣчно говорящія о своихъ хлопотахъ, либо оставляютъ много дѣла несдѣланнымъ, либо затрудняютъ его для другихъ; общественные дѣятели, болтливые и вѣчно хлопочущіе, кричатъ о затрудненіяхъ только вслѣдствіе своей неспособности справляться съ ними или невѣжества въ дѣлѣ управленія.

Мои занятія стали мнѣ болѣе дороги, чѣмъ когда либо; они были мнѣ утѣшеніемъ: еще болѣе предоставленная сама себѣ, и находясь часто въ грустномъ настроеніи, я почувствовала потребность писать. Я любила отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ: писаніе содѣйствовало ихъ уясненію; когда я не писала, я скорѣе мечтала, чѣмъ размышляла; во время писанія я сдерживала свое воображеніе и слѣдила за ходомъ разсужденія. Я уже раньше начала нѣсколько сборниковъ, теперь я ихъ расширила подъ заглавіемъ „Oeuvres de loisir et réflexions diverses". Я не имѣла иного намѣренія, какъ фиксировать на бумагѣ свои мнѣнія и имѣть свидѣтельства о своихъ чувствахъ, которыя бы я могла когда-нибудь сравнить между собой, такимъ образомъ, чтобъ ихъ послѣдовательность и ихъ измѣненія послужили для меня поученіемъ и иллюстраціей. У меня сохранилась довольно большая связка этихъ твореній дѣвическихъ годовъ, сваленная въ пыльномъ углу моей библіотеки или, быть можетъ, на чердакѣ. Никогда у меня не было ни малѣйшаго искушенія сдѣлаться писательницей; я очень рано убѣдилась въ томъ, что женщина, которая снискиваетъ себѣ это званіе, теряетъ больше, чѣмъ пріобрѣтаетъ. Мужчины не любятъ ея, а ея полъ ее критикуетъ; если ея произведенія плохи, надъ нею смѣются,—и хорошо дѣлаютъ; если они хороши,—не вѣрятъ, чтобъ они принадлежали ея перу. Если принуждены

Digitized by Google

признать, что она сама написала лучшую часть этихъ произведеній, то до такой степени чернятъ ея личный характеръ, ея нравственность, поведеніе и ея таланты, что перевѣшиваютъ репутацію ея ума тою огласкою, которой предаютъ ея недостатки.

Къ тому-же моею главною задачей было мое личное счастье, и я никогда не видѣла, чтобы толпа вмѣшивалась въ это дѣло, не разстроивъ его. Для меня нѣтъ ничего болѣе пріятнаго, чѣмъ то, чтобы меня цѣнили по достоинству люди, съ которыми я живу, и нѣтъ ничего болѣе безсмысленнаго, чѣмъ поклоненіе лицъ, съ которыми я не должна больше встрѣтиться.

О Боже мой! какую плохую услугу оказали мнѣ тѣ, которые осмѣлились приподнять завѣсу, подъ которою я любила пребывать! Въ теченіе 12 лѣтъ своей жизни я работала съ моимъ мужемъ также, какъ и ѣла съ нимъ, потому что одно для меня было также естественно, какъ и другое. Если цитировали какой-нибудь отрывокъ изъ его произведеній, гдѣ находили особенно изящный слогъ, если принимали какую-нибудь академическую бездѣлицу, какія онъ любилъ писать для представленія ученымъ обществамъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ, я наслаждалась его удовольствіемъ, не обращая особеннаго вниманія—не было ли это написано мной, и онъ часто, въ концѣ концовъ, убѣждался, что дѣйствительно былъ въ ударѣ, когда писалъ такое-то мѣсто, принадлежавшее моему перу. Во время управленія министерствомъ, когда нужно было высказывать сильныя и великія истины, я въ это дѣло вкладывала всю свою душу; совершенно естественно, что выраженія этой души отличались бо́льшими достоинствами, чѣмъ измышленія ума какого-нибудь секретаря. Я любила свою страну; я была проникнута энтузіазмомъ къ свободѣ: я не знала никакихъ интересовъ, ни страстей, которыя могли-бы сравниться съ этими чувствами; мой языкъ долженъ былъ быть чистымъ и патетическимъ,—это былъ языкъ сердца и правды. Я такъ сильно проникалась важностью предмета, что не думала о себѣ. Одинъ только разъ меня разсмѣшила странность контрастовъ въ положеніяхъ. Это было, когда я писала папѣ, чтобы потребовать выдачи французскихъ артистовъ, заключенныхъ въ Римѣ въ тюрьму. Письмо къ папѣ, отъ имени исполнительнаго совѣта Франціи, тайно начертанное женщиной, въ просто обставленномъ кабинетѣ, который Маратъ любилъ называть будуаромъ,—все это мнѣ показалось до того забавнымъ, что я много смѣялась, написавъ письмо. Удовольствіе, доставляемое этими контрастами, заключалось въ самой тайнѣ; но оно по необходимости стало менѣе полнымъ въ положеніи, которое уже не было положеніемъ частнаго человѣка, когда глазъ чиновника отличалъ почерки рукописей, съ которыхъ снималъ копіи. Во всемъ этомъ, однако, нѣтъ ничего страннаго, кромѣ необычности; отчего женщина не можетъ исполнять роль

Digitized by Google

секретаря своего мужа, безъ того, чтобы это умаляло его заслуги? Вѣдь извѣстно, что министры не могутъ все дѣлать сами; и конечно, еслибы жены министровъ стараго режима или даже жены всѣхъ министровъ новаго были способны писать проекты писемъ, циркуляровъ или объявленій, онѣ-бы лучше сдѣлали, употребляя свое время на это, чѣмъ на хлопоты и интриги за всякаго встрѣчнаго и поперечнаго: одно исключаетъ другое въ силу самой сущности вещей. Если-бы тѣ, кто понялъ меня, представили себѣ факты такими, какими они были, они-бы меня избавили отъ нѣкоторой знаменитости, которой я не желала; вмѣсто того, чтобы теперь тратить свое время на опроверженіе лжи, я-бы читала главу изъ Монтеня, рисовала-бы цвѣтокъ или играла какой-нибудь мотивъ, и этимъ услаждала-бы свое уединеніе въ тюрьмѣ, не занимаясь писаніемъ своей исповѣди. Но я забѣгаю впередъ къ эпохѣ, до которой еще не дошла; я безъ сознанія неловкости обращаю на это вниманіе читателя, также какъ и не совѣстно было это сдѣлать; потому что дѣло идетъ о томъ, чтобы описать меня, и нужно чтобы меня видѣли съ моими недостатками. Я не повелѣваю своимъ перомъ, оно меня увлекаетъ, куда ему хочется, и я не сопротивляюсь ему.

Мой отецъ въ первое время своего вдовства искренно старался порѣже выходить изъ дому; но дома онъ скучалъ; и съ тѣхъ поръ, какъ любовь къ искусству перестала предотвращать эту болѣзнь, всѣ мои усилія не могли излѣчить ея. Я хотѣла съ нимъ разговаривать; но у насъ было мало общихъ мыслей, и вѣроятно онъ тогда интересовался вещами, которыми-бы не хотѣлъ, чтобы я увлекалась. Я часто играла съ нимъ въ пикетъ; его не очень оживляло играть со своей дочерью; къ тому-же ему было небезъизвѣстно, что я ненавидѣла карты, и какъ я ни желала убѣдить его, что игра мнѣ доставляла удовольствіе, какъ я ни старалась дѣйствительно находить удовольствіе въ томъ, чтобы его развлечь, онъ не сомнѣвался, что это было съ моей стороны снисхожденіемъ. Я хотѣла-бы сдѣлать его домъ пріятнымъ для него, но не имѣла къ тому возможности: я поддерживала сношенія лишь съ дѣдушкой и бабушкой, которыхъ мы ходили навѣщать и которые сами не двигались изъ дому. Нужно было-бы, чтобы онъ самъ собиралъ у себя общество; но у него было общество въ другомъ мѣстѣ, и онъ отлично сознавалъ, что было-бы не прилично меня въ него вводить. Неужели моя мать была дѣйствительно неправа, когда сосредоточивалась въ самое себя и не дѣлала свой домъ достаточно оживленнымъ, чтобы удержать въ немъ своего мужа? Было-бы слишкомъ легкомысленно осуждать ее за это; и было-бы также несправедливо считать моего отца столь достойнымъ порицанія за нѣкоторыя ошибки, отъ которыхъ онъ самъ пострадалъ. Иныя сцѣпленія несчастій неизбѣжно

Digitized by Google

проистекаютъ отъ первичной причины, и нужно всегда возвращаться къ этой послѣдней, чтобы найти объясненія для всего.

Законодатели нашего вѣка стремятся создать общее благо, отъ котораго будто-бы зависитъ счастье каждаго отдѣльнаго человѣка; я очень боюсь, что они начинаютъ дѣло съ конца. Было-бы болѣе сообразно съ природой и, можетъ быть, съ здравымъ смысломъ, хорошо изучить то, что образуетъ семейное счастіе, и упрочить его за личностями такимъ образомъ, чтобъ общее счастіе составлялось изъ счастія каждаго въ отдѣльности, и чтобы всѣ были заинтересованы въ поддержаніи порядка вещей, который имъ доставилъ это счастье. Какъ-бы ни были прекрасны писанные принципы конституціи, но если я вижу часть людей, принявшихъ ее, въ горѣ и слезахъ, я буду ее считать не больше, чѣмъ политическимъ уродомъ; если тѣ, которые не плачутъ, радуются страданіямъ другихъ, я скажу, что она ужасна, и что ея творцы—глупцы или злодѣи.

Въ бракѣ, гдѣ мужъ и жена не подходятъ другъ къ другу, добродѣтель одного изъ двухъ можетъ поддерживать порядокъ и миръ, но отсутствіе счастія рано или поздно заставляетъ себя чувствовать и влечетъ за собой болѣе или менѣе серьезныя затрудненія. Построеніе такихъ союзовъ походитъ на систему нашихъ политиковъ: его основанія не крѣпки; оно должно рушиться въ одинъ прекрасный день, вопреки искусству, потраченному на его сооруженіе.

Моя мать могла привлекать къ себѣ лишь людей, которые-бы походили на нее, а такіе люди были-бы не по плечу моему отцу: съ другой стороны тѣ, ежедневное общество которыхъ доставляло-бы ему удовольствіе, были-бы въ тягость моей матери и несовмѣстимы съ тѣмъ, какъ она хотѣла меня воспитывать. Ей, поэтому, пришлось удовлетвориться семьей и тѣми поверхностными сношеніями, которыя доставляютъ знакомства, но не образуютъ тѣсныхъ связей.

Все шло хорошо, пока мой отецъ, обладая пріятною профессіей и молодою женой, находилъ въ своемъ домѣ работу и наслажденія, которыя были для него необходимы. Но онъ былъ годомъ моложе своей жены, и она съ раннихъ поръ стала хворать; нѣкоторыя обстоятельства уменьшили его усердіе къ работѣ; страсть къ наживѣ заставила его броситься въ рискованныя предпріятія; съ той поры все было потеряно. Любовь къ труду — основная добродѣтель человѣка въ обществѣ, а въ особенности человѣка съ неразвитымъ умомъ; лишь только любовь эта замираетъ, появляется опасность; если она гаснетъ, человѣкъ отдается заблужденіямъ страстей, всегда болѣе пагубнымъ, когда меньше обязанностей, потому что тогда ничто уже не сдерживаетъ. Овдовѣвъ въ такую минуту, когда ему нужны были-бы новыя цѣпи у себя дома, мой бѣдный отецъ завелъ лю-

Digitized by Google

бовницу, чтобъ не дать своей дочери мачихи; онъ игралъ въ карты, чтобъ покрыть недостатокъ заработка или свои издержки; и не переставая быть честнымъ человѣкомъ, боясь повредить кому-бы то ни было, онъ потихоньку разорялся. Мои родные, добрые люди, не свѣдущіе въ дѣлахъ и къ тому-же очень вѣрившіе въ привязанность моего отца ко мнѣ, послѣ смерти его жены не потребовали у него предъявленія баланса; имъ казалось, что мои интересы вполнѣ хорошо охраняются имъ; они-бы считали, что наносятъ ему оскорбленіе. Я могла предчувствовать противоположное; но я-бы сочла неприличнымъ раскрыть это; поэтому я смолчала и покорилась.

Итакъ, я оказалась одна въ домѣ, дѣля свое время между мелкими рукодѣльными работами и своими занятіями, отъ которыхъ я иногда отвлекалась, чтобъ принимать тѣхъ, которые сердились, что слишкомъ рѣдко заставали моего отца; у него оставалось всего два ученика, справлявшіеся съ его работой; только одинъ изъ нихъ столовался у него. Моя прислуга была маленькая женщина 55 лѣтъ, худая и проворная, живая и веселая; она меня очень любила, потому что я доставляла ей пріятную жизнь. Она всякій разъ сопровождала меня, когда я выходила безъ моего отца; а мои прогулки всегда ограничивались квартирой дѣдушки и бабушки и церковью. Я не стала опять набожной; но то, чего я уже не обязана была дѣлать ради спокойствія моей матери, я продолжала быть обязанной дѣлать ради общественнаго порядка и назиданія своихъ ближнихъ. Согласно съ этимъ принципомъ, я приносила съ собой въ церковь если не нѣжную набожность прежнихъ дней, то, по крайней мѣрѣ, то-же приличіе и сосредоточенность мыслей. Я уже не слѣдила въ церкви за служебникомъ, а читала тамъ какое-нибудь христіанское сочиненіе; мнѣ попрежнему очень нравился св. Августинъ; и, конечно, есть и другіе отцы церкви, которыхъ можно перечитывать, и не будучи набожной; въ нихъ находишь пищу для сердца и ума. Я захотѣла изучить проповѣдниковъ, живыхъ и мертвыхъ; церковное краснорѣчіе было поприщемъ, гдѣ талантъ могъ проявиться въ полномъ блескѣ. Я уже читала Боссюэ и Флешье; я очень рада была пересмотрѣть ихъ болѣе опытнымъ глазомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомилась съ Бурдалу и Массильономъ; ничего не могло быть забавнѣе, какъ видѣть ихъ на моихъ полкахъ разставленными рядомъ съ По, Рейналемъ и „Системой природы“; но что было еще забавнѣе,—это то, что я, начитавшись проповѣдей, сама захотѣла написать проповѣдь. Меня сердило, что проповѣдники все возвращаются къ чудесамъ; мнѣ казалось, что слѣдовало говорить проповѣди о нравственности, гдѣ діаволъ и воплощеніе были-бы нипричемъ: я взялась за перо, чтобы увидѣть, какъ я могла-бы справиться съ этимъ, и написала проповѣдь о любви къ ближнему. Я доставила

Digitized by Google

этимъ развлеченіе дядечкѣ; онъ сдѣлался къ тому времени каноникомъ въ Венсенѣ и выразилъ сожалѣніе о томъ, что мысль объ этой работѣ не приходила мнѣ въ голову раньше, когда онъ долженъ былъ составлять проповѣди, — онъ-бы тогда пользовался моими. Я часто слышала, какъ превозносили діалектику Бурдалу; я осмѣливалась не во всемъ раздѣлять мнѣніе его поклонниковъ и написала критику на одну изъ самыхъ почитаемыхъ его проповѣдей, но ее никому не показала; я любила отдавать себѣ отчетъ въ своихъ взглядахъ, но ни передъ кѣмъ не хотѣла умничать. Массильонъ, менѣе гордый, чѣмъ онъ, и гораздо болѣе трогательный, снискалъ себѣ мое уваженіе. Я тогда не знала протестантскихъ ораторовъ, среди которыхъ особенно отличался Blair; съ такой-же простотой, какъ и изяществомъ, онъ подвизался въ этой области, о существованіи которой я подозрѣвала и которую мнѣ хотѣлось-бы видѣть принятою.

Изъ проповѣдниковъ того времени я слышала аббата l'Enfant въ его послѣдніе хорошіе дни; его характерными чертами мнѣ казались любезность и здравый смыслъ. Отецъ Elisée уже вышелъ изъ моды, несмотря на его превосходную логику и чистоту его слога; въ его умѣ было слишкомъ много метафизическаго и его рѣчь была слишкомъ проста, чтобы долго плѣнять толпу. Парижъ того времени представлялъ изъ себя нѣчто странное; этотъ центръ разврата всего королевства былъ также очагомъ просвѣщенія и вкуса; являлся-ли проповѣдникъ или актеръ, профессоръ или шарлатанъ, — всякимъ, кто обладалъ талантомъ, увлекались поочереди; но величайшій талантъ въ мірѣ не могъ-бы долго сосредоточить на себѣ общественное вниманіе, которому всегда нужно было что-нибудь новое, и которое шумъ привлекалъ такъ-же, какъ и достоинство. Одинъ человѣкъ, вышедшій изъ знаменитаго ордена іезуитовъ и ставшій миссіонеромъ, появлялся при дворѣ, и этимъ способомъ успѣлъ сдѣлаться предметомъ шумнаго увлеченія. Я также пошла слушать аббата de Beauregard; это былъ маленькій человѣкъ съ могучимъ голосомъ, декламировавшій съ рѣзкимъ безстыдствомъ и необыкновенной наглостью. Онъ произносилъ вдохновеннымъ тономъ общія мѣста; онъ подчеркивалъ ихъ такими страшными жестами, которые убѣждали многихъ, что эти общія мѣста прекрасны. Я еще не знала такъ хорошо, какъ узнала это впослѣдствіи, что люди, соединенные въ большую толпу, имѣютъ скорѣе большія уши, чѣмъ большой смыслъ; что удивлять ихъ значитъ прельщать ихъ, и, что тотъ, кто присвоиваетъ себѣ власть приказывать имъ, тѣмъ самымъ склоняетъ ихъ къ послушанію: я не могла достаточно надивиться успѣху этого человѣка, большого фанатика или большого плута, а можетъ быть—и то и другое вмѣстѣ. Я не достаточно хорошо вдумывалась въ изложеніе условій, при которыхъ

Digitized by Google

говорились рѣчи съ трибунъ въ древнихъ республикахъ; я-бы лучше представляла себѣ способы производить впечатлѣніе на народъ. Но я никогда не забуду, какъ одинъ простолюдинъ, стоявшій прямо противъ кафедры, гдѣ метался Beauregard, съ глазами, устремленными на оратора, съ раскрытымъ ртомъ, невольно далъ сорваться выраженію своего глупаго восхищенія, вылившагося въ трехъ словахъ, которыя я хорошо запомнила: „Какъ онъ потѣетъ"! Итакъ, вотъ способъ внушать почтеніе глупцамъ! Какъ Фокіонъ былъ правъ, когда изумленный тѣмъ, что ему рукоплескали на народномъ собраніи, онъ спросилъ своихъ друзей, не сказалъ-ли онъ какой-нибудь глупости!

Этотъ г. de Beauregard былъ-бы замѣчательнымъ клубистомъ; и сколько братьевъ народныхъ обществъ своимъ энтузіазмомъ къ наглымъ болтунамъ напомнили мнѣ восклицаніе моего простолюдина: какъ онъ потѣетъ!

Опасность, которой я подвергалась, произвела нѣкоторый шумъ; очевидно находили рѣдкимъ или прекраснымъ, что молодая дѣвушка подверглась опасности умереть съ горя изъ-за смерти матери. Мнѣ выказывали знаки сочувствія, которые мнѣ были дороги; г. de Boismorel былъ однимъ изъ первыхъ, проявившихъ мнѣ сочувствіе; я его не видала со времени его визитовъ къ моей бабушкѣ. Я замѣтила впечатлѣніе, какое произвели на него измѣненія, совершившіяся во мнѣ съ того времени. Онъ явился еще разъ, когда меня не было дома; онъ долго бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ, который говорилъ ему, вѣроятно, о моихъ вкусахъ, показалъ ему маленькое убѣжище, гдѣ я проводила свои дни; взглянули на мои книги; мои произведенія, лежавшія на моемъ столѣ, возбудили его любопытство: мой отецъ далъ возможность удовлетворить это чувство, передавъ ему мои тетради.

Большое неудовольствіе и большія жалобы съ моей стороны, когда, возвратившись домой, я узнала о вторженіи въ мое убѣжище: мой отецъ увѣрялъ, что онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ-бы по отношенію ко всякому другому человѣку, менѣе серьезному и менѣе достойному уваженія, чѣмъ г. de Boismorel; этотъ доводъ не заставилъ меня примириться съ его поступкомъ, который посягалъ на мою свободу, на мою собственность, который безъ моего позволенія располагалъ тѣмъ, чѣмъ одно довѣріе должно было пользоваться. Но дѣло было сдѣлано. На слѣдующій день я получила отъ г. de Boismorel любезное письмо, слишкомъ мило написанное, чтобы не заслужить ему прощенія за то, что онъ воспользовался нескромностью моего отца, тѣмъ болѣе, что я получила предложеніе пользоваться всѣмъ, что заключалось въ его библіотекѣ. Я не отнеслась къ этому предложенію равнодушно; съ этой минуты мы вступили въ переписку; я въ первый разъ сознательно насладилась великимъ удовольствіемъ, кото-

Digitized by Google

рое испытываетъ наша чувствительность, наше самолюбіе, когда насъ цѣнятъ тѣ, чьимъ мнѣніемъ мы дорожимъ.

Г. de Boismorel въ то время уже не жилъ въ самомъ Парижѣ; его любовь къ деревнѣ и желаніе не слишкомъ отдалять свою мать отъ жизни въ столицѣ побудили его купить, ниже Шарантона, помѣстье petit Bercy,—красивый домъ съ садомъ, простиравшимся до береговъ Сены. Онъ очень приглашалъ насъ сдѣлать этотъ домъ цѣлью нашихъ прогулокъ, выражая величайшее желаніе принимать насъ въ немъ. Я помнила пріемъ, который когда-то оказала мнѣ его мать; мнѣ вовсе не хотѣлось опять подвергнуться ему, и я долго противилась настояніямъ моего отца. Онъ настаивалъ, и такъ какъ я не хотѣла отказываться отъ прогулокъ, которыя ему приходило въ голову дѣлать со мной, то мы однажды отправились въ Bercy. Госпожи de Boismorel сидѣли вмѣстѣ въ лѣтней гостиной; присутствіе невѣстки, о любезности которой я много слышала, внушило мнѣ вдругъ ту непринужденность, которая мнѣ была необходима, чтобы самой не быть нелюбезной. Мать, которой тонъ читатель не забылъ, котораго годы не сдѣлали болѣе скромнымъ, оказалась, однако, гораздо болѣе вѣжливою съ молодою особой, очевидно чувствующей свою силу, чѣмъ она была съ ребенкомъ, котораго она считала незначительнымъ.—„Какъ она мила, ваша дорогая дочь, господинъ Philipon! знаете ли вы, что мой сынъ въ восторгѣ отъ нея? Скажите, пожалуйста, сударыня, не хотите ли вы выйти замужъ“?—Другіе уже объ этомъ думали за меня, но я еще не нашла поводовъ для того, чтобы на это рѣшиться.—„Вы, я думаю, требовательны! Имѣли-ли бы вы что-нибудь противъ человѣка извѣстныхъ лѣтъ“?—Одно лишь знакомство съ человѣкомъ могло-бы мотивировать влеченіе или отвращеніе.—Такого рода браки болѣе прочны,—молодой человѣкъ часто ускользаетъ, когда мы думаемъ, что привязали его къ себѣ“.—А почему, мать моя, сказалъ г. de Boismorel, который только-что вошелъ, вы-бы не желали, чтобы дѣвица имѣла увѣренность въ своей способности покорить его вполнѣ?—Она одѣта со вкусомъ, сказала г-жа de Boismorel своей невѣсткѣ.—Ахъ, очень хорошо и такъ прилично! отвѣтила молодая женщина тѣмъ сладкимъ тономъ, который отличаетъ однихъ только ханжей,—она принадлежала къ этому разряду людей, и маленькіе локончики на ея пріятномъ 34-хъ лѣтнемъ лицѣ служили тому вывѣской.—И нѣтъ того вороха перьевъ, продолжала она, которыя носятъ на себѣ легкомысленныя головы! Вы не любите перьевъ, сударыня?—Я ихъ никогда не ношу, сударыня, потому что я дочь художника и выхожу изъ дому пѣшкомъ; мнѣ казалось-бы, что они показываютъ претензію на положеніе и состояніе, которыми я не обладаю.—Но въ другомъ положеніи вы-бы ихъ носили?—Не знаю; я мало придаю значенія

Digitized by Google

этимъ мелочамъ; я соблюдаю ихъ, лишь поскольку того требуетъ приличіе, и остерегаюсь судить о людяхъ по первому бѣглому взгляду на ихъ туалетъ".

Отвѣтъ этотъ былъ рѣзокъ; но я произнесла его съ такой кротостью, которая смягчила его колкость. — „Философъ"! сказала молодая женщина со вздохомъ, какъ-бы понявъ что я не принадлежу къ числу ея единомышленникомъ.

Послѣ чрезвычайно тщательнаго осмотра моей особы, приправленнаго любезностями въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я только что упоминала, Г. de Boismorel прекратилъ этотъ осмотръ, предложивъ взглянуть на его садъ и библіотеку; я полюбовалась въ первомъ его мѣстоположеніемъ, и онъ обратилъ тамъ мое вниманіе на великолѣпный ливанскій кедръ; я осмотрѣла съ интересомъ библіотеку, и указала сочиненія и коллекціи, которыя мнѣ хотѣлось, чтобы онъ мнѣ одолжилъ; между прочимъ, я указала на Bayle и мемуары академій. Дамы пригласили насъ къ обѣду въ назначенный ими день; мы были на этомъ обѣдѣ, и увидавъ двухъ или трехъ дѣловыхъ людей, приглашенныхъ вмѣстѣ съ нами, я поняла хорошо, что дамы эти подобрали общество для моего отца, не принявъ меня въ соображеніе. Но г. de Boismorel прибѣгнулъ, какъ и въ первый разъ, къ библіотекѣ и саду, гдѣ мы пріятно бесѣдовали: онъ присоединилъ къ намъ своего сына; это былъ молодой человѣкъ 17 лѣтъ, довольно некрасивый и болѣе странный, чѣмъ любезный. Большое общество, которое явилось вечеромъ и которое я внимательно наблюдала, не показалось мнѣ очень привлекательнымъ, несмотря на свои титулы: дочери маркизовъ, совѣтники, одинъ настоятель и нѣсколько старыхъ баронессъ бесѣдовали съ большою важностью, но совершенно также пошло, какъ дамы изъ человѣколюбиваго общества, церковные старосты и мѣщане. Эти картины большого свѣта, которыя я урывками улавливала, внушали мнѣ отвращеніе къ нему, все болѣе привязывая меня къ моему образу жизни.

Г. de Boismorel пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поддерживать знакомство, на которомъ онъ, можетъ быть, строилъ какой-нибудь планъ; онъ старался устраивать такимъ образомъ, чтобы наше общество состояло изъ 4 лицъ—двухъ отцовъ и двухъ дѣтей. Въ такомъ обществѣ онъ повелъ меня въ ближайшій день св. Людовика на публичное засѣданіе французской академіи. Эти засѣданія были тогда мѣстомъ свиданія всего хорошаго общества, и они представляли всѣ контрасты, которыхъ не могли не породить наши нравы и наше безразсудство. Утромъ дня св. Людовика въ маленькой домовой церкви академіи служили обѣдню, гдѣ пѣли пѣвцы оперы; по окончаніи ея великосвѣтскій проповѣдникъ произносилъ похвальное слово въ честь

Digitized by Google

святого короля. Аббатъ de Besplas исполнилъ при мнѣ эту обязанность; я его прослушала съ большимъ удовольствіемъ, несмотря на пошлость столь избитаго предмета; онъ усѣялъ свою рѣчь смѣлыми философскими мыслями и косвенными намеками на правительство, которые онъ принужденъ былъ выпустить, когда отдалъ свою рѣчь въ печать. Г. de Boismorel, который былъ съ нимъ знакомъ, тщетно надѣялся получить полный экземпляръ рѣчи, чтобы сообщить его мнѣ; аббатъ de Besplas, состоявшій при дворѣ въ качествѣ придворнаго священника Monsieur, былъ слишкомъ счастливъ купить прощеніе за свою смѣлость безусловнымъ исключеніемъ мыслей, внушенныхъ ему этой смѣлостью.

Вечеромъ, засѣданіе академіи открывало поприще извѣстнѣйшимъ записнымъ умникамъ королевства, вельможамъ, любившимъ причислять себя къ ихъ составу и показываться въ креслѣ, на глазахъ публики, наконецъ любителямъ, приходившимъ слушать однихъ, видѣть другихъ, показываться всѣмъ, и хорошенькимъ женщинамъ, которыя были увѣрены, что обратятъ на себя ихъ вниманіе.

Я наблюдала за д'Аламберомъ, котораго имя, мелкія произведенія (Mélanges) и энциклопедическія рѣчи возбуждали мое любопытство; его маленькая фигура и тонкій голосъ дали мнѣ поводъ подумать, что интереснѣе знакомиться съ твореніями философа, чѣмъ съ его внѣшностью. Аббатъ Delille подтвердилъ это наблюденіе относительно литераторовъ; недовольнымъ голосомъ онъ прочелъ прелестные стихи. Похвала Catinat, написанная La Harpe, была представлена для соисканія преміи и вполнѣ достойна полученія ея.

Столь-же скромная въ академіи, какъ и въ церкви, я оставалась такой-же, впослѣдствіи, и въ театрѣ; я не принимала участія въ шумныхъ рукоплесканіяхъ, съ восторгомъ расточаемыхъ хорошимъ вещамъ, и съ тщеславіемъ—тѣмъ изъ этихъ вещей, относительно которыхъ каждый вмѣняетъ себѣ въ заслугу, что обратилъ на нихъ свое вниманіе; я была очень внимательна, я слушала, не обращая вниманія на зрителей, и когда бывала растрогана, я плакала, не зная даже, что это можетъ показаться кому-нибудь страннымъ. Я имѣла случай замѣтить, что это было новостью; такъ какъ выходя изъ засѣданія академіи, подъ руку съ г. de Boismorel, я увидѣла мужчинъ съ улыбкой показывавшихъ на меня другъ другу; я была не достаточно тщеславна, чтобы подумать, что мною любуются, но въ этой улыбкѣ ничего не было неучтиваго, и я слышала, какъ говорили о моей чувствительности. Я испытывала какую-то смѣсь удивленія и сладкаго замѣшательства, и была очень рада скрыться отъ взглядовъ толпы.

Похвала Catinat внушила г. de Boismorel мысль интересной поѣздки; онъ предложилъ мнѣ посѣтить Saint-Gratien, гдѣ этотъ ве-

Digitized by Google

ликій человѣкъ окончилъ свои дни въ отставкѣ, вдали отъ двора и почестей; это была философская прогулка совершенно въ моемъ вкусѣ. Г. de Boismorel въ Михайловъ день явился со своимъ сыномъ за моимъ отцомъ и мной; мы отправились въ долину Montmorency, на берега пруда, украшающаго ее; мы добрались до Saint-Gratien, гдѣ отдохнули подъ тѣнью деревьевъ, посаженныхъ Catinat собственноручно; послѣ простого обѣда, мы провели остатокъ дня въ очаровательномъ паркѣ Montmorency; мы увидѣли маленькій домъ, въ которомъ жилъ Jean Jacques, и вполнѣ насладились удовольствіемъ, которое доставляетъ созерцаніе прекраснаго вида, когда разсматриваешь его съ людьми, съ которыми одинаково чувствуешь. Въ одну изъ такихъ минутъ отдыха, когда мы въ безмолвіи созерцали величіе природы, г. de Boismorel вынулъ изъ кармана рукопись, написанную его рукой; онъ прочелъ намъ отрывокъ, который онъ списалъ, и который былъ тогда мало извѣстенъ; это былъ разсказъ изъ жизни Монтескье: его разыскалъ въ Марсели молодой человѣкъ, отца котораго онъ спасъ, и онъ укрылся отъ изъявленій благодарности тѣхъ, кому онъ оказалъ услугу.

Тронутая великодушіемъ Монтескье, я не особенно восхищалась его упорнымъ отрицаніемъ факта, что онъ, дѣйствительно, былъ обожаемымъ освободителемъ этой восхищенной семьи; великодушный человѣкъ никогда не ищетъ благодарности; но если прекрасно укрываться отъ ея проявленія, то доблестно принимать выраженіе этой благодарности; я даже думаю, что этимъ оказываешь новую услугу очень чувствительнымъ людямъ, обязаннымъ намъ, такъ какъ для нихъ—это способъ отплатить намъ за наше одолженіе.

Не слѣдуетъ думать, чтобы я себя чувствовала вполнѣ легко, когда мой отецъ бывалъ съ г. de Boismorel; между ними не было личнаго равенства, и это меня мучило; его сынъ очень на меня засматривался и не нравился мнѣ; мнѣ казалось, что я скорѣе возбуждаю въ немъ любопытство, чѣмъ интересъ; къ тому-же онъ былъ на 3 или на 4 года моложе меня, и это прокладывало между нами значительное разстояніе. Его отецъ это вполнѣ понялъ, и я узнала впослѣдствіи, что онъ однажды сказалъ моему отцу, пожимая его руку: „Ахъ! если-бы мой сынъ былъ достоинъ вашей дочери, я считалъ-бы себя слишкомъ счастливымъ“! — Я не подозрѣвала ничего подобнаго; я даже не взвѣшивала различій; я ихъ чувствовала, и они мнѣ мѣшали что-либо воображать себѣ. Я находила, что г. de Boismorel поступалъ, какъ человѣкъ умный и чувствительный, уважавшій мой полъ, цѣнившій меня и, такъ сказать, покровительствовавшій моимъ склонностямъ. Его письма походили на него самого; они отличались кроткой серьезностью, носили отпеча-

Digitized by Google

токъ ума, стоявшаго выше предразсудковъ, и почтительной дружбы. Онъ знакомилъ меня съ тѣмъ, что называли новинками въ учёномъ и литературномъ мірѣ. Я рѣдко видалась съ нимъ, но каждую недѣлю получала отъ него письма; и чтобы избѣгнуть частыхъ посылокъ своихъ слугъ ко мнѣ, а также избавить меня отъ необходимости посылать разсыльнаго въ Вегсу, отъ отправлялъ книги, предназначенныя мнѣ, на храненіе къ швейцару своей сестры, г-жи de Favières, куда я за ними посылала. Г. de Boismorel, очень любившій литературу и воображавшій, изъ пристрастія ко мнѣ, что я должна была посвятить себя литературнымъ занятіямъ, быть можетъ также для того, чтобы испытать меня, уговаривалъ меня избрать себѣ какой-нибудь родъ литературы и работать: я сначала посмотрѣла на это, какъ на комплиментъ; но когда онъ снова заговорилъ объ этомъ, я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы изложить ему мои взгляды по этому предмету, мою вполнѣ обдуманную несклонность какимъ-бы то ни было образомъ выдвигаться, и мою безкорыстную любовь къ занятіямъ; я хотѣла, чтобы послѣдняя сдѣлала меня счастливой, безъ вмѣшательства славы, которая мнѣ казалась лишь способной помутить это счастье. Послѣ того, какъ я серьезно изложила ему свой взглядъ, я къ своимъ разсужденіямъ прибавила стихи, излившіеся экспромптомъ, въ которыхъ мысли были лучше, нежели выраженіе; я помню, что, толкуя о богахъ и о томъ, какъ они распредѣляли блага и обязанности, я говорила:

„Открывая просторъ великимъ и благороднымъ талантамъ мужчинъ, они не положили никакого предѣла ихъ самымъ возвышеннымъ порывамъ. Отъ моего пола, слабаго и чувствительнаго, они требуютъ лишь добродѣтели; мы можемъ подражать Титу, но на менѣе трудномъ пути. Наслаждайтесь благомъ быть призванными ко этого рода славѣ; для насъ храмъ памяти находится въ сердцахъ нашихъ друзей“.

Г. de Boismorel иногда отвѣчалъ мнѣ на томъ-же языкѣ; его стихи были не лучше моихъ, но ни тотъ, ни другой изъ насъ не придавалъ этому значенія. Однажды онъ пришелъ повѣрить мнѣ, что желаетъ употребить одно средство для оживленія сильно охладившагося прилежанія своего сына. Этотъ молодой человѣкъ былъ, вполнѣ естественно, друженъ со своимъ сверстникомъ и двоюроднымъ братомъ de Favières, въ 21 годъ совѣтникомъ въ парламентѣ, вѣтреннымъ, какъ бываютъ люди въ этомъ возрастѣ, со всею самонадѣянностью судьи, имѣющаго высокое мнѣніе о своемъ званіи, не признавая обязательствъ, имъ налагаемыхъ, съ вольностями, быть можетъ даже съ зарождающимися странностями богатаго и единственнаго наслѣдника.

Итальянская комедія и опера гораздо болѣе поглощали обоихъ кузеновъ, одного изъ нихъ—чѣмъ Куяцій и Бартолъ, а другого,—нежели

Digitized by Google

математика, которою онъ началъ заниматься.—„Нужно, сказалъ мнѣ г. de Boismorel, чтобы вы сдѣлали моему сыну выговоръ, разумный и убѣдительный, какой вы съумѣете почерпнуть изъ своей души, который-бы подстрекнулъ его самолюбіе и пробудилъ великодушныя намѣренія.—Я, сударь, я! (я не вѣрила ушамъ своимъ)... но какимъ образомъ, скажите пожалуйста, я могу дѣлать наставленія вашему сыну?—Вы придадите этому оборотъ, какой пожелаете; вы не назовете себя; мы это пошлемъ въ видѣ письма отъ кого-то, кто видитъ его близко, знаетъ объ его дурномъ поведеніи, интересуется имъ и предупреждаетъ его объ опасности; я съумѣю передать ему письмо въ такую минуту, когда оно произведетъ все свое дѣйствіе; нужно только, чтобы онъ не подозрѣвалъ въ этомъ меня; я скажу ему, когда настанетъ время, кому онъ этимъ обязанъ.—О, вы никогда не должны называть меня! Но вѣдь у васъ есть друзья, которые-бы это сдѣлали лучше; чѣмъ я.—Я думаю совсѣмъ противное и прошу у васъ этой милости.—Ну, такъ я отказываюсь отъ своего самолюбія; чтобы доказать вамъ свое желаніе быть вамъ полезной, я набросаю черновую письма, о которой вы мнѣ скажете ваше мнѣніе и которую вы исправите“.

Въ тотъ-же вечеръ я написала письмо, довольно колкое, нѣсколько насмѣшливое,—такое, какое я считала нужнымъ, чтобы задѣть самолюбіе, поощрить благоразуміе молодого человѣка, съ которымъ нужно говорить объ его счастіи, когда хочешь вернуть его къ серьезнымъ привычкамъ. Г. de Boismorel былъ въ восторгѣ и просилъ меня переслать это письмо безъ всякихъ измѣненій. Я отправила его Софіи, чтобы она снесла его на почту въ Аміенѣ, и ожидала съ нѣкоторымъ любопытствомъ свѣдѣній о томъ, какъ подѣйствовала моя проповѣдь.

Г. de Boismorel вскорѣ далъ мнѣ объ этомъ извѣстія, очень меня заинтересовавшія; онъ воспользовался многими удобными обстоятельствами для того, чтобы письмо произвело бо́льшее впечатлѣніе; молодой человѣкъ былъ тронутъ; онъ вообразилъ, что знаменитый Duclos былъ авторомъ выговора и отправился къ нему поблагодарить его; обманутый въ своемъ предположеніи, онъ обратился къ другому пріятелю своего отца, и тутъ тоже невпопадъ; но, словомъ занятія снова вступили въ нѣкоторыя права.

Вскорѣ послѣ этого съ г. de Boismorel, отправившимся въ жаркій день изъ Bercy въ Венсенъ, гдѣ, какъ онъ зналъ, я была у своего дяди, чтобы принести мнѣ экземпляръ Георгикъ, переведенныхъ Delille, сдѣлался солнечный ударъ. Онъ отнесся къ нему недостаточно серьезно; у него сдѣлались головныя боли, къ нимъ присоединился жаръ, затѣмъ спячка; онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни. Было не многимъ больше $1^1/_2$ лѣтъ, что мы съ нимъ вступили въ переписку; я его оплакивала, кажется болѣе горько

Digitized by Google

чѣмъ его собственный сынъ, и при воспоминаніи о немъ всегда испытываю то горестное сожалѣніе, то чувство уваженія и нѣжности, которыми окружаешь память праведниковъ.

Когда мое горе немного утихло, я посвятила ему романсъ, котораго никто не видѣлъ, который я пѣла подъ акомпаниментъ гитары и который я послѣ забыла и потеряла. Я больше не слышала объ его семьѣ; только когда мой отецъ отправился къ нимъ съ визитомъ для выраженія соболѣзнованія, молодой de Boismorel, котораго имя было Roberge, сказалъ ему очень развязнымъ тономъ, что онъ нашелъ и отложилъ въ сторону, съ тѣмъ, чтобы ихъ ему передать, мои письма къ его отцу, среди которыхъ онъ узналъ оригиналъ нѣкоего посланія, полученнаго имъ самимъ. Мой отецъ прекрасно зналъ о происшедшемъ; онъ почти ничего не отвѣчалъ, и нашелъ, что молодой человѣкъ имѣлъ обиженный видъ; изъ чего я заключила, что онъ былъ глупъ, и не очень этимъ огорчилась; не знаю, вѣрно-ли я отгадала.

Нѣкоторое время спустя г-жа de Favières пришла къ моему отцу, чтобы поручить ему покупку какихъ-то золотыхъ вещей или предметовъ искусства; я была въ своей маленькой кельѣ, и услышала ее въ сосѣдней комнатѣ:—„у васъ, господинъ Philipon, сказала она, прелестная дочка; мой братъ мнѣ сказалъ, что это одна изъ самыхъ умныхъ женщинъ, которыхъ онъ знаетъ; берегитесь, чтобы она не вдалась въ умничаніе,—это было-бы очень плохо: не проглядываетъ-ли въ ней нѣкоторый педантизмъ? Это опасно; мнѣ кажется, что я что-то слышала объ этомъ. Она хороша собой, пріятной наружности".—Вотъ сказала я про себя въ своемъ углу, дерзкая дама, которая очень похожа на свою мать: Боже меня избави увидѣть ея лицо или показать ей свое!

Мой отецъ, который прекрасно зналъ, что я должна была слышать ея слова, воздержался отъ того, чтобы позвать меня, разъ я не показывалась сама; я никогда, исключая этого дня, не слышала голоса г-жи de Favières.

Я еще ни слова не говорила о своей превосходной кузинѣ Trude. Это была одна изъ тѣхъ душъ, которыя небо создаетъ въ своей благости для чести рода человѣческаго и утѣшенія несчастныхъ: великодушная по инстинкту, любезная, хотя и необразованная, она не имѣла, сколько я знаю, иного недостатка, кромѣ чрезмѣрной деликатности и самолюбія добродѣтели. Она считала-бы, что не исполняетъ своихъ обязанностей, если-бы дѣйствовала такимъ образомъ, чтобы кто-нибудь могъ подозрѣвать, что она ихъ выполняетъ. Благодаря этому она была совершенной жертвой самаго сумасброднаго изъ мужей. Trude былъ какой-то невѣжа, столь же дикій въ своихъ мысляхъ, сколько вспыльчивый по характеру и грубый въ обращеніи; онъ занимался

Digitized by Google

торговлей зеркалами, какъ всѣ Trude, отъ отца къ сыну, занимались этимъ уже нѣсколько поколѣній; и это онъ мнѣ дѣлалъ честь быть моимъ двоюроднымъ братомъ со стороны моей матери. Дѣятельный по темпераменту, трудолюбивый вспышками, поддерживаемый заботливостью и умомъ кроткой и умной жены, онъ составилъ себѣ довольно хорошее состояніе и обязанъ былъ достоинствамъ своей жены тѣмъ, что его хорошо принимали въ собственной его семьѣ, которая отвергла-бы его, будь онъ одинъ.

Моя мать очень любила свою двоюродную племянницу, которая, въ свою очередь, удивительно благоговѣла передъ ней и горячо привязалась ко мнѣ. Она доказала мнѣ это, какъ мы видѣли, послѣ смерти моей матери; занятая днемъ своимъ хозяйствомъ и своимъ мужемъ, она хотѣла быть моей сидѣлкой ночью; она приходила издалека, чтобы исполнять эти обязанности, и постоянно выполняла ихъ, пока я была въ опасности. Это обстоятельство должно было еще больше сблизить насъ, и мы часто видались. Ея мужу пришла фантазія приходить еще чаще нея, и притомъ безъ своей жены; я сперва выносила его ради нея, не смотря на свое неудовольствіе; наконецъ онъ сталъ окончательно для меня невыносимъ, и со всею осторожностью, съ какой необходимо обращаться съ человѣкомъ буйнаго нрава, я дала ему почувствовать, что званіе родственника и мужа моей подруги было недостаточно, чтобы дать ему право на частыя посѣщенія, которыя уже не могли объясняться состояніемъ недомоганія и болѣзни, бывшимъ слѣдствіемъ моего горя.

Мой милый кузенъ сталъ приходить нѣсколько рѣже; но онъ водворялся съ визитомъ на три или четыре часа, что-бы я ни дѣлала, даже когда я писала и говорила ему, что спѣшу; когда, вынужденная высказаться откровенно, я рѣшительно просила его удалиться, онъ бывалъ до того не въ духѣ у себя дома и поднималъ такой шумъ со своей женой, что она просила меня имѣть терпѣніе, ради ея спокойствія. Особенно часто приходилось мнѣ подвергаться этого рода непріятностямъ по воскресеньямъ и праздникамъ; когда погода бывала хороша, я убѣгала и назначала его женѣ свиданія у своихъ старыхъ родственниковъ, такъ какъ принимать ее у себя вмѣстѣ съ нимъ на непродолжительное время,—это значило не видѣть ее, но быть свидѣтелемъ сценъ, которыя ея грубый мужъ не упускалъ ей дѣлать. Зимой я избрала другое средство: немедленно послѣ обѣда я отпускала свою прислугу на всѣ четыре стороны,—и она запирала меня въ два поворота замка и на три засова; я оставалась совершенно одна и была спокойна до 8 часовъ вечера. Trude приходилъ, никого не заставалъ, кто-бы ему отвѣтилъ, возвращался и иногда прогуливался по два часа вокругъ дома, въ дождь или въ снѣгъ, чтобы выждать

Digitized by Google

минуту, когда ему можно будетъ войти. Заставить запирать себя, когда я дѣйствительно бывала дома съ кѣмъ-нибудь, было почти-что невозможно; совсѣмъ не принимать его, убѣдивъ отца прервать знакомство съ этимъ господиномъ (это было-бы и трудно, потому что онъ былъ бездѣтенъ и мой отецъ считалъ нужнымъ щадить его), — это значило вдаться въ крайность, которой боялась его жена, отказаться отъ нашей дружбы и подвергнуть ее новымъ напастямъ.

Я ничего не знаю худшаго, какъ имѣть дѣло съ съумасшедшимъ; по отношенію къ нимъ дѣйствительно одно только средство — связывать ихъ, — все остальное безполезно. Этотъ несносный кузенъ былъ для меня настоящимъ бичемъ; и самое большое доказательство того, какъ я цѣнила его жену,—это то, что я могла воздержаться отъ того, чтобы не выбросить его изъ окна; хотя и въ этомъ случаѣ онъ-бы вернулся черезъ чердакъ. Слѣдуетъ, однако, быть справедливымъ: Trude не былъ лишенъ извѣстнаго рода честности; болѣе съумасшедшій, чѣмъ глупый, онъ какъ-бы зналъ, до какого предѣла онъ могъ безнаказанно говорить вздоръ; никогда его грубый разговоръ не бывалъ неприличенъ, и если онъ вѣчно поступалъ безтактно и неблагоразумно, то онъ никогда не оскорблялъ чувства скромности или стыдливости. Когда его жена отправлялась гулять со мной, онъ слѣдилъ за нами; и если съ нами заговаривалъ или кланялся какой-нибудь мужчина, онъ начиналъ безпокоиться и сердиться до тѣхъ поръ, пока не узнавалъ, кто-бы это могъ быть. Можетъ быть подумаютъ, что онъ ревновалъ къ своей женѣ, — эта догадка была-бы до извѣстной степени справедлива; но гораздо больше онъ ревновалъ ко мнѣ. Несмотря на странность ея положенія, кротость г-жи Trude сопровождалась веселостью: одинъ день она плакала, а на слѣдующій день собирала своихъ друзей; отъ времени до времени она дѣлала обѣды, и за этими семейными пиршествами, одинъ или два раза въ зиму, слѣдовали танцы. Ея кузина всегда бывала героиней праздника, и это дѣлало ея мужа на нѣсколько дней болѣе любезнымъ. Я у нея познакомилась съ двумя лицами, о которыхъ хочу упомянуть; одно изъ нихъ былъ аббатъ Bexon, маленькій горбунъ, исполненный ума, большой другъ François de Neufchâteau и Masson de Morvilliers, авторъ книги по исторіи Лотарингіи, не имѣвшей, впрочемъ, большого успѣха; перомъ его пользовался Бюффонъ, какъ и перьями нѣкоторыхъ другихъ, для приготовленія матеріаловъ и черновыхъ набросковъ, которымъ онъ затѣмъ придавалъ отдѣлку и колоритъ. Bexon, поддерживаемый Бюфономъ, своимъ покровителемъ, и нѣкоторыми знатными женщинами, родственницъ которыхъ онъ знавалъ въ Remiremont, мѣстѣ его рожденія и въ то-же время мѣстѣ пребыванія капитула знатныхъ канониссъ, сдѣлался регентомъ пѣвчихъ въ Sainte-Chapelle въ Парижѣ; онъ привезъ съ собой свою

Digitized by Google

мать и сестру, которыя-бы мнѣ доставили матеріалъ для вводнаго разсказа, еслибы мнѣ захотѣлось записывать эпизоды, неимѣющіе прямого отношенія къ предмету.

Бѣдняга умеръ слишкомъ рано для блага своей взрослой сестры,— дѣвушки съ черными глазами, искавшими поклонниковъ, и красивыми плечами, которыя она любила показывать. Онъ два раза приходилъ повидаться со мной къ моему отцу, и пришелъ въ такой восторгъ, когда нашелъ на моемъ столѣ Ксенофонта in-folio, что въ изступленномъ восхищеніи хотѣлъ меня поцѣловать. Такъ какъ, по моему мнѣнію, меня не за что было цѣловать, то я такъ хорошо успокоила его своею холодностью, что впослѣдствіи онъ лишь острилъ, не выказывая восторговъ, и я видалась съ нимъ только у моей кузины.

Другое лицо былъ честный Gibert; серьезный по характеру, безконечно кроткій въ обращеніи, онъ женился молодымъ на женщинѣ, которая была болѣе красива, чѣмъ кротка, и имѣлъ отъ нея единственнаго сына, воспитаніемъ котораго занимался съ горячею любовью. Онъ служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ и посвящалъ немногія минуты досуга музыкѣ и живописи.

Въ Gibert были всѣ черты характера человѣка справедливаго и правдиваго; онъ никогда не измѣнялъ имъ. Его ошибки были ошибками противъ разсудка; дружба у него была какимъ-то фанатизмомъ, и являлось искушеніе уважать даже его заблужденія, сожалѣя о нихъ. Gibert былъ съ дѣтства друженъ съ человѣкомъ, къ которому онъ выказывалъ столько-же благоговѣнія, сколько любви; при всякомъ случаѣ онъ восхвалялъ его достоинства и гордился дружбою съ нимъ. Gibert пожелалъ познакомиться со мной, его жена и онъ пришли къ моему отцу; я отдала имъ визитъ, и такъ какъ они не часто бывали вмѣстѣ, то онъ отъ времени до времени приходилъ одинъ. Я всегда принимала его съ удовольствіемъ и уваженіемъ, и современемъ мы заключили настоящую дружбу. Gibert скоро заговорилъ со мной о своемъ фениксѣ; онъ, казалось, не могъ быть счастливымъ, пока его другъ и я не получили возможности взаимно восхищаться другъ другомъ; наконецъ, онъ насъ обоихъ пригласилъ къ себѣ обѣдать. Я увидѣла человѣка, чрезвычайная простота котораго доходила до неряшливости; онъ мало говорилъ, ни на кого не устремлялъ свои глаза, и потому для всякаго, кто-бы никогда ни слыхалъ о немъ, было-бы трудно составить себѣ о немъ понятіе по одному свиданію; и признаюсь, что несмотря на мое особенное пристрастіе къ скромности, тонъ этого человѣка былъ столь смиренен, что я охотно повѣрила-бы ему на слово въ томъ, что онъ говорилъ о себѣ. Однако, такъ какъ у него не было недостатка ни въ умѣ, ни въ нѣкоторыхъ познаніяхъ, ему были благодарны, когда случалось, что онъ мелькомъ проявлялъ эти

Digitized by Google

качества, и кончали тѣмъ, что подобно Gibert'у, приписывали ихъ ему въ гораздо большей дозѣ, нежели онъ имѣлъ ихъ въ дѣйствительности. Его жена, довольно неинтересная, но чувствительная, всегда напоминала intentique ora tenebant Виргилія, когда смотрѣла, какъ говорилъ ея мужъ. Нельзя, однако, признать за вполнѣ обыкновенное существо того, кто умѣетъ такъ обманывать даже близко знающихъ его, относительно дѣйствительнаго размѣра своихъ достоинствъ; нужно, чтобы онъ былъ въ чемъ-нибудь великъ, хотя бы въ притворствѣ; и если обстоятельства побуждаютъ его проявлять это притворство въ важныхъ дѣлахъ, онъ можетъ превратиться изъ поддѣльнаго мудреца, пользующагося незаслуженнымъ уваженіемъ, въ злодѣя по отношенію къ своимъ современникамъ. Въ этомъ я могла убѣдиться впослѣдствіи. Я мало видала друга Gibert; онъ покинулъ выгодное мѣсто и даже Францію, чтобы поселиться въ Швейцаріи, куда его влекла любовь къ деревнѣ, куда его манила свобода. Пусть онъ пока уѣзжаетъ; къ несчастью, онъ слишкомъ скоро вернется! Такимъ образомъ я познакомилась съ Pache'емъ, такъ какъ пора, наконецъ, сказать, что рѣчь идетъ о немъ. Читатель увидитъ, какъ, болѣе чѣмъ 10 лѣтъ спустя, Gibert привелъ его ко мнѣ, познакомилъ его съ моимъ мужемъ, который счелъ его человѣкомъ необыкновенно честнымъ и высказалъ это въ такую минуту, когда его аттестація могла создать репутацію; она сдѣлалась причиной его вступленія въ министерство; онъ только надѣлалъ глупостей, которыя доставили ему возможность перейти въ мэрію, гдѣ онъ давалъ разрѣшеніе лишь на гнусности.

Г-жа Trude очень хотѣла предпринять поѣздку къ одной родственницѣ, которая была ей дорога; дѣло шло о двухъ- или трехъ-недѣльномъ отсутствіи. Ея мужъ находилъ неудобнымъ, чтобы контора оставалась такъ долго безъ представительства; но дѣло казалось ему исполнимымъ, если-бы я согласилась приходить иногда среди дня занимать ея мѣсто. Моя кузина желала, чтобы я ей сдѣлала это одолженіе; для нея было достаточно выразить это пожеланіе для того, чтобы я не могла ей въ этомъ отказать, и я согласилась на это безъ колебаній. Я такимъ образомъ 7 или 8 разъ ходила занимать мѣсто г-жи Trude въ ея конторѣ, отъ двѣнадцати до шести часовъ; ея мужъ, веселый и гордый, велъ себя очень хорошо: онъ занимался дѣлами внѣ дома, и, казалось, вполнѣ оцѣнилъ мой поступокъ. Было, очевидно, предопредѣлено, чтобы мнѣ, несмотря на мое отвращеніе къ торговлѣ, пришлось по крайней мѣрѣ разъ въ моей жизни продавать очки и стекла для часовъ! Положеніе было невеселое; Trude жилъ на улицѣ Montmartre, близъ улицы Ticquetonne, гдѣ еще и сейчасъ, вѣроятно, помѣщается его преемникъ: я ничего себѣ не могу представить болѣе адскаго, чѣмъ доносившійся въ широко открытую дверь лавки стукъ эки-

Digitized by Google

пажей, вѣчно проѣзжавшихъ въ этомъ мѣстѣ; я-бы тамъ оглохла, какъ то теперь случилось съ моей бѣдной кузиной. Покинемъ ея грустную семью, судьбу которой узнаемъ впослѣдствіи, и вспомнимъ о другой моей родственницѣ.

Я бывала у дѣвицы Desportes разъ или два раза въ недѣлю, въ день, когда у нея постоянно собиралось общество. Я-бы могла дать нѣсколько характеристикъ, еслибы оригиналы того стоили; но еслибы я изобразила совѣтниковъ изъ Châtelet, въ родѣ маленькаго Mopinot, имѣвшаго притязаніе на остроуміе съ эпиграммами; ханжу de la Presle, господина, имѣвшаго лишь тотъ недостатокъ, что онъ былъ желчнымъ и янсенистомъ; вдову, скрывавшую страсть къ удовольствіямъ подъ неглубокою набожностью, какова была г-жа de Blancfuné; одного стараго и богатаго холостяка, слишкомъ отвратительнаго, чтобы о немъ упоминать; чиновника Baudin, честнаго человѣка, разсуждающаго и точнаго, какъ часы,—и множество другихъ лицъ различныхъ оттѣнковъ, но со столь-же небольшими достоинствами,—я бы потеряла даромъ свои краски и свое время. Я, однако, любила встрѣчаться съ отцомъ Rabbe, очень тонкимъ священникомъ ораторіи, почтеннымъ по возрасту, пріятнымъ по тонкости ума, и съ докторомъ Coste, провансальскимъ докторомъ, подражавшимъ Parrault, не воздвигая Лувра, и разсказывавшимъ ужасы о бракѣ, словно дьяволъ, кривляющійся передъ кропильницей.

Дѣвица Desportes унаслѣдовала отъ своей матери деликатность и гордость, а также искусство получать хорошій доходъ со своихъ денегъ, пущенныхъ въ торговлю, не показывая вида, что занимается этимъ, и разсуждать тономъ довѣрія и равенства съ богатыми или титулованными господами, которые обращались къ ней. Но такъ какъ такое поведеніе непригодно для торговли, поддерживаемой дѣятельною алчностью, то ея наслѣдственное состояніе уменьшилось, и кончилось тѣмъ, что она отказалась отъ торговли и сократила свои издержки. Ея характеръ, поведеніе, приличный тонъ, господствовавшій у нея, привязанность, которую она мнѣ выказывала, заставили мою мать желать, чтобъ я поддерживала съ нею знакомство; она меня къ ней часто посылала. Игра въ пикетъ à écrire занимала бо́льшую часть общества, остальные члены котораго бесѣдовали и занимались рукодѣльемъ; дѣвица Desportes довольно часто засаживала меня за игру, которой я не любила, для того, я думаю, чтобъ пріучить меня угождать другимъ; но помощь какого-нибудь партнера и позволеніе смѣяться надъ моей разсѣянностью дѣлали это занятіе менѣе тягостнымъ.

Теперь пришла очередь вывести на сцену одного старика, пріѣхавшаго изъ Пондишери, съ которымъ я часто и съ большимъ инте-

Digitized by Google

ресомъ встрѣчалась въ теченіе приблизительно года. Мой отецъ познакомился, не знаю какимъ образомъ, но, кажется, по дѣлу, и затѣмъ принималъ у себя въ качествѣ пріятеля отставного офицера, впослѣдствіи ставшаго приказчикомъ безъ мѣста, по фамиліи Demontchéry; это былъ человѣкъ 36 лѣтъ, обладавшій вѣжливыми манерами, сердечнымъ тономъ, тою прелестью, которая дается привычкой обращаться въ свѣтѣ и, быть можетъ, удачнымъ волокитствомъ. Demontchéry поддерживалъ знакомство съ моимъ отцомъ, но рѣдко заходилъ къ моей матери, которая-бы не потерпѣла ухаживаній. Онъ откровенно высказывалъ ко мнѣ уваженіе, почтеніе и т. д., и говорилъ о желаніи просить моей руки, если счастье перестанетъ ему быть противнымъ. Эта судьба побудила его уѣхать прямо въ Остъ-Индію; онъ писалъ оттуда и не скрывалъ своихъ надеждъ на успѣхъ, который-бы ему позволилъ вернуться съ побѣдой; но будучи простымъ начальникомъ сипаевъ и слишкомъ порядочнымъ человѣкомъ, чтобы что-нибудь смыслить въ наживѣ, онъ, кажется, немногаго достигъ, когда вернулся послѣ 7-ми лѣтъ отсутствія и, поспѣшивъ къ моему отцу, узналъ, что я двѣ недѣли тому назадъ вышла замужъ: я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось потомъ и какое-бы чувство онъ мнѣ внушилъ, еслибъ мнѣ пришлось подумать о немъ. Во время его пребыванія въ Пондишери, онъ познакомился съ нѣкіимъ г-номъ Sainte-Lette, однимъ изъ членовъ совѣта, и далъ ему письмо къ моему отцу, когда совѣтъ отправилъ его въ 1776 г. въ Парижъ по какому-то важному дѣлу.

Sainte-Lette было болѣе 60 лѣтъ; это былъ человѣкъ, котораго живость ума и увлеченія страстей сбили съ пути въ молодости, когда онъ промоталъ свое состояніе въ Парижѣ. Онъ уѣхалъ въ Америку; въ Луизіанѣ онъ оставался въ теченіе 13 лѣтъ распорядителемъ торга съ дикарями; попавъ оттуда въ Азію, онъ служилъ въ управленіи Пондишери и стремился добыть средства, чтобы въ будущемъ жить во Франціи или умереть тамъ вблизи друга своей юности, г-на de Sévelinges, о которомъ я позже кое-что разскажу. Серьезный и торжественный голосъ, въ которомъ слышался отзвукъ пережитаго опыта и несчастій, который оттѣнялся свободнымъ выраженіемъ мыслей развитого ума, поразилъ меня въ Sainte-Lette при первомъ свиданіи. Demontchéry говорилъ ему обо мнѣ; это, вѣроятно, было причиной, внушившей ему желаніе познакомиться со мной; мой отецъ его хорошо принялъ; я встрѣтила его съ радушіемъ, потому что онъ вскорѣ заинтересовалъ меня; его общество было мнѣ очень пріятно, а онъ искалъ моего общества, и въ теченіе всего времени, пока длилось его пребываніе въ Парижѣ, онъ не пропускалъ четырехъ или пяти дней, не навѣстивъ меня.

Всегда пріятно слушать людей, много видѣвшихъ, а тѣ, которые

Digitized by Google

много чувствовали, всегда больше видѣли, чѣмъ другіе, хотя-бы они даже меньше путешествовали, чѣмъ Sainte-Lette. Онъ обладалъ тѣмъ родомъ познаній, которыя гораздо больше даются опытомъ, нежели книгами; менѣе ученый, чѣмъ философъ, онъ черпалъ свои знанія изъ сердца человѣческаго; сохранивъ отъ своей юности любовь къ легкой поэзіи, онъ и самъ писалъ миленькія вещицы. Онъ мнѣ далъ нѣсколько своихъ отрывковъ; я сообщила ему нѣкоторыя изъ своихъ грезъ, и онъ мнѣ повторилъ нѣсколько разъ пророческимъ, т.-е. убѣжденнымъ тономъ: „сударыня, какъ вы ни отговариваетесь, вы кончите тѣмъ, что напишете что-нибудь".—Это, стало быть, будетъ подъ чужимъ именемъ, отвѣчала я ему, такъ какъ я скорѣе отрѣзала бы себѣ пальцы, чѣмъ сдѣлалась-бы писательницей.

Sainte-Lette встрѣтилъ у моего отца одного человѣка, съ которымъ я познакомилась нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, и который долженъ былъ сильно повліять на мою судьбу, хотя я этого тогда и не предвидѣла. Я уже упоминала о томъ, что Софія, которую больше, чѣмъ меня, отвлекали свѣтскія связи, далеко не считала этого своимъ преимуществомъ; она иногда говорила мнѣ объ одномъ человѣкѣ, исполненномъ достоинствъ, жившемъ и состоявшемъ на службѣ въ Аміенѣ, который часто бывалъ у ея матери, когда бывалъ въ своемъ постоянномъ мѣстопребываніи; это, однако, случалось не часто, потому что онъ всякую зиму пріѣзжалъ въ Парижъ, а лѣтомъ часто предпринималъ болѣе дальнія путешествія. Она мнѣ назвала его, потому что въ незначительной толпѣ, которая ее окружала, она съ удовольствіемъ отличала человѣка, поучительный разговоръ котораго казался ей всегда новымъ, суровыя, но простыя манеры котораго возбуждали ея довѣріе, который, не будучи любимъ всѣми, за свою подчасъ насмѣшливую строгость, не нравившуюся многимъ, однако былъ всѣми уважаемъ. Софія также говорила ему о своей подругѣ; впрочемъ, въ ея семьѣ только и говорили, что о задушевности, о постоянствѣ дружбы, заключенной въ монастырѣ, принимавшей съ годами извѣстный почтенный характеръ; наконецъ, онъ видѣлъ мой портретъ, который г-жа Cannet повѣсила у себя на видномъ мѣстѣ. „Отчего, говорилъ онъ часто, вы не знакомите меня съ этой подругой? Я всякій годъ ѣзжу въ Парижъ; не дадите-ли вы мнѣ письмо къ ней"? Наконецъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1775 онъ получилъ это желанное порученіе, когда я еще носила трауръ по моей матери, и переживала ту тихую грусть, которая слѣдуетъ за сильнымъ горемъ. Всякій, кто-бы ни явился отъ имени Софіи, не могъ не быть хорошо принятымъ. „Это письмо передастъ тебѣ, писала мнѣ моя подруга, философъ, о которомъ я тебѣ уже нѣсколько разъ упоминала, г-нъ Roland de la Platière, человѣкъ просвѣщенный, чистыхъ нравовъ, которому можно поставить въ упрекъ

Digitized by Google

лишь его слишкомъ большое поклоненіе древнимъ, въ ущербъ современникамъ, которыхъ онъ презираетъ, — и слабость слишкомъ много говорить о себѣ". Этотъ портретъ былъ менѣе, нежели наброскомъ, но черты были схвачены точно и вѣрно. Я увидѣла человѣка сорока слишкомъ лѣтъ, высокаго роста, небрежной осанки, съ тою угловатостью, которая пріобрѣтается, благодаря привычкѣ къ сидячей жизни и занятіямъ наукой; но его манеры были просты и привѣтливы, и хотя онѣ и не отличались свѣтскимъ изяществомъ, но въ нихъ сочетались любезность человѣка хорошей семьи съ серьезностью философа. Худоба, желтизна въ цвѣтѣ лица, очень высокій лобъ, на которомъ волосы уже порѣдѣли, не искажали его правильныя черты, но дѣлали ихъ болѣе почтенными, чѣмъ привлекательными. Впрочемъ, чрезвычайно тонкая улыбка и живое выраженіе измѣняли его лицо и заставляли его казаться совсѣмъ инымъ человѣкомъ, когда онъ оживлялся во время разговора или при мысли о чемъ-нибудь, что для него было пріятно. Его голосъ былъ мужественъ; его рѣчь— отрывиста, какъ то бываетъ у людей съ короткимъ дыханіемъ; его разговоръ—очень содержателенъ, потому что голова его была исполнена мыслей; онъ больше занималъ умъ, чѣмъ ласкалъ ухо; его дикція иногда бывала привлекательна, но угрюма и не гармонична. Мнѣ кажется, что прелесть голоса—рѣдкое и могущественное удовольствіе для чувства; эта прелесть не только зависитъ отъ качества звука, а также является результатомъ той деликатности чувствъ, которая разнообразитъ выраженіе и смягчаетъ удареніе...

Меня прервали, чтобъ извѣстить о включеніи меня въ обвинительный актъ по дѣлу Бриссо, со столькими другими депутатами, которыхъ недавно арестовали. Тираны въ отчаянномъ положеніи; они думаютъ, что заполнятъ пропасть, раскрытую передъ ними, низвергая туда честныхъ людей, но они сами падутъ въ нее за ними. Я не боюсь идти на эшафотъ въ такомъ хорошемъ обществѣ; стыдно жить среди злодѣевъ.

Я отправлю эту тетрадь съ тѣмъ, чтобы продолжать въ другой, если мнѣ предоставятъ возможность это сдѣлать.

Пятница, 4-го октября, день рожденія моей дочери, которой сегодня исполнилось 12 лѣтъ.

Эта красота голоса есть нѣчто, вполнѣ отличное отъ силы его, и не чаще встрѣчается среди ораторовъ, которые въ силу своей профессіи должны упражнять голосъ, чѣмъ среди толпы, образующей общество. Я искала ее въ нашихъ трехъ національныхъ собраніяхъ, но ни у кого не нашла ея въ совершенствѣ; самъ Мирабо, съ его благородной рѣчью, полной величественнаго очарованія, не обладалъ ни привлекательнымъ голосомъ, ни особенно пріятнымъ произношеніемъ.

Digitized by Google

Клермоны больше приближались къ этому идеалу. „Гдѣ же вы нашли вашъ образецъ“? могутъ меня спросить. Я отвѣчу, какъ тотъ художникъ, котораго спрашивали, откуда онъ беретъ тѣ очаровательныя выраженія, которыя онъ придаетъ головамъ, созданнымъ его кистью. „Здѣсь“, отвѣчалъ онъ, прикладывая палецъ къ своему лбу; я поднесла-бы свой палецъ къ моимъ ушамъ. Я мало бывала въ театрѣ, но мнѣ казалось, что и тамъ также трудно было встрѣтить этотъ даръ. Даже Larive, быть можетъ единственный, котораго можно было-бы назвать, былъ не вполнѣ совершененъ. Когда въ первые годы моего отрочества я испытывала тотъ родъ волненія, которое пробуждается желаніемъ нравиться молодымъ людямъ, меня трогалъ звукъ моего собственнаго голоса, я чувствовала потребность смягчить его, чтобъ нравиться себѣ самой. Я понимаю, что тонкая чувствительность грековъ должна была заставлять ихъ придавать значеніе всѣмъ отраслямъ искусства слова; я также понимаю, почему *санкюлотизмъ* заставляетъ пренебрегать этимъ изяществомъ и приводитъ насъ къ свирѣпой грубости, столь же далекой отъ точности спартанцевъ, въ ихъ исполненномъ здраваго смысла языкѣ, какъ и отъ краснорѣчія привлекательныхъ аѳинянъ.

Но мы когда-то оставили La Blancherie въ Орлеанѣ или въ другомъ мѣстѣ, теперь слѣдуетъ покончить съ этимъ господиномъ.

Вернувшись вскорѣ послѣ смерти моей матери, онъ узналъ объ этомъ событіи, когда пришелъ ее навѣстить, и выразилъ удивленіе и горе, которыя меня тронули и мнѣ понравились. Онъ явился ко мнѣ еще нѣсколько разъ; я видалась съ нимъ съ интересомъ. Мой отецъ, наложившій на себя, вначалѣ, обязанность оставаться со мной, когда кто-нибудь приходилъ, нашелъ, что роль дуэньи не была занимательна, и что для него было-бы удобнѣе прямо отказывать отъ дома всякому, кто не обладалъ достаточной въ его глазахъ положительностью возраста, чтобъ избавить его отъ необходимости присутствовать, и оставить меня въ обществѣ моей прислуги или въ одиночествѣ. Онъ объявилъ, что намѣренъ просить La Blancherie больше не приходить; я не отвѣтила ни слова, хотя и почувствовала нѣкоторое огорченіе; я подумала объ огорченіи, которое, какъ я ожидала, онъ почувствуетъ при этомъ запрещеніи; я рѣшила смягчить это огорченіе, передавъ объ этомъ распоряженіи сама, такъ какъ манера моего отца давала мнѣ поводъ бояться, чтобъ онъ не сдѣлалъ этого въ грубой формѣ. Нужно сказать правду, La Blancherie интересовалъ меня, и я воображала, что могу полюбить его; голова, вѣроятно, работала одна, но она была на пути къ увлеченію. Я написала, поэтому, любезное письмо, которымъ отказывала ему отъ дома и отнимала у него всякій поводъ отвѣчать мнѣ, но не разрушала надежды, что онъ нравился мнѣ, если онъ льстилъ себя ею.

Digitized by Google

Сдѣлавъ этотъ шагъ, я предалась грустнымъ и тихимъ мыслямъ, не очень возмущавшимъ мое благополучіе. Софія пріѣхала въ Парижъ; она оставалась въ немъ нѣкоторое время со своею матерью и сестрой Генріэтой; послѣдняя находилась тогда на равномъ съ нами положеніи, благодаря тому, что мы стали старше, а она стала спокойнѣе, и я подружилась и съ ней. Прелесть ея живого воображенія всюду метала искры и оживляла дружескія связи, въ которыя она вступала.

Я часто ходила въ Люксембургъ съ подругами и дѣвицей d'Hangard; я тамъ встрѣчала la Blancherie: онъ почтительно кланялся мнѣ, и я отвѣчала на поклонъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. „Ты значитъ знакома съ этимъ господиномъ?" сказала мнѣ однажды дѣвица d'Hangard, которая раньше принимала его поклоны на свой счетъ.—Да, а ты также?—„О да, конечно; но я никогда не разговаривала съ нимъ. Я бываю у дѣвицъ Bordenave [1]), онъ младшей изъ нихъ дѣлалъ предложеніе".—Давно ли?—„Годъ, полгода, можетъ быть и полтора; онъ съумѣлъ втереться въ домъ; онъ туда ходилъ отъ времени до времени, въ концѣ концовъ сдѣлалъ предложеніе: эти барышни богаты, младшая хорошенькая; у него самого нѣтъ ни гроша, и онъ ищетъ богатую наслѣдницу; онъ сдѣлалъ подобное-же предложеніе другой ихъ знакомой, и онѣ объ этомъ узнали; его спровадили; мы говоримъ, что онъ влюбленъ въ одиннадцать тысячъ дѣвъ. А откуда ты его знаешь?"—Я часто съ нимъ встрѣчалась на концертахъ г-жи l'Epine". И я прикусила себѣ губы, умалчивая объ остальномъ, очень обиженная тѣмъ, что вѣрила въ любовь человѣка, который, безъ сомнѣнія, просилъ моей руки лишь потому, что я была единственной дочерью, и еще болѣе разсерженная тѣмъ, что написала ему любезное письмо, котораго онъ не заслуживалъ. Урокъ быть осторожнѣе въ другой разъ!

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды маленькій савояръ пришелъ сказать моей прислугѣ, что кто-то гдѣ-то хочетъ ей что-то сказать: она выходитъ, возвращается, и говоритъ мнѣ, что г-нъ La Blancherie поручилъ ее упросить меня принять его. Дѣло было въ воскресенье; ко мнѣ должны были прійти мои родственники: „Да, отвѣтила я, пусть онъ приходитъ, но сію-же минуту; такъ какъ онъ поджидаетъ васъ около дома, то пойдите за нимъ и приведите его". La Blancherie является; я сидѣла у камина. „Я не смѣлъ, сударыня, явиться къ вамъ послѣ того, какъ вы мнѣ запретили это дѣлать; я очень хотѣлъ побесѣдовать съ вами, и не могу вамъ выразить, что̀ меня заставило перечувствовать дорогое и жестокое письмо, которое вы мнѣ тогда написали; мое положеніе измѣнилось съ того времени; у меня

---

[1]) Ихъ отецъ былъ очень извѣстнымъ хирургомъ, членомъ Академіи наукъ.

Digitized by Google

теперь планы, которымъ вы могли-бы не остаться чуждой". Онъ мнѣ изложилъ планъ сочиненія по критикѣ и морали, въ письмахъ, вродѣ Spéculateur, приглашая меня также писать по какому-нибудь вопросу. Я дала ему говорить, не прерывая его; я даже подождала еще немного послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ короткую передышку, чтобъ дать ему разсказать все, что у него лежало на сердцѣ. Когда онъ кончилъ, я высказалась, въ свою очередь, и замѣтила ему спокойно и вѣжливо, что я сама позаботилась извѣстить его о томъ, чтобъ онъ прекратилъ свои посѣщенія, потому что чувство ко мнѣ, въ которомъ онъ открылся моему отцу, заставило меня предположить, что онъ придавалъ значеніе продолженію этихъ посѣщеній и внушило мнѣ желаніе выразить ему свою благодарность за такое вниманіе; что въ мои годы живость воображенія примѣшивается ко всему, и иногда все представляетъ въ другомъ видѣ; но что заблужденіе не было преступленіемъ, и что я слишкомъ охотно отреклась отъ своей ошибки для того, чтобъ онъ придавалъ ей значеніе; что я восхищаюсь его литературными планами, но не желаю принимать въ нихъ никакого участія, такъ же, какъ и вообще въ чьихъ-бы то ни было планахъ; что я довольствуюсь пожеланіями успѣха всѣмъ авторамъ въ мірѣ такъ-же, какъ и ему, во всѣхъ областяхъ; что я согласилась его принять, чтобъ ему все это сказать, и прошу его уволить себя отъ всякой подобной попытки въ будущемъ; послѣ чего я попросила его на этомъ закончить свой визитъ. Онъ собирался обнаружить удивленіе, горе, обиду,—вообще все, что въ такихъ случаяхъ подобаетъ, но я его остановила, сказавъ La Blancherie, что я не знаю, высказались-ли дѣвицы Bordenave и другія, къ которымъ онъ обращался приблизительно въ то-же время, какъ и ко мнѣ, съ одинаковой откровенностью, но что моя откровенность безгранична, и что намѣренія, которыя я высказываю съ этою откровенностью, не допускаютъ объясненій. Я встала въ ту-же минуту, поклонилась и сдѣлала рукой тотъ знакъ, которымъ указываютъ на дверь тѣмъ, кого желаютъ удалить. Кузенъ Trude явился въ эту минуту; никогда я не видѣла его грубое лицо съ большимъ удовольствіемъ; La Blancherie ретировался въ молчаніи; съ тѣхъ поръ я его больше не видала; но кто не слыхалъ, послѣ того, объ *agent general de la correspondance pour les sciences et les arts*?

Такъ какъ La Blancherie сошелъ со сцены, вернемся къ Sainte-Lette и Ролану.

Наступилъ конецъ лѣта 1776 г. Въ теченіе 8 или 9 мѣсяцевъ я видѣла г-на Роланъ нѣсколько разъ. Онъ приходилъ не часто, но сидѣлъ долго, какъ человѣкъ, который бывалъ въ извѣстномъ мѣстѣ не съ тѣмъ, чтобъ показываться, а потому, что это ему доставляло удо-

Digitized by Google

вольствіе, почему и засиживался тамъ сколько могъ. Его разговоръ, поучительный и откровенный, никогда не наводилъ на меня скуки; онъ любилъ, чтобъ его слушали съ интересомъ, а я умѣю очень хорошо дѣлать это даже съ тѣми, кто менѣе образованъ, чѣмъ онъ, и это мнѣ доставило, быть можетъ, еще больше друзей, чѣмъ умѣніе самой выражаться съ нѣкоторою легкостью. Я познакомилась съ нимъ по его возвращеніи изъ Германіи; теперь онъ предполагалъ сдѣлать путешествіе по Италіи, и приводя дѣла въ порядокъ, какъ это почти всегда дѣлаютъ благоразумные люди, наканунѣ долгаго отсутствія, онъ избралъ меня хранительницей своихъ рукописей, которыя должны были остаться въ моемъ распоряженіи, еслибъ съ нимъ случилось какое-нибудь несчастье; я была искренно тронута этимъ знакомъ совершенно особеннаго уваженія, и приняла его съ благодарностью. Въ день его отъѣзда, онъ обѣдалъ у моего отца съ Sainte-Lette; прощаясь со мной, онъ попросилъ позволеніе поцѣловать меня; я не знаю почему, но эта любезность никогда не оказывается безъ того, чтобъ молодая дѣвушка не покраснѣла, хотя-бы даже ея воображеніе было вполнѣ спокойно. „Вы счастливы, что уѣзжаете, сказалъ ему Sainte-Lette своимъ серьезнымъ и торжественнымъ голосомъ, но спѣшите вернуться, чтобъ попросить о томъ-же!

Во время пребыванія Sainte-Lette во Франціи, его другъ de Sévelinge овдовѣлъ; онъ отправился къ нему въ Суассонъ, мѣсто его жительства, чтобъ раздѣлить его горе, и привезъ его въ Парижъ, чтобъ развлечь его. Они вмѣстѣ были у меня. Sévelinge, небогатый дворянинъ, былъ человѣкомъ пятидесяти двухъ лѣтъ. Онъ служилъ въ провинціи по финансовому вѣдомству, и занимался писательствомъ, какъ философъ, который знаетъ прелесть изящной литературы. Познакомившись съ нимъ такимъ образомъ, я поддерживала съ нимъ знакомство послѣ отъѣзда Sainte-Lette, который говорилъ, что ему доставляетъ нѣкоторое удовольствіе, покидая Францію, думать, что его другъ не лишится, благодаря этому, преимущества имѣть сношенія со мной; онъ даже испросилъ у меня позволеніе передать своему другу, съ тѣмъ чтобы тотъ вернулъ мнѣ ихъ нѣсколько позже, нѣкоторыя рукописи, которыя, какъ я упоминала, я сообщила ему. Этотъ интересный старикъ пустился въ море, быть можетъ, въ пятый или шестой разъ въ своей жизни. Язва на головѣ, отъ которой онъ уже раньше страдалъ, раскрылась во время плаванія: онъ пріѣхалъ больнымъ въ Пондишери, гдѣ умеръ чрезъ шесть недѣль по своемъ возращеніи. Мы узнали объ его смерти чрезъ Demontchéry. Sévelinges горько оплакивалъ его. Онъ писалъ мнѣ отъ времени до времени, и его письма, которыя были такъ-же хороши по краскамъ, какъ и по слогу, доставляли мнѣ большое удовольствіе; они носили отпечатокъ кроткой фи-

Digitized by Google

лософіи и грустной чувствительности, къ которымъ я всегда питала большую склонность. Я убѣдилась, по этому поводу, въ справедливости замѣчанія Дидеро, что развитой вкусъ предполагаетъ большой умъ, деликатныя чувства и нѣсколько меланхоличный темпераментъ.

Мой отецъ, благія намѣренія котораго незамѣтно улетучивались, нашелъ, что довольно безполезно выказывать свой умъ, когда это стоитъ денегъ за пересылку писемъ. Я разсказала о своемъ огорченіи дядечкѣ, который разрѣшилъ мнѣ посылать письма Sevelinges, котораго онъ видѣлъ у насъ, на его имя. Мои рукописи были возвращены мнѣ съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, которыми я очень гордилась, потому что я не воображала, чтобы мои произведенія были достойны критики. Это были, въ моихъ собственныхъ глазахъ, довольно умныя, но избитыя мечтанія на темы, которыя, какъ мнѣ казалось, всѣмъ должны были быть извѣстны; я не думала, чтобы они имѣли иное достоинство, кромѣ того, что были написаны молодою дѣвушкой. Я долго при оцѣнкѣ своей личности сохраняла полнѣйшую наивность; нужны были круговоротъ революціи, движеніе событій, разнообразіе положеній, обиліе сравненій, среди большой толпы и среди людей уважаемыхъ за ихъ достоинства, для того, чтобы дать мнѣ замѣтить, что ступень, на которой я нахожусь, не переполнена народомъ. Впрочемъ, — я спѣшу это замѣтить,—это гораздо болѣе доказало мнѣ недостатокъ людей въ моей странѣ, чѣмъ внушило высокое понятіе о себѣ самой. Не въ остроуміи ощущается недостатокъ,—оно встрѣчается очень часто,—а въ правильности сужденій и силѣ характера. Безъ этихъ двухъ качествъ, по моему мнѣнію, нельзя быть тѣмъ, что я называю мужчиной. Поистинѣ, Діогенъ былъ правъ, когда бралъ фонарь! Но революція можетъ замѣнить его: я не знаю болѣе точнаго мѣрила или лучшаго пробнаго камня!

Безансонская Академія предложила для соисканія преміи вопросъ о томъ, „какимъ образомъ воспитаніе женщинъ можетъ способствовать улучшенію человѣчества?“ Мое воображеніе начало работать. Я взялась за перо и написала разсужденіе, которое отправила инкогнито, и которое, какъ то легко себѣ представить, не нашли достойнымъ преміи. Ни одно изъ присланныхъ сочиненій не удостоилось, впрочемъ, этой чести. Тема была вновь предложена; но я не знаю, какіе получились результаты на слѣдующій годъ. Помню только, что, собираясь трактовать объ этомъ предметѣ, я почувствовала, что было-бы нелѣпо устанавливать способъ воспитанія, который-бы не соотвѣтствовалъ общему характеру нравовъ, зависящихъ отъ образа правленія, и что слѣдовало не стремиться преобразовать одинъ полъ посредствомъ другого, но улучшить людей, путемъ хорошихъ законовъ. Такимъ образомъ, хотя

Digitized by Google

я говорила какими, по моему мнѣнію, должны были-бы быть женщины, но я присовокупляла, что такими можно ихъ было сдѣлать лишь при другомъ порядкѣ вещей. Эта мысль, несомнѣнно вѣрная и философская, не соотвѣтствовала академической задачѣ: я разсуждала по поводу вопроса, вмѣсто того, чтобы разрѣшить его.

Я сообщила это разсужденіе г-ну de-Sévelinges, къ которому отправила его въ Безансонъ; Sévelinges сдѣлалъ мнѣ замѣчанія исключительно по поводу слога. Моя голова уже остыла; я находила свою работу очень несовершенной по существу и доставила себѣ развлеченіе написать на нее критику, какъ будто-бы она была написана кѣмъ-нибудь другимъ, надъ кѣмъ я хотѣла посмѣяться. Можно сказать, что это значило щекотать себя, чтобы смѣяться или давать себѣ пощечины, чтобы нагрѣть себѣ щеки, но несомнѣнно, что невозможно было-бы смѣяться въ одиночествѣ отъ болѣе чистаго сердца и болѣе невинно. За то Sévelinges сообщилъ мнѣ академическую рѣчь своего сочиненія объ искусствѣ рѣчи, съ которою онъ обратился въ Академію, и по поводу которой д'Аламберъ написалъ ему любезное письмо. Въ этомъ произведеніи было, какъ мнѣ помнится, много метафизики и нѣкоторое жеманство. Болѣе года протекло среди этого умственнаго общенія, подъ вліяніемъ котораго пробуждались, однако, мысли другого порядка. Sévelinges, повидимому, безпокоился о моемъ положеніи, и самъ скучалъ въ одиночествѣ; онъ много разсуждалъ о прелести интеллигентнаго общества; я придавала послѣднему большую цѣну. Мы долго разсуждали объ этомъ предметѣ; я не знаю какъ слѣдуетъ, какія, благодаря этому, пришли ему въ голову мысли, но онъ поѣхалъ въ Парижъ и явился къ моему отцу incognito, какъ-бы по дѣлу. Что было особенно смѣшно, это то, что я его не узнала, хотя и приняла его. Но чрезвычайно огорченный видъ, съ которымъ онъ простился со мной, поразилъ меня и пробудилъ въ моей памяти воспоминаніе объ его чертахъ. Я нашла послѣ его ухода, что незнакомецъ очень походилъ на него, и вскорѣ убѣдилась изъ его писемъ, что это дѣйствительно былъ онъ. Эта странность произвела на меня не особенно пріятное впечатлѣніе, сущности котораго я-бы не могла опредѣлить. Наша переписка стала менѣе дѣятельной; она впослѣдствіи прекратилась, какъ я то разскажу.

Я иногда бывала въ Венсенѣ. Духовное убѣжище моего дяди было очень красиво, прогулки прелестны, общество пріятно; но хотя дѣвица d'Hannaches прекрасно вела его хозяйство, онъ начиналъ чувствовать, что приходится искупать это удобство цѣной всякихъ дрязгъ, благодаря дурному расположенію духа и глупости старой дѣвушки съ претензіями. Въ Венсенскомъ замкѣ жило множество лицъ, которыхъ дворъ снабжалъ квартирами: одну квартиру занималъ старый

Digitized by Google

королевскій цензоръ, Moreau de la Garve; другую — женщина съ репутаціей ума, г-жа de-Puisieux; дальше помѣщалась графиня de-Laurencier; ниже—одна офицерская вдова, и такъ далѣе, не считая лейтенанта короля, ставшего извѣстнымъ благодаря Мирабо—Rougemont, лицо котораго, покрытое прыщами, и наглая глупость представляли самую отвратительную комбинацію. Рота инвалидовъ, жены офицеровъ которой тоже входили въ составъ мѣстнаго общества, составляла, вмѣстѣ со всѣми этими жильцами и капитуломъ, не считая заключенныхъ въ замковой башнѣ, 600 человѣкъ населенія въ оградѣ замка. Мой дядя былъ принятъ повсюду, но никуда не ходилъ часто и принималъ у себя лишь небольшое число лицъ. По вечерамъ, при возвращеніи съ прогулокъ, дѣлались обыкновенно остановки въ бесѣдкѣ на мосту въ паркѣ, гдѣ собирались женщины. Я тамъ могла-бы еще позаимствовать сюжетовъ для картинъ, еслибъ у меня было время ихъ писать. Но часы гонятся за мной, путь, которы мнѣ остается пройти, очень долгъ; и потому, очертя голову, перескакиваю черезъ множество вещей. Можно было-бы, однако, много разсказать забавнаго о балахъ въ „allée des voleurs“, о скачкахъ графа д'Артуа, о безумствахъ Seguin, кассира герцога Орлеанскаго, имянины котораго (Seguin) праздновались иллюминаціями и который вскорѣ послѣ того обанкрутился; и пріятныя прогулки въ лѣсу, и красивый видъ изъ верхняго парка на Марну, — видъ, ради котораго мы перебирались черезъ проломъ въ стѣнѣ, и кельи отшельниковъ въ лѣсу, расположенныя столь живописнымъ образомъ, въ церкви которыхъ находилась картина, цѣнная, какъ произведеніе художества, интересная по сюжету, гдѣ тысячи чертей мучили осужденныхъ всяческими способами; и мои чтенія съ дядей, особенно чтеніе трагедій Вольтера, изъ которыхъ мы однажды декламировали, каждый по очереди, нѣсколько ролей, когда въ самую патетическую минуту дѣвица d'Hannaches, молчаливо прявшая, начала кричать своимъ тонкимъ голосомъ на куръ, къ которымъ намъ очень хотѣлось ее отправить. И эти подхрамывавшіе концерты въ послѣобѣденное время, когда на столѣ, съ котораго только-что убрали посуду, футляры отъ стеклянныхъ цилиндровъ служили пюпитромъ для доброго каноника Bareux съ его очками, заставлявшаго гремѣть свой басъ, между тѣмъ какъ я пилила на своей скрипкѣ, а мой дядя фальшивилъ на флейтѣ. Ахъ! я еще вернусь къ этимъ милымъ картинамъ, если мнѣ дадутъ жить, но нужно возвратиться домой; однако сначала я разскажу о нѣкоемъ хвастунѣ, имѣвшемъ довольно извѣстное имя.

Digitized by Google

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ТОГО, ЧТО МНѢ ОСТАВАЛОСЬ РАЗСКАЗАТЬ, СЛУЖАЩЕЕ ПОСЛѢДНИМЪ ДОПОЛНЕНІЕМЪ КЪ МЕМУАРАМЪ [1]).

Рукописи, которыя мнѣ оставилъ г-нъ Роланъ, лучше познакомили меня съ нимъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Италіи, чѣмъ-бы то сдѣлали частыя посѣщенія. Это были путешествія, размышленія, планы работъ, анекдоты, касавшіеся его частной жизни; сильная душа, строгая честность, суровые принципы, знаніе и вкусъ явно выказывались въ нихъ.

Родившись въ достаткѣ, изъ стариннаго рода, отличившагося въ судейскомъ сословіи своей честностью, онъ еще въ молодости былъ свидѣтелемъ потери фамильнаго состоянія, благодаря недостатку порядка, съ одной стороны, и чрезмѣрнымъ тратамъ—съ другой. Какъ младшаго изъ пяти братьевъ, его заставляли вступить въ духовное званіе; одинъ и безъ помощи, 19 лѣтъ отъ роду, онъ покинулъ отцовскій домъ, чтобы не быть принужденнымъ избрать профессію священника или купца, къ которымъ онъ чувствовалъ одинаковое отвращеніе. Прежде всего онъ поѣхалъ въ Нантъ, гдѣ поступилъ къ одному судохозяину, чтобы пріобрѣсти нужныя свѣдѣнія и затѣмъ уѣхать въ Индію; всѣ распоряженія были сдѣланы, но съ нимъ вдругъ сдѣлалось кровохарканіе, благодаря которому ему, подъ страхомъ смерти, запретили путешествіе по морю. Тогда онъ отправился въ Руанъ, гдѣ г-нъ Godinot, его родственникъ, инспекторъ мануфактуръ, предложилъ ему вступить въ это вѣдомство. Онъ согласился на это, вскорѣ отличился своей расторопностью и трудолюбіемъ и, словомъ, оказался полезнымъ на своемъ мѣстѣ. Онъ дѣлилъ свое время между путешествіями и занятіями, наполнявшими его жизнь. Передъ своимъ отъѣздомъ въ Италію онъ привелъ къ моему отцу своего любимаго брата, бенедиктинца, бывшаго въ то время настоятелемъ гимназіи (collége) Cluny въ Парижѣ. Это былъ человѣкъ умный, кроткаго нрава и пріятнаго характера. Онъ иногда приходилъ навѣщать меня и сообщалъ замѣтки, которыя ему присылалъ братъ: послѣдній, по мѣрѣ того, какъ путешествовалъ, набрасывалъ на бумагу

---

[1]) Я въ своей послѣдней тетради остановилась на Венсенѣ: я собиралась разсказать о Carraccioli, котораго я видѣла у каноника и *письма* котораго, вышедшія подъ именемъ Ganganelli, имѣли нѣкоторый успѣхъ, хотя въ нихъ много было повтореній изъ его собственныхъ мелкихъ произведеній. Но слѣдить, такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, за событіями, было-бы слишкомъ большой работой, для которой у меня уже не остается достаточно времени жизни; я ограничиваюсь, поэтому, краткимъ обозрѣніемъ.

Digitized by Google

свои наблюденія; это тѣ самыя замѣтки, которыя онъ разбилъ, по своемъ возвращеніи, на письма и издалъ, поручивъ ихъ печатаніе своимъ Діепскимъ друзьямъ; одинъ изъ послѣднихъ, помѣшанный на итальянскомъ языкѣ, далъ слишкомъ большое мѣсто выпискамъ на этомъ языкѣ. Этому произведенію, полному содержанія, недостаетъ лишь хорошей редакціи, чтобы занять первое мѣсто среди путешествій по Италіи. Исправить его было однимъ изъ нашихъ намѣреній съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ бракъ; но мнѣ также хотѣлось увидѣть Италію; время и событія увлекли насъ въ другую сторону.

По возвращеніи г-на Роланъ я пріобрѣла въ немъ друга; его серьезность, его характеръ, его привычки, всецѣло посвященныя работѣ, заставляли меня считать его, такъ сказать, существомъ безъ пола, или философомъ, который жилъ лишь разумомъ. Установилось нѣкоторое довѣріе; и удовольствіе, которое онъ испытывалъ вблизи меня, постепенно выработало въ немъ потребность приходить все чаще. Я уже около пяти лѣтъ была знакома съ нимъ, когда онъ открылся мнѣ въ нѣжныхъ чувствахъ; я не была къ этому равнодушна, потому что я уважала его больше, чѣмъ кого-бы то ни было, кого я знала до тѣхъ поръ; но я замѣтила, что онъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ семьи, не былъ равнодушенъ къ матеріальнымъ обстоятельствамъ. Я ему откровенно отвѣтила, что его предложеніе мнѣ очень лестно, и что я съ удовольствіемъ приняла-бы его, но что я не считаю себя хорошей партіей для него; я изложила ему безъ обиняковъ положеніе нашей фирмы, которая была разорена. Я спасла, рѣшившись наконецъ потребовать отчета у моего отца, подъ страхомъ испытать его немилость, 500 ливровъ ежегоднаго дохода, что вмѣстѣ съ моими платьями составляло весь остатокъ того мнимаго богатства, въ которомъ я воспитывалась.

Мой отецъ былъ еще молодъ; его заблужденія могли вовлечь его въ долги, которые невозможность выплатить сдѣлала-бы впослѣдствіи позорными; онъ могъ необдуманно жениться и прибавить къ этимъ бѣдамъ дѣтей, которыя носили-бы мое имя въ нищетѣ, и т. д., и т. д., и т. д.. Я была слишкомъ горда, чтобы желать подвергнуться недоброжелательству семьи, которая не почла-бы за честь родство со мной, или великодушію мужа, который нашелъ-бы въ этомъ бракѣ одни огорченія; я посовѣтовала г-ну Роланъ, какъ то могло-бы сдѣлать постороннее лицо, перестать думать обо мнѣ. Онъ упорствовалъ; я была тронута и позволила ему сдѣлать необходимые шаги у моего отца; но, такъ какъ онъ предпочиталъ высказываться письменно, то было рѣшено, что онъ объяснится лишь въ письмѣ, когда вернется въ свое мѣсто жительства; и мы провели остатокъ времени его тогдашняго пребыванія въ Парижѣ, видаясь каждый день; я на него

Digitized by Google

смотрѣла, какъ на существо, съ которымъ должна была соединить свою судьбу, и привязалась къ нему. Немедленно по возвращеніи въ Аміенъ, онъ написалъ моему отцу, чтобы высказать ему свои желанія и намѣренія. Мой отецъ нашелъ его письмо сухимъ: онъ не любилъ строгость г-на Роланъ,—ему не особенно хотѣлось имѣть зятемъ человѣка суроваго, взгляды котораго напоминали ему взглядъ цензора; онъ отвѣчалъ ему грубо, дерзко, и показалъ мнѣ всю переписку, лишь когда уже отправилъ отвѣтъ. Я немедленно приняла рѣшеніе. Я написала г-ну Роланъ, что событіе это слишкомъ оправдывало мои опасенія относительно моего отца, что я не хочу ему причинять дальнѣйшихъ непріятностей и что я прошу его отказаться отъ своего намѣренія. Я объявила моему отцу о томъ, что̀ его поведеніе заставило меня сдѣлать; я прибавила, что послѣ этого онъ не можетъ удивляться моему рѣшенію создать себѣ новое положеніе и удалиться въ монастырь. Но такъ какъ я знала, что у него было нѣсколько спѣшныхъ долговъ, я оставила ему часть денегъ, принадлежавшихъ мнѣ, для ихъ уплаты; я наняла у общины маленькую комнату и устроила себѣ въ ней убѣжище, твердо рѣшивъ ограничить свои потребности соразмѣрно со своими доходами. Я это исполнила. Я могла-бы разсказать очень интересныя подробности объ этомъ положеніи, гдѣ я начала изощрять твердость сильной души. Я строго разсчитывала свои издержки и откладывала кое-что для подарковъ монастырской прислугѣ. Картофель, рисъ, фасоль, сваренная въ горшкѣ съ нѣсколькими крупинками соли и масломъ, — таково было разнообразіе кушаній, которыя составляли мою пищу, не отнимая у меня много времени. Я выходила изъ дому два раза въ недѣлю; одинъ разъ, чтобы посѣтить дѣдушку и бабушку, другой—, чтобы пойти къ отцу, пересмотрѣть его бѣлье и взять съ собой то, что нужно было починить. Остальное время, покрытая снѣжной крышей (я жила въ верхнемъ этажѣ, и дѣло было зимой), не желая быть постоянно въ обществѣ дамъ-пансіонерокъ, я предавалась занятіямъ; я закалила свое сердце противъ несчастій и отомщала судьбѣ, не дарившей мнѣ счастья, тѣмъ, что старалась быть достойной послѣдняго. Каждый вечеръ чувствительная Агата приходила провести со мною полчаса; кроткія слезы дружбы сопровождали изліянія ея сердца; я прогуливалась въ одиночествѣ по саду въ часы, когда всѣ оттуда удалялись; покорность разсудительнаго ума, миръ чистой совѣсти, высота характера, презиравшая несчастья, та привычка къ труду, благодаря которой часы протекаютъ такъ быстро, тотъ тонкій вкусъ здоровой души, который въ сознаніи жизни и своихъ собственныхъ достоинствъ находитъ утѣшенія, незнакомыя толпѣ,—таковы были мои сокровища. Я не всегда была свободна отъ меланхоліи, но и она имѣла свою пре-

Digitized by Google

лесть; и если я не была счастлива, то внутри меня было все, что требуется для счастья; я могла гордиться своимъ умѣніемъ обходиться безъ того, въ чемъ все-же чувствовала недостатокъ.

Г-нъ Роланъ, удивленный, огорченный, продолжалъ мнѣ писать, какъ человѣкъ, не переставшій любить меня, но оскорбленный поведеніемъ моего отца: онъ явился ко мнѣ по прошествіи пяти или шести мѣсяцевъ, и увидѣвъ меня у рѣшетки, съ моимъ счастливымъ видомъ, захотѣлъ меня освободить отъ заключенія; онъ снова предложилъ мнѣ свою руку черезъ своего брата, бенедиктинца, и уговаривалъ меня принять его предложеніе. Я тщательно обдумала, что дѣлать. Я не скрыла отъ себя, что человѣкъ, которому было-бы меньше 45 лѣтъ, не сталъ-бы ждать нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ попытаться убѣдить меня перемѣнить мое рѣшеніе, и признаюсь, что это уменьшило мое чувство до размѣра, при которомъ во мнѣ уже не оставалось никакихъ иллюзій; съ другой стороны его настойчивость, также очень обдуманная, давала мнѣ увѣренность въ томъ, что онъ меня оцѣнилъ, и что если онъ побѣдилъ свою щекотливость относительно внѣшнихъ непріятностей, которыя бракъ со мной могъ ему доставить, то я тѣмъ болѣе должна была быть увѣрена въ его уваженіи, которое мнѣ не трудно было оправдать. Наконецъ, если бракъ былъ, какъ я думала, строгимъ союзомъ, ассоціаціей, въ которой женщина большею частью брала на свое попеченіе счастье двухъ людей, то не лучше ли было упражнять свои способности въ этой почетной работѣ, чѣмъ въ уединеніи, гдѣ я жила?

Мнѣ пришлось-бы изложить здѣсь очень умныя, какъ мнѣ кажется, размышленія, которыя побудили меня дать согласіе; и однако мнѣ не пришли въ голову всѣ тѣ мысли, на которыя могли-бы натолкнуть обстоятельства, но въ наличности которыхъ одинъ опытъ даетъ возможность убѣдиться. Я стала женой истинно-добродѣтельнаго человѣка, который любилъ меня тѣмъ больше, чѣмъ лучше узнавалъ. Мое замужество было плодомъ вполнѣ сознательнаго рѣшенія, и ничто не могло-бы меня заставить отклониться отъ него въ сторону; я пожертвовала собой въ болѣе восторженномъ, чѣмъ обдуманномъ порывѣ. Думая лишь о счастіи другой стороны, я позже замѣтила, что чего-то недоставало для моего счастья; я ни одну минуту не переставала видѣть въ своемъ мужѣ одного изъ самыхъ почтенныхъ людей, какіе только существуютъ, и сознавать свое право гордиться тѣмъ, что принадлежу ему; но я часто чувствовала, что между нами недоставало равенства, что вліяніе властнаго характера и двадцати лѣтъ, на которые онъ былъ старше меня, дѣлали излишнимъ одно изъ этихъ двухъ превосходствъ. Когда мы бывали въ уединеніи, мнѣ иногда приходилось переживать тяжелые часы; когда мы

Digitized by Google

выѣзжали въ свѣтъ, я видѣла хорошее отношеніе ко мнѣ людей и замѣчала, что нѣкоторые изъ нихъ могли-бы произвести на меня слишкомъ большое впечатлѣніе: я погружалась въ работу со своимъ мужемъ, — другая крайность, имѣвшая свои неудобства; я пріучила его неумѣть обходиться безъ меня ни за что на свѣтѣ и ни на одну минуту,—и меня это утомило.

Я уважаю, я нѣжно люблю моего мужа, словно чувствительная дочь, обожающая добродѣтельнаго отца, для котораго она даже пожертвовала-бы своимъ любовникомъ; но я нашла человѣка, который могъ-бы быть этимъ любовникомъ; оставаясь вѣрной своему долгу, я однако, благодаря моей искренности, не съумѣла скрыть чувствъ, которыя я принесла ему въ жертву. Мой мужъ, чрезвычайно чувствительный и въ своихъ привязанностяхъ, и въ самолюбіи, не могъ вынести мысли о малѣйшемъ умаленіи своей власти; его воображеніе омрачилось, его ревность раздражила меня, счастье далеко улетѣло отъ насъ; онъ меня обожалъ, я для него пожертвовала собой,—и мы были несчастны. Если-бъ я была свободна, я всюду слѣдовала-бы по его стопамъ, чтобы смягчить его печаль и утѣшить его старость; обладая душой, подобною моей, никогда не можешь дѣлать жертвы въ половину; но Роланъ ожесточился при мысли о жертвѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что я ее приношу ему,—его счастье разрушилось; онъ страдаетъ, что долженъ принять жертву, и не можетъ безъ нея обойтись.

Изложеніе всѣхъ этихъ событій, а также того, чѣмъ заполнялись предшествовавшіе имъ годы, дало-бы много свѣдѣній для познанія человѣческаго сердца и полезныхъ уроковъ чувствительнымъ людямъ.

Весь первый годъ моего замужества мы провели въ Парижѣ, куда Роланъ былъ призванъ управленіемъ торговли, желавшимъ провести новыя фабричныя постановленія,—постановленія, противъ которыхъ Роланъ боролся изо всѣхъ силъ во имя принциповъ свободы, всюду имъ проводимыхъ. Онъ печаталъ описаніе нѣкоторыхъ ремеслъ, сдѣланное имъ для Академіи, и приводилъ въ порядокъ свои рукописи объ Италіи; онъ сдѣлалъ меня своимъ переписчикомъ и своимъ корректоромъ; я исполняла эту работу со смиреніемъ, при воспоминаніи о которомъ не могу удержаться отъ смѣха, и которое мнѣ кажется почти несовмѣстимымъ съ столь развитымъ умомъ, какимъ я обладала; но оно исходило отъ сердца; я такъ искренно уважала моего мужа, что очень охотно вѣрила въ превосходство его сужденій; и я такъ боялась омрачить его лицо, онъ такъ крѣпко держался за свои взгляды, что я лишь много времени спустя пріобрѣла смѣлость ему противорѣчить. Въ то-же время я прослушала курсъ естественной исторіи и курсъ ботаники; это было единственнымъ, хотя

Digitized by Google

и труднымъ отдохновеніемъ отъ моихъ занятій секретаря и хозяйки; такъ какъ Парижъ не былъ нашимъ обычнымъ мѣстопребываніемъ, и потому мы жили въ меблированныхъ комнатахъ, а слабое здоровье моего мужа, какъ я замѣтила, не могло приноровиться ко всякому столу, то я брала на себя трудъ сама приготовлять кушанья, которыя ему нравились. Мы провели четыре года въ Аміенѣ; тамъ я сдѣлалась матерью и выкормила ребенка, не переставая раздѣлять работу моего мужа, который взялъ на свое попеченіе значительную часть новой энциклопедіи. Мы покидали кабинетъ лишь ради загородныхъ прогулокъ; я составила гербарій растеній Пикардіи, и занятія изученіемъ водяныхъ растеній дали матеріалъ для Art du tourbier (искусство добывать торфъ). Частыя заболѣванія давали мнѣ поводъ безпокоиться за жизнь Ролана; мои заботы не были ему безполезны и послужили между нами новою связью: онъ меня любилъ страстно за мое самопожертвованіе,—я привязалась къ нему за добро, которое ему дѣлала.

Въ Италіи онъ познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ уважалъ за кроткую и честную душу, и который, вернувшись съ нимъ во Францію, гдѣ занялся медициной, сдѣлался нашимъ близкимъ другомъ. Это былъ Lanthenas, котораго я бы уважала еще больше, еслибъ революція, этотъ пробный камень людей, не обнаружила, толкнувъ его въ движеніе, слабость его характера и его посредственность. Онъ отличается личными добродѣтелями, но лишенъ внѣшней привлекательности; онъ очень нравился моему мужу и очень привязался къ намъ обоимъ; я любила его и относилась къ нему, какъ къ брату,—я даже его называла этимъ именемъ. Его привязанность, его честность съ давнихъ поръ были неизмѣнны. Онъ захотѣлъ поселиться съ нами; Роланъ соглашался принять его, но я воспротивилась этому, потому что считала, что столь полная жертва со стороны человѣка его возраста, испытывавшаго привязанность, какую онъ выказывалъ, влекла за собой тайную мысль о взаимности, которую мнѣ запрещали мои принципы, и которой онъ, къ тому-же, не могъ-бы добиться отъ меня. Это былъ добрый и нѣжный братъ, но онъ не могъ быть чѣмъ нибудь инымъ для моего сердца, и это сознаніе дѣлало меня особенно свободной и искренней въ задушевной дружбѣ, установившейся между нами тремя. Lanthenas, какъ, по всей вѣроятности, большинство людей, былъ доволенъ тѣмъ, что имѣлъ, пока другіе не получали больше, чѣмъ онъ; но замѣтивъ, что я не осталась равнодушной (къ другому), онъ сталъ несчастнымъ и ревнивымъ; ничто не дѣлаетъ людей столь угрюмыми и даже несправедливыми; я это почувствовала, и была слишкомъ горда, чтобъ пощадить его: онъ удалился еще болѣе разозленный, воображая себѣ самое худшее; самыя его убѣж-

Digitized by Google

денія получили новый оттѣнокъ; его сердце мѣшало ему быть жестокимъ, какъ монтаньяры, но онъ ни на что не хотѣлъ болѣе смотрѣть, какъ смотрѣла я, и еще менѣе—какъ тотъ, кого, какъ онъ видѣлъ, я страстно любила; онъ хотѣлъ стать между *правой стороной*, *страсти* которой онъ порицалъ, и лѣвой, крайностей которой онъ не могъ одобрить; онъ сталъ менѣе, нежели ничѣмъ, и заставилъ обѣ стороны презирать себя.

Софья вышла замужъ, во время моего пребыванія въ Аміенѣ, за кавалера de Comicourt, который жилъ въ шести лье оттуда и велъ хозяйство въ своемъ имѣніи. Генріетта, которая любила г-на Роланъ и за котораго ея семья мечтала выдать ее замужъ, открыто одобрила предпочтеніе, оказанное имъ мнѣ, съ тою трогательною искренностью, которая дѣлаетъ честь ея характеру, съ тѣмъ великодушіемъ, которое заставляетъ ее любить. Она вышла замужъ за старика de Vouglans, вдовца, и которому духовникъ и докторъ совѣтовали жениться, хотя ему было 75 лѣтъ. Обѣ онѣ овдовѣли: Софья снова стала ханжей, и ея больная грудь дѣлаетъ ее очень слабой и заставляетъ опасаться за ея жизнь, необходимую двумъ хорошенькимъ дѣтямъ. Разница нашихъ характеровъ и убѣжденій, въ связи съ разлукой и событіями, ослабила нашу дружескую связь, хотя и не порвала ея. Генріетта, свободная, по прежнему живая и любящая, посѣтила меня въ моемъ заключеніи, гдѣ она охотно заняла-бы мое мѣсто, чтобы спасти меня.

Въ началѣ нашей супружеской жизни Роланъ пожелалъ, чтобъ я рѣже видалась со своими подругами; я подчинилась его желанію, и только когда время внушило моему мужу достаточно довѣрія ко мнѣ и устранило всякое безпокойство относительно соперничества въ привязанности, я позволила себѣ ихъ чаще посѣщать; это былъ съ его стороны плохой разсчетъ; бракъ вещь серьезная и суровая; если вы лишите чувствительную женщину сладости дружбы съ лицами ея пола, вы лишаете ее необходимой пищи и подвергаете ее опасности. Какъ подробно можно было-бы развить эту истину!

Въ 1784 г. мы перешли въ Ліонскій округъ; мы поселились въ Вильфраншѣ, въ домѣ семьи г-на Роланъ, гдѣ еще жили его мать, 84-лѣтняя старушка, и его старшій братъ, каноникъ и совѣтникъ. Я могла-бы изобразить много картинокъ нравовъ маленькаго города и ихъ вліянія на людей; изобразить домашнія непріятности, вытекавшія изъ совмѣстной жизни съ женщиной, почтенной по своему возрасту, но ужасной по характеру, и среди двухъ братьевъ, изъ которыхъ младшій имѣлъ страсть къ независимости, а старшій—привычку къ власти и связанные съ нею предразсудки.

Въ теченіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ мы жили въ Ліонѣ, который я хорошо узнала и о которомъ могла-бы многое разсказать. Городъ вели-

Digitized by Google

колѣпный по своему мѣстоположенію и постройкамъ, съ цвѣтущими фабриками и торговлей, интересный своими древностями и коллекціями, блестящій своимъ богатствомъ, внушавшій зависть императору Іосифу и имѣвшій видъ великолѣпной столицы; нынѣ—обширное кладбище, гдѣ волнуются жертвы правительства въ сто разъ болѣе жестокаго, чѣмъ самый деспотизмъ, на развалинахъ котораго оно возвысилось. Осенью мы ѣздили въ деревню; а послѣ смерти г-жи de la Platière, моей свекрови, мы проводили тамъ большую часть года. Приходъ Thézée, расположенный въ двухъ лье отъ Вильфранша, гдѣ находится Clos la Platière,—край съ безплодною почвой, богатый виноградниками и лѣсами; это—послѣдняя область произрастанія винограда передъ высокими горами Beaujolais. Тамъ мои простые вкусы пріобрѣли навыкъ во всѣхъ тонкостяхъ сельскаго хозяйства и животноводства; тамъ я примѣняла, для облегченія своихъ сосѣдей, пріобрѣтенныя познанія; я стала деревенскимъ докторомъ, тѣмъ болѣе любимымъ, что подавала денежную помощь, вмѣсто того, чтобы требовать вознагражденія, и что удовольствіе быть полезною дѣлало мой уходъ пріятнымъ. Какъ легко крестьяне дарятъ свое довѣріе тѣмъ, кто дѣлаетъ имъ добро! Говорятъ, что они неблагодарны; правда, что я не претендовала на то, чтобъ кто-нибудь считалъ себя мнѣ обязаннымъ; но меня любили, и когда я уѣзжала, меня оплакивали. Со мной также случались забавная сцены, и иногда добрыя женщины пріѣзжали за мной за три или за четыре лье съ лошадью, чтобы просить меня отправиться спасти отъ смерти кого-нибудь, отъ кого отказался докторъ. Моего мужа я-таки спасла въ 1789 г. отъ смерти, во время одной страшной болѣзни, отъ которой предписанія доктора не вылѣчили-бы его безъ моего ухода. Я провела двѣнадцать дней безъ сна, не раздѣваясь, прожила шесть мѣсяцевъ въ безпокойствѣ и волненіи, во время опаснаго выздоровленія, и даже не прихворнула,—настолько сердце придаетъ силъ и удваиваетъ энергію. Революція наступила и воспламенила насъ; друзья человѣчества, поклонники свободы, мы думали, что она должна переродить людей, уничтожить позорную нищету того несчастнаго класса, которому мы такъ часто соболѣзновали; мы встрѣтили ее съ восторгомъ. Наши убѣжденія возстановили противъ насъ въ Ліонѣ многихъ людей, которые, благодаря привычкѣ къ разсчетливости въ торговлѣ, не понимали, чтобы философскіе взгляды людей могли побудить ихъ вызвать и одобрить перемѣны, полезныя лишь для другихъ; это одно сдѣлало ихъ врагами г-на Роланъ; за то другіе съ той поры стали больше уважать его. Онъ былъ избранъ въ муниципалитетъ перваго созыва; здѣсь онъ отличился своей непреклонной прямотой; его стали бояться, и клевета, съ одной стороны, открыла противъ него походъ, между тѣмъ какъ, съ другой, его защи-

Digitized by Google

щали привязанность или справедливость. Будучи избранъ депутатомъ для защиты интересовъ города въ Assemblée constituante, онъ пріѣхалъ въ Парижъ; мы провели тамъ около года: въ другомъ мѣстѣ я разсказала, какъ мы тамъ познакомились съ нѣкоторыми членами этого собранія, и, естественно, подружились съ тѣми, которые, подобно намъ, свободу любили не ради себя, но ради нея, и которые нынѣ вмѣстѣ съ нами дѣлятъ участь, общую почти всѣмъ основателямъ свободы,—участь настоящихъ друзей человѣчества, какъ напримѣръ Діона, Сократа, Фокіона и столькихъ другихъ изъ древняго міра, Барневельта и Сиднея,—изъ новѣйшаго времени.

Вмѣстѣ съ моимъ мужемъ я совершила путешествіе въ Англію въ 1784 г. и въ Швейцарію въ 1787 г., и познакомилась съ интересными личностями въ обѣихъ этихъ странахъ; мы сохранили сношенія съ нѣкоторыми; меньше года тому назадъ я получила письмо отъ Lavater'a—того знаменитаго Цюрихскаго пастора, который извѣстенъ своими сочиненіями, своимъ блестящимъ воображеніемъ, своимъ любящимъ сердцемъ и чистотой своихъ нравовъ: честный и ученый Gossé изъ Женевы навѣрно горюетъ о преслѣдованіи, которое мы претерпѣваемъ; я не знаю, что сталось съ способнымъ Dezach, недавно объѣздившимъ Германію, бывшимъ прежде профессоромъ въ Вѣнѣ; съ нимъ я часто встрѣчалась въ Лондонѣ, гдѣ Роланъ спорилъ съ нимъ у Banks, предсѣдателя королевскаго общества, у котораго собирались ученые его страны и иностранцы, гостившіе въ Лондонѣ. Я путешествовала съ удовольствіемъ и пользой, которыя извлекаешь въ обществѣ человѣка, уже знающаго мѣста и хорошо ихъ изучившаго; я наблюдала и излагала письменно то, что производило на меня наибольшее впечатлѣніе. Я посѣтила также нѣкоторыя части Франціи: революція помѣшала нашей поѣздкѣ на югъ Франціи и путешествію въ Италію, котораго я желала и на которое надѣялась. Мы были влюблены въ общественное благо, и оно завладѣло всѣми нашими помыслами; оно подчинило себѣ всѣ наши планы; мы предались страсти служить ему. Читателю уже извѣстно изъ другого отрывка (первое министерство), какимъ образомъ Роланъ попалъ въ члены правительства, такъ сказать, безъ его вѣдома, и его общественное поведеніе не можетъ не доказать безпристрастному потомству его безкорыстіе, его знаніе, его добродѣтель.

Мой отецъ, который отнесся къ намъ не очень хорошо, не заключилъ ни брака, ни слишкомъ обременительныхъ обязательствъ; мы заплатили нѣкоторые сдѣланные имъ долги и убѣдили его оставить дѣла, которыя могли лишь быть неудачными, и обезпечили ему пенсію. Какъ ни были для него пагубны его ошибки, благодаря которымъ онъ только что спустилъ еще и небольшое наслѣдство моей

Digitized by Google

бабушки, и хотя онъ могъ быть только доволенъ нашимъ поведеніемъ по отношенію къ нему,—его высокомѣріе заставляло его сильно страдать отъ сознанія, что онъ намъ обязанъ; это раздраженное состояніе мѣшало ему, порой, быть справедливымъ даже относительно тѣхъ, кто желалъ угождать ему; онъ умеръ шестидесяти лѣтъ отъ роду, въ суровую зиму 1787—1788 г., отъ катарра, которымъ онъ болѣлъ уже давно. Мой дорогой дядя умеръ въ Венсенѣ въ 1789 г.; вскорѣ вслѣдъ за этимъ мы потеряли любимаго брата моего мужа; онъ совершилъ вмѣстѣ съ нами путешествіе въ Швейцарію, сдѣлался настоятелемъ и приходскимъ священникомъ въ Longpont, былъ назначенъ избирателемъ своего округа; здѣсь онъ проповѣдывалъ свободу и велъ жизнь, проникнутую евангельской добродѣтелью; адвокатъ и врачъ своихъ прихожанъ, болѣе мудрый, чѣмъ слѣдуетъ монаху, онъ былъ преслѣдуемъ честолюбцами своего ордена и очень страдалъ отъ придирокъ, доставившихъ ему огорченія, которыя ускорили его кончину. Такъ всюду, во всѣ времена, добрые умираютъ: есть, вѣроятно, для нихъ другой міръ, въ которомъ они должны возродиться,—иначе не стоило-бы родиться въ этомъ мірѣ!

Слѣпые клеветники, пойдите слѣдомъ за Роланомъ, выискивайте ошибки въ его жизни, наблюдайте мою жизнь, наведите справки въ обществѣ, среди котораго мы жили, въ городахъ, гдѣ мы обитали, въ деревнѣ, гдѣ нельзя притворяться; изслѣдуйте... Чѣмъ ближе вы насъ увидите, тѣмъ вамъ будетъ досаднѣе: вотъ почему вы хотите насъ уничтожить!...

Ролана упрекали за то, что онъ хлопоталъ для себя о дворянствѣ; вотъ какъ было дѣло. Семья Ролана пользовалась правами дворянства въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ силу должностей, которыя она занимала, не передававшихъ, однако, дворянство по наслѣдству, и благодаря богатству, дававшему возможность поддерживать всѣ знаки его—гербъ, домовую церковь, ливрею, помѣстье и т. д. Богатство исчезло; его мѣсто занялъ умѣренный достатокъ, и Роланъ ожидалъ умереть въ помѣстьѣ, единственномъ сохранившемся въ его семьѣ и принадлежащемъ его старшему брату; онъ думалъ, что его труды даютъ ему право обезпечить за своими потомками преимущество, которымъ пользовались его предки и купить которое онъ-бы погнушался. Въ виду этого онъ предъявилъ свои документы, чтобы получить грамоты для удостовѣренія своего дворянства или быть возведеннымъ въ это званіе. Это было въ началѣ 1784 г.; я не знаю человѣка, который въ то время и въ положеніи Ролана счелъ-бы противнымъ благоразумію сдѣлать то-же самое. Пріѣхавъ въ Парижъ, я вскорѣ увидѣла, что новые intendans de commerce, завидовавшіе его старшинству въ отрасли администраціи, гдѣ онъ былъ болѣе ихъ свѣдущъ,

Digitized by Google

не раздѣлявшіе его взглядовъ на свободу торговли, которую онъ энергично защищалъ, при выдачѣ ему письменнаго удостовѣренія объ его большихъ работахъ, въ которомъ они не могли ему отказать, не дадутъ ему того оттѣнка, который обезпечилъ-бы ходатайству успѣхъ. Я рѣшила, поэтому, что отъ этой мысли нужно отказаться и не дѣлала уже никакихъ дальнѣйшихъ попытокъ. Узнавъ о перемѣнахъ, о которыхъ я говорила въ любопытной статьѣ о Lazowski, я просила и добилась перевода Ролана въ Ліонъ, что́ приближало его къ родинѣ и давало возможность жить въ своей семьѣ, куда, какъ я знала, онъ желалъ впослѣдствіи удалиться... Патріоты дня, которымъ нужна была революція, чтобы сдѣлаться чѣмъ-нибудь, предъявите ваши творенія и осмѣльтесь сравнить!

Тринадцать лѣтъ, проведенныхъ въ различныхъ мѣстахъ, среди безпрерывной работы и очень разнообразныхъ личныхъ отношеній, изъ которыхъ самыя недавнія имѣютъ столь близкую связь съ современной исторіей, дали-бы матеріалъ для четвертаго и самаго интереснаго отдѣла моихъ мемуаровъ. Отрывочныя статьи, которыя читатель найдетъ въ *Portraits et Anecdotes*, заступятъ ихъ мѣсто: я не могу больше водить перомъ среди ужасовъ, раздирающихъ мою родину; я не могу жить на ея развалинахъ, я предпочитаю быть погребенной подъ ними. Природа, разверзни свое лоно! Боже праведный, пріими меня!

Въ тридцать девять лѣтъ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Если-бы я могла еще остаться въ живыхъ, у меня, кажется, было-бы лишь одно желаніе: написать *лѣтописи вѣка* и быть г-жею Маколей [1]) своей родины; я чуть было не сказала Тацитомъ Франціи, —но это было-бы нескромно, и повѣсы (polissons—игра словъ), не претендующіе быть таковыми въ другомъ смыслѣ, сказали-бы, что мнѣ кое-чего для этого недостаетъ. Въ тюрьмѣ я прониклась настоящею страстью къ Тациту; я не могу уснуть, не прочитавъ изъ него нѣсколькихъ отрывковъ: мнѣ кажется, что у насъ съ нимъ одинаковые взгляды, и современемъ, очень можетъ быть, я по поводу столь-же богатаго сюжета стала-бы подражать ему въ изложеніи.

Мнѣ очень жаль, что вмѣстѣ со своими *Notices historiques* я потеряла одно письмо, которое написала Garat 6-го іюня. Я ему вручила свой протестъ противъ моего ареста; онъ написалъ мнѣ въ отвѣтъ любезное письмо въ четыре страницы, въ которомъ высказывалъ мнѣ все свое уваженіе, горе и пр.; въ то-же время онъ входилъ въ полюбовную сдѣлку съ общественнымъ благомъ и старался приписать двадцати двумъ ихъ собственную погибель, обвиняя ихъ въ томъ, будто они дѣйствовали и говорили въ собраніи противно интересамъ республики. Я отвѣтила Garat убѣдительными доводами, но въ выраженіяхъ, о которыхъ сожалѣю; я изобразила ему его поведеніе, какъ результатъ слабости, которой я приписывала всѣ наши страданія,—слабости, раздѣляемой трусливымъ большинствомъ, повинующимся лишь чувству страха; я доказала ему, что онъ и Бареръ способны были-бы лишь погубить всѣ государства въ мірѣ и опозорить самихъ себя своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ; я никогда не могла выносить безсмысленныхъ, высокопарнымъ разсужденій стада глупцовъ, направленныхъ противъ того, что они называли страстями правой. Честные люди, твердые въ принципахъ, проникнутые

[1]) Англійская писательница Macauley-Graham (1733—1791), авторъ восьмитомной исторіи Англіи въ XVII и началѣ XVIII вѣка (1763 и слѣд.), отличавшаяся большою любовью къ свободѣ. *Прим. Ред.*

Digitized by Google

справедливымъ негодованіемъ противъ преступленій, энергично возставали противъ порочности нѣсколькихъ злодѣевъ и жестокихъ мѣръ, внушаемыхъ этою порочностью,—и эти евнухи въ политикѣ упрекали ихъ въ излишней горячности!

Ролана изъ всѣхъ силъ обвиняли за то, что онъ покинулъ министерство вскорѣ послѣ того, какъ сказалъ, что никакія волненія не заставятъ его уйти оттуда. Не поняли того, что ему нужно было показать свою рѣшимость, чтобы поддержать слабыхъ, и что 6 января онъ этимъ способомъ ободрилъ ихъ; но что приговоръ надъ Людовикомъ XVI, произнесенный 18 января или около того, доказалъ, что благоразумные люди были въ меньшинствѣ и что ихъ владычество въ Конвентѣ пало; что онъ, поэтому, не могъ надѣяться ни на какую поддержку и долженъ былъ уйти какъ можно скорѣе, чтобы не принять участія въ ихъ безумствахъ. Конечно! Роланъ ненавидѣлъ тиранію и считалъ Людовика виновнымъ; но онъ хотѣлъ упрочить свободу и рѣшилъ, что она погибла, какъ только горячія головы захватили власть въ свои руки. Онъ оказался слишкомъ правымъ, также какъ и тѣ, которыхъ сегодня везутъ на казнь! Впрочемъ, мнѣ кажется, что я уже изложила это въ статьѣ, озаглавленной *Второе министерство.* Выходъ Ролана изъ министерства послужилъ знакомъ пораженія; онъ это предвидѣлъ.

Моя бѣдная Агата! Она вышла изъ монастыря, не переставъ быть плачущею голубкою; она плачетъ по своей дочери, какъ она меня называетъ. Ахъ! Я могла-бы описать многихъ людей, повѣствованіе о которыхъ связано съ исторіей моей жизни; эта добрая кузина Desportes, умершая пятидесяти лѣтъ, послѣ многихъ горестей; эта маленькая кузина Trude, удалившаяся въ деревню и нынѣ разводящаяся со своимъ мужемъ; моя старая няня, прозванная Mignonne, которая умерла у моего отца и испустила духъ у меня на рукахъ, со словами: „Сударыня, я всегда просила Провидѣніе лишь объ одномъ,— умереть около васъ; я довольна“. И эта несчастная дружба моего несчастнаго отца съ однимъ негодяемъ,—Leveilly, къ дочери котораго я выказала участіе; я сдѣлала ее предметомъ благодѣяній, ея молодость, живость, нѣкоторая привлекательность возбуждали жалость,—и она такъ низко пала; потерявъ всякій стыдъ, она заставила меня, недавно, прогнать ее отъ себя, между тѣмъ, какъ я принимала ея братьевъ и оказывала имъ услуги.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

YC 74854

M303210

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google